

ISSN0868-698x

СТОЛИЦА

иллюстрированный еженедельник

№ 50(56)
1991 г. 1руб. 50коп.

*Будем счастливы
в Новом году!*

индекс 73746

МОСКОВСКИЙ БАНК
СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ

БАНК
Р С Ф С Р

**СИМВОЛ
НАДЕЖНОСТИ**

ЧЕРНЫЙ БРОКЕР — ЭМБЛЕМА ПЕЧАЛИ?

О любви к доходной торговле, которой занимаются совсем не те и не так, как нам кажется

— Мой номер — 234. Он означает, что я своего рода белая кость среди «черных» брокеров и мне можно доверять полностью — работаю давно, связи устойчивые, товар качественный. Личный код имеют немногие, но сейчас, когда ОБХСС нами практически не занимается, нужда в конспирации отпала.

Собеседник не обращался в редакцию с просьбой исповедоваться, как часто пишут в таких случаях. Не скрывал своего имени, не просил держать фамилию в тайне. Единственный вопрос, который он задал в ответ на предложение рассказать о черном брокерстве, обескуражил меня: «Хотите, чтоб в ОБХСС проснулись?» Пришлось признаться, что у «Столицы» иные задачи.

— Тогда слушайте, — сказал Сергей Проханов, — черным брокерством занимаются практически все. Появилось оно не так давно — года

четыре назад. Кто-то, решив заняться посредничеством, рублей за триста в месяц нанимал девушку с телефоном. Как правило, это были молодые мамы — они сидели дома и записывали звонки: кому что надо и кто что предлагает. Девушки являлись пассивными посредниками, не умели обрабатывать информацию, и вскоре от их услуг отказались. С этого момента брокерство вступило в новую, более совершенную фазу.

Во-первых, началась специализация — одни стали заниматься компьютерами, другие — калькуляторами, третьи — ксерксами... Во-вторых, сложились негласные правила торговли. Например, встречается брокер с продавцом. Товар переходит из рук в руки. Рассчитываются и оба смотрят на часы. Если товар окажется с дефектом, его можно будет вернуть в течение суток. Через двадцать пять часов ник-

то ничего обратно не примет. Однажды я купил дорогой компьютер и повез заказчику. Стали проверять — перегорел блок питания. Я слегка запаниковал — продала компьютер мне полька. Минут за тридцать, через других брокеров, связался с ней по телефону. Она сказала: «Привозите, поменяю, время еще есть». Оказывается, в Польше действует такое же правило.

В-третьих, чем быстрее рос дефицит, тем интенсивнее шли сделки.

— Но ведь год назад появились первые биржи, брокерские дома. Теперь их просто в избытке. Зачем же таким кустарным способом торговать?

— Этот, как вы называете, кустарный способ позволяет уйти от налогов и рэкетиров. К тому же не все

(Окончание на стр.18)

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник

Москва, ы101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 413739
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:

Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Анатолий ОСТРОУХОВ
(ответственный секретарь)
Владимир ПЕТРОВ
(главный художник)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМИРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Учредитель: Моссовет

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-83-40

Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Ecomews, Швейцария.

Подписку за рубежом осуществляет агентство Ecomews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland.

Fax: 41.21—311.45.11
Tel.: 41.21—311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 10.12.1991

Тираж 120000. Цена 1 р. 50 к.
(для подписчиков 1991 — 95 к.)

© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственной ассоциации предприятий, объединений и организаций полиграфической промышленности «АСПОЛ»

142300, г. Чехов Московской области. Зак. 1963

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

КАПИТАЛ

- 1 Черный брокер — эмблема печати?
Е. Колесникова

АКЦЕНТ

- 3 Пациент скорее мертв, чем жив
К. Рыбак

СУБЪЕКТИВНОЕ МНЕНИЕ

- 12 Интеллигенция и мирная революция
Л. Радзиховский

ВЛАСТЬ

- 24 В большом и темном лесу, в столице...
Елена Борисова

БАРАХОЛКА

- 26 Следите за руками
Д. Никитин

ПРАВО

- 28 Бродяга
Е. Салина

ВОСПОМИНАНИЯ

- 34 Борис Эйхенбаум — порядочный человек в непорядочной стране
Н. Малинин

РОК-АТЕЛЬЕ

- 45 Эпитафия советскому року
А. Беляков

ЗЕРКАЛО

- 56 Растворение плоскости
Н. Самонов

КУЛЬТУРА

- 58 Золотая пора конца века
И. Любарская

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Директор издательства
Борис РАБКИН

Над номером работали:

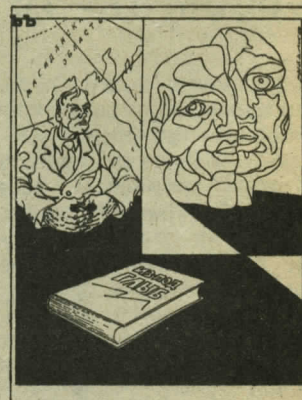
В. ЦЫБУЛЬСКИЙ,
С. СИНЯВИН,
Р. КАТЕЕВА

8 Александр ТИМОФЕЕВСКИЙ:
«...лишь несколько месяцев после своего возникновения в декабре 1990 года «Независимая» стала едва ли не самой престижной газетой. Но...»

21 Аэлита ЕФИМОВА:
«Игра была по-крупному. Азартная и рискованная. Однако речь пойдет о солонке, которую гендиректор «Блица» догадался-таки подстелить. И из которой сегодня разгорелся весь сыр-бор...»

48 Владимир ГЛОТОВ:
«Спокойно, читатель! Войдем в лубянский кабинет середины семидесятых, и если дрожь и слабость в коленях выдаст наше волнение, не стыдитесь его. Кто же он, тайный ви-зирь, чекист, идеологический контраразведчик, вылавливающий меня, внутреннего диверсанта?»

ПАЦИЕНТ СКОРЕЕ МЕРТВ, ЧЕМ ЖИВ

Новый Союз... Нужен ли он народам, населяющим громадные территории от Кенигсберга до Находки? Можно ли воссоздать хоть что-то единое на обломках СССР? Каково будущее российской государственности? Не постигнет ли Россию печальная участь Советского Союза? Сможем ли мы жить в мире со вчерашними «братскими народами», создающими сегодня свои национальные государства? Что вообще ждет нас всех в ближайшем будущем, что там, за очередным поворотом? Этим вопросам был посвящен «круглый стол», состоявшийся по инициативе Фонда социально-политических исследований.

Александр ЦИПКО, доктор философских наук, публицист, политолог:

— Одно из самых печальных последствий скоропостижного краха коммунизма на территории СССР — пугающая неопределенность. На мой взгляд, есть два примерно одинаково вероятных варианта развития событий. Первый: бывшие союзные республики во главе с РСФСР все же попытаются общими усилиями воссоздать хоть какой-то государственный центр, сохранить ССГ в каких-то разумных границах, сделать его жизнеспособным. Второй вариант связан с возможным превращением РСФСР в независимое государство. Ведущие российские политики в последнее время все чаще и все громче заявляют о необходимости отделения России от Союза, что, по их мнению, должно завершить распад так называемой советской империи.

Против воссоздания Союза, безусловно, есть целый ряд аргументов. Вся наша история не очень-то располагает к воссозданию единого государства. Да, Союз был навязан, да, это была империя, народы стремя-

тся к свободе, и мы должны уважать право народов на самоопределение. Все большее распространение получает ультрарадикальный взгляд на эту проблему: раз система была нежизнеспособной, значит, она должна распасться на мельчайшие элементы, на отдельные кубики. А как только распад закончится, эти мельчайшие элементы должны будут искать новые связи, они воссоздадут те или иные рациональные структуры объединения. Еще один аргумент связан с глубинными структурными сдвигами в российском сознании и российском самосознании. Русские сами устали от империи, они теперь другие, они стремятся уйти от своего прошлого и прийти в новое историческое состояние, поэтому поддерживают разрушение Союза...

С другой стороны, восстановление российской государственности и как следствие превращение всех прочих республик в независимые государства также порождает много проблем.

События в Чечено-Ингушетии показали: если Российская Федерация включится в разрушение

единого союзного государства, ее постигнет та же участь, что постигла Советский Союз: Россия попросту развалится. Все те аргументы, что использовал Ельцин в борьбе против коммунистического центра, используют теперь национал-сепаратисты в российских автономиях. Как вообще объяснить чеченцу, что молдаванин имеет право создать независимое государство, а он, чеченец, не имеет?

Становится все более очевидным, что даже русское национальное самосознание, русский идентитет неоднороден. Так что неизвестно, смогут ли русские, потеряв все окраинные территории, ужиться в едином национальном государстве, не появятся ли у нас суверенитеты на «исконных» территориях? Восемнадцатый год показал, что это вполне возможно. Может появиться и Дальневосточная республика, и Сибирское правительство, и правительство Юга России...

Есть еще проблема чисто человеческая. Эстония приняла варварский закон о гражданстве, который в одночасье превратил почти шестьсот тысяч человек в людей второго сорта. Это высококультурная Эстония! А что будет, если такой же закон появится, например, на Украине? Что будет, если в центральных российских области устремятся одновременно три, четыре, пять миллионов беженцев? Последствия — непредсказуемы.

Наконец, последнее. Процесс неконтролируемого самораспада государства может вызвать необратимые деформации в психике людей. В экстремальных ситуациях люди начнут действовать иррационально. Значит — небывалый всплеск пре-

ступности, насилия, беспредел по типу сумгаитского или наманганского...

Итак, воссоздание Союза в его прежнем виде очень маловероятно. В то же время попытка превращения России в независимое государство может привести к глобальной катастрофе, равной которой еще не знало человечество.

Игорь БУНИН, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Фонда социально-политических исследований:

— Процесс распада государства, о котором только что говорил Александр Сергеевич, подчиняется, к сожалению, не одной только воле Бориса Николаевича Ельцина.

Как известно, власть состоит из трех элементов. Эти элементы: политическая легитимность, чиновничий аппарат и аппарат принуждения, способный при необходимости использовать силу. Обладает ли этими тремя элементами Союз Суверенных Государств? Нет. Разве можно всерьез говорить о какой-либо легитимности союзного центра? Коммунистическая и социалистическая идеологии рухнули. Союзная власть никогда не легитимизировалась свободными выборами. Августовские события окончательно добились центр с политической точки зрения.

От аппарата остался только Горбачев. Плюс — его команда, состоящая частично из старых аппаратчиков, частично из шестидесятников, либо недавно примкнувших к президенту, либо делегированных в союзные структуры Ельциным. Если завтра Горбачев уйдет в отставку, послезавтра Союз будет просто невозможно воссоздать физически.

Что касается аппарата принуждения... Всем понятно, что Горбачев не сможет уже ни в какой форме применить силу ни в одной точке ССГ.

Теперь давайте посмотрим, смогли ли союзные республики, и прежде всего Россия, воссоздать эти три элемента на своем уровне. Ни одна из республик не может теперь эксплуатировать ни коммунистическую, ни социалистическую идею. Здесь все республики, кроме России, обратились к национализму. Национализм просто заполнил созданный политический вакуум. На основе национальной идеи могут восстановить свою легитимность практически все государства-республики,

кроме многоязычных, многонациональных: Казахстана, Украины, России.

Примерно так же обстоят дела с новым чиновничьим аппаратом. В РСФСР, в частности, его еще практически нет.

Использование силы на территории России также невозможно — из-за того, что силовые методы управления лишь ускорят развал РСФСР.

Один из наиболее вероятных путей воссоздания хоть какого-то нового центра — во взаимодействии российской и союзной бюрократии. Конечно, это два медведя в одной берлоге, это пересекающиеся интересы, личное соперничество, амбиции... Но в том случае, если союзные и российские властные структуры пойдут на взаимную притирку, если центр постепенно будет передавать свои полномочия руководству РСФСР и тем самым постепенно легитимизировать российскую власть, думаю, процесс распада будет остановлен.

Андраник МИГРАНЯН, профессор, ведущий научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований АН СССР:

— Объявив о своем суверенитете, Россия, как мне кажется, совершила поворот громадного исторического значения, посрамив стойкое убеждение, что именно Россия-де блокирует процесс разрушения коммунистической империи. Если раньше русский народ воспринимался как какой-то особенный, реализующий себя не через национальное государство, а через экспансию, то теперь все видят: русские — такие же, как татары, как литовцы, как армяне, как черкесы. Они — такие же, как все остальные нации, так же, как всем остальным, им необходима своя государственность.

Ципко говорит: союза уже нет, российского государства еще нет, поэтому не нужно торопиться, не нужно форсировать разрушение империи... Но чем дальше мы «не будем торопиться», тем трагичнее будет последствие, потому что в условиях отсутствия сильной государственной власти невозможна никакая реформа. Нужно как можно скорее строить российское государство именно потому, что возврат к Союзу невозможен.

Как это ни парадоксально звучит,

но немного найдется в мире стран, которые были бы столь же мононациональны, как Россия. 81,5 процента населения РСФСР — русские. Это огромная цифра. В Эстонии — 61,5 процента эстонцев, в Грузии — 70 процентов грузин. И Эстония, и Грузия строят национальные государства. Почему же 81 процент русских в России не могут говорить о СВОЕМ национальном государстве?

Именно из-за огромного преобладания основной национальности на территории РСФСР ни одна из нынешних автономий не сможет отделиться от России демократическим путем, через референдум — просто не будет достаточного количества голосов. Угроза распада РСФСР поэтому мне представляется весьма преувеличенной.

Перспектива становления русской государственности двояка. Первый вариант — национальное государство в рамках РСФСР, но при сохранении особой роли России в числе республик бывшего Союза. Второй вариант — или сам Ельцин, или те политики, что придут ему на смену на гребне национальной волны, попытаются реализовать сербскую модель: Россия там, где русские.

Но и в том, и в другом случае говорить о подлинной независимости России можно будет не раньше, чем руководство РСФСР осознает, что такое Россия, каково предназначение России, каковы интересы России, каковы должны быть границы России.

Александр ТЕРЕХОВ, докторант экономического факультета МГУ, заместитель председателя Демократической партии России:

— До сих пор мы говорили о политическом и национальном аспектах проблемы будущих форм существования Союза и России. Вместе с тем есть еще и экономическая сторона вопроса, которая не менее, а может быть, и более важна.

Мы решили, и, кажется, окончательно решили, идти к рынку. Причем почти у каждого экономиста есть своя концепция этого самого рынка. Но какая, простите, может быть своя концепция закона Ома или таблицы Менделеева? У рынка, как и у периодической таблицы химических элементов, есть некие принципы, которые нужно знать, а не обсуждать.

Один из этих принципов таков: рынок может формироваться только в национальных рамках, он может

сложиться лишь в том случае, если он национально обособлен. А уж потом, в своем логическом развитии, совокупность национальных рынков превращается в единый интернациональный рынок. Конечной цели здесь нельзя достичь одним махом.

Не только теория, но и практика показывают: ни один рынок никогда не формировался сразу же на большой территории. В Соединенных Штатах было тринадцать локальных рынков, тринадцать валют, тринадцать таможенных служб — только таким путем они вошли в цивилизацию. То же самое происходило и в Германии, хотя немецкий рынок имеет намного меньшую территорию, чем американский.

Наша страна ужасно огромна. В нашей стране установить единое экономическое пространство за короткий срок невозможно. В этом отношении наши беды не от коммунистов и не от демократов, а от некомпетентных действий как коммунистов, так и демократов. По нашим данным, из России ежегодно перекачивается в другие республики пятьдесят миллиардов рублей, Россию со всех сторон окружают таможенными барьерами. В то же время у РСФСР только-только появилась своя таможенная служба в лице одного сотрудника — у него даже заместителя нет, лишь сейчас вырабатывается концепция этой службы. Дальше так продолжаться не может. Ведь Россия могла бы решать практически все конфликты с соседями путем оказания политического и, главное, экономического давления, путем умелого манипулирования кнутом и пряником. Могла бы — но не оказывает и продолжает играть в поддавки с сопредельными государствами...

Марк УРНОВ, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Фонда социально-политических исследований:

— Что меня наводит на грустные размышления в сегодняшней дискуссии, так это наши попытки давать какие-то стратегические рекомендации: развал Союза чреват непредсказуемыми катаклизмами, и поэтому его нельзя допустить; у России есть некая великая миссия, и она должна ее реализовать! Эта нормативность создает страшно опасную иллюзию управляемости нынешних геополитических процессов на территории ССГ.

На самом деле происходящий распад Союза, так же как и распад России, в принципе неуправляем, и остановить этот распад никто не сможет.

С одной стороны, поднимаются мощные национально-религиозные движения на окраинах, и власть не может этим движениям противодействовать. С другой стороны, русский народ, как это ни печально, уже не способен стать консолидирующим центром ни Союза, ни русского национального государства.

Если отвлечься от высокого штиля и взглянуть на русских не как на нацию, а как на популяцию, выводы будут неутешительными. Эту популяцию в течение четырех поколений терроризировали, посыпали дустом, вышибали самую активную ее часть. Популяция серьезно больна. Когда проводятся сплошные медицинские обследования русской молодежи, то здоровых оказывается не больше четверти, когда проводятся неофициальные статистические исследования, выясняется, что тридцать процентов мужского населения России — алкоголики. Нация спивается, нация подорвана генотипом, нация находится в государственной апатии, она не способна на взрывы, не способна ни на какие мощные общественные движения.

Итак, распад России, по-видимому, потеряет все исламские территории. Будет волна беженцев? Будет! Страшная. Будет психологическая нестабильность? Будет! Будут болезни? Будут!

Гигантская страна, по всей видимости, превратится в федерацию разнотипных российских регионов — Сибирского, Центрального, Восточного. По южным краям этой федерации окажется тяготеющая к исламу и, в общем-то, враждебная популяция. Так что вести речь придется не о едином государстве, а о системе коллективной безопасности по типу Север—Юг.

Нужно понять: вот так это будет. И не надо зарывать голову в песок, надо строить политику таким образом, чтоб как можно больше смягчить социальные последствия, как можно меньше получить синяков и шишек.

Александр БУЗГАЛИН, доктор экономических наук, профессор экономического факультета МГУ:

— Мне кажется, вопрос о будущем национально-территориальном

устройстве на территории ССГ и на территории РСФСР связан с тем, какими будут возникающие государства. Если будут формироваться тоталитарные или полутоталитарные структуры с сильной исполнительной властью, то дезинтеграции, причем кровавой, нам не избежать. Если будут складываться по-настоящему демократические государства, объединяющие людей по многим признакам, если экономика этих государств будет ориентирована на рынок, то дезинтеграция пройдет намного безболезненнее и это создаст фундамент для грядущего объединения страны.

Власть, представляющая интересы то ли трудового коллектива, то ли органов самоуправления по месту жительства, то ли любой другой общности, сформированной по производственному, национальному, культурному, этническому признаку, эта власть гибка и подвижна, она не завязана жестко на национально-государственное устройство и бюрократический механизм.

Восстановлению единого государства будут способствовать новые межреспубликанские массовые демократические движения. На территории Союза работают и новые профсоюзы, и союз трудовых коллективов, и федерация потребителей. Практически все эти организации оказались наднациональными, даже, скорее, вненациональными, потому что основаны на единой социальной базе, на общности реальных интересов.

Потребность в объединении страны возникнет еще и в силу единства технологического уровня промышленности всего бывшего СССР. Плохую комплектующую деталь для нашего предприятия может поставлять только такое же плохое предприятие в другом конце страны. Если деталь будет слишком хорошей — она будет дорога. То же самое касается единства инфраструктуры экономики, единства институтов, единства исторического развития. Можно по-разному относиться к советской истории, но то, что на территории Союза во многом сформировался единый этнос, — факт. У нас огромный багаж общей культуры, масса межчеловеческих связей. Поэтому интеграция новых государств в новый Союз, по-видимому, неизбежна. Но, повторяю, лишь в том случае, если становление новых государств на территории ССГ и

РСФСР не пойдет по тоталитарно-бюрократическому пути.

Алексей САЛМИН, доктор исторических наук, заведующий отделом сравнительных исследований Института рабочего движения и сравнительной политологии:

— Распад Союза не имеет логического характера. Государство разваливается совсем не на те части, которые выделяют политологи, оно разваливается совсем не так, как должно было разваливаться с логической точки зрения. Поэтому воссоздание (если оно начнется), видимо, будет идти совсем не тем путем, какой представляется вероятным, и даже не по тем линиям, по которым происходил распад.

Дезинтеграционные процессы на территории РСФСР — продолжение, составная часть единого дезинтеграционного процесса в огромном геополитическом регионе. Экономика, к сожалению, способствует этому. И не потому, что так придумали большевики. У нас ведь никогда не было единого хозяйственного комплекса, государственный колосс держался исключительно на политике, на идеологии.

В то же время есть ярко выраженная психологическая потребность воссоздания единого государства. Социологические опросы показывают: если сегодня проводить еще один референдум о будущем Союза, то 3А Союз высказались бы: в Москве — 81 процент жителей, в Киеве — 60 процентов, в Алма-Ате — 86 процентов, в Красноярске — 74 процента. По сравнению с данными мартовского референдума рост популярности идеи единого государства огромен. Есть еще реальный фактор, способствующий возрождению Союза — о нем не упоминали предыдущие ораторы, — это, простите, угроза иностранной интервенции. Интервенцию не следует, конечно, понимать как американский десант во Владивостоке, а французский — в Одессе, нет. Это может быть вмешательство Турции в азербайджанские дела, вмешательство Румынии в Молдове. Как поведут себя русские в Азербайджане (достаточно спокойно отнесшиеся к провозглашению этой республикой суверенитета), если вдруг окажутся на территории союзного Турции или корпорированного с Турцией государства? Думаю, это им не очень понравится...

Каким путем пойдет восстановление? Здесь, к сожалению, следует отметить, что использование военной силы присутствует в большинстве наиболее вероятных вариантов.

Вариант первый — централизованный армейский. Отбросив все лишнее, все, что толклось в дверях и мешалось под ногами в августе — КГБ, компартию, — войсковое командование совершает переворот. Чисто технический, без капли идеологии. Цель — возрождение государства.

Возможен другой вариант: армия и какое-то учредительное собрание. Либо военные делают переворот и созывают нечто вроде земского собора, либо такой земский собор собирается сам и зовет на помощь армию.

Третий вариант. Армия и президент или армия и диктатор.

Четвертый вариант. Армия начинает брать власть в свои руки по военным округам, как это было в Китае в двадцатых-тридцатых годах.

Казацкий, или казацко-жириновский, вариант. Инициатива идет «снизу». Штурмовые группы, вооруженные отряды захватывают власть в городах. Почему «казацкий»? Казак — это русский человек в экстремальной ситуации.

Какие еще есть пути? Легитимный — нечто вроде более или менее безболезненного восстановления монархии на территории Союза — при одобрении подавляющего большинства населения, естественно.

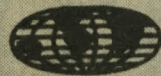
Последний путь — демократический. Он не слишком вероятен и, к сожалению, в последнее время все меньше ассоциируется с правительством РСФСР, потому что это правительство идеально неудачно: оно одновременно и слабое, и недемократичное...

Александр ЦИПКО:

— На мой взгляд, в том распаде империи, которому мы стали свидетелями, нет ничего демократического. Страна пытается уйти от большевистско-миссионерской идеи преобразования мира, но новые правители впадают в новый тоталитаризм — на этот раз во имя демократической, на первый взгляд, идеи самоопределения народов. Да, было много крови, много несправедливостей, но мое глубокое убеждение: слишком много общего у народов, населяющих эту территорию, чтобы резать страну вот так, по живому. Долг де-

мократической интеллигенции — противостать новому витку насилия, который неизбежен в условиях тотальной суверенизации.

Записал Кирилл РЫБАК

Впервые в России!

**РЕКЛАМНАЯ
СЛУЖБА
«DD»**

предлагает

совместным и малым предприятиям, организациям, кооперативам и частным лицам:

— ПУБЛИКАЦИЮ ВАШЕЙ РЕКЛАМЫ В РУССКО-ЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ США, КАНАДЫ И АВСТРАЛИИ (реклама товаров и услуг, частные объявления о продаже квартир, дач, машин за СКВ, брачные объявления и т.д.);

— ЮРИДИЧЕСКУЮ РЕГИСТРАЦИЮ ФИРМ В США (регистрация документов, легализация их в советском консульстве, бизнес-принадлежности с вашим фирменным знаком и т.д.);

— СОПУТСТВУЮЩИЕ УСЛУГИ (экспресс-почта в США и Канаду, секретарские услуги в США и т.д.).

Оплата в рублях и СКВ.

Телефон: 375-12-85

Адрес: 109649, Москва, а/я № 29, служба «DD»

Возможен выезд агента.

*Организации
требуются
машинистка*

921-89-65

Александр ТИМОФЕЕВСКИЙ

ПРИШЛА И ГОВОРИЮ

(заметки о «Независимой газете»)

Должно быть обязанность всякого,
кто любит людей — учить смеяться
над истиной, учить смеяться саму
истину, так как единственная
твердая истина — что надо
освобождаться от нездоровой
страсти к истине.
Умберто Эко. «Имя розы»

В течение всего лишь нескольких месяцев после своего возникновения в декабре 1990 года «Независимая» стала едва ли не самой престижной московской газетой. Но за головокружительным взлетом последовало не менее головокружительное падение, начавшееся сразу после августовских событий. Та же столичная интеллигенция, которая так благоволила к новой газете минувшей зимой-весной, принялась говорить о ней все более сдержанно, потом раздраженно, потом тоскливо, а потом и вовсе перестала ее читать. Скучно. Нельзя сказать, чтобы сама «Независимая» была уж очень виновата в этих причудах общественного мнения: она почти не стала хуже и, в общем, не сильно изменилась. Во всяком случае, такого печального кульбита одними изменениями не объяснишь, хотя и совсем скидывать их со счетов тоже не следует.

Собственно, все изменения свелись к одному, правда, довольно существенному: «Независимая» теперь выходит не три, а четыре раза в неделю, превратившись от вторника до четверга в ежедневную газету. По всей видимости, это была редакторская ошибка. Старая периодичность — раз в два дня — идеально соотносилась с господствующим в газете тоном: средним между информированием и комментированием. Уже нет и не может быть новизны в сообщении — поздно, но еще нет и не может быть глубины в обобщении — рано. Не ежедневная газета с ее упором на факт и не еженедельная — на анализ, а нечто промежуточное и по-своему счастливо найденное. Новая периодичность эту счастливую находку разрушила: полуинформирование-полукомментирование со вторника по четверг звучит необязательно, газета стала жидковатой, но многое в ней, как прежде, стабильно и неизменно. Все так же лучше других парламентский обозреватель Сергей Пархоменко, которого читать почти всегда интересно, все так же хуже других полоса искусств, которую читать почти всегда совестно. В основном все, как было. Но успех далеко не тот.

В отличие от нового для нас «Коммерсанта» «Независимая» с первых же номеров была вторична и стилистически зависима: три источника, три составные части «Независимой» — «Литературная газета», «Московские новости» и уже упомянутый «Коммерсант».

На место «Литгазеты» в этом ряду вроде бы просится прежняя «Советская культура», формально более близкая «Независимой»: тот же объем при той же периодичности. Но близость здесь только формальная. Орган ЦК КПСС «Советская культура» был «культурой для наро-

да». В роли «культуры для культурных» выступала «Литгазета», и только она одна. Именно вслед за ней обратилась «Независимая» к тому обширному и туманному слою, который во всем мире называется «средним классом», а у нас резиновым словом «интеллигенция». Именно вслед за «Литературной газетой», всегда имевшей вкус к абстрактному словопрению, появились в «Независимой» расплывчатые, взаимозаменяемые и как угодно широко трактуемые рубрики типа «Идеи и люди», «Общество» или «Стиль жизни». Вместе с полосой «Искусство» они образуют гигантский блок культуры, волевыми заливаемыми ведерными статьями.

Качество этих статей весьма неравнозначно: граница проходит, как правило, по государственной границе, резко отделяя Бродского, Вайля и Гениса, Парамонова и временно покинувшего нас Эпштейна от большинства их бывших соотечественников, прежде всего штатных авторов «НГ», пишущих не только неизмеримо хуже (что было бы еще полбеды), но и на совершенно другом языке. Возникает сплошной конфуз: на одних и тех же страницах миссионер беседует с папуасом. Как по завету Лысенко, из одного корня лезут ананас и репа. Все это броско декорируется под многообразие и живой плюрализм. То же самое происходит и по отделу политики.

«Независимая» возникла год назад, когда на двух полюсах либеральной журналистики находились газеты двух Яковлевых — «Московские новости» и «Коммерсант». Их скрытое противостояние носило характер почти классицистского конфликта: между моральным чувством, зовущим на борьбу за правое дело, и здравым смыслом, который повелевает находиться над схваткой. Обе эти крайние позиции не вполне устраивали интеллигентного обывателя, обе казались чрезмерными. Левые к тому времени уже успели наделать много глупостей, и моральное чувство, раскиснув, больше не восставало на борьбу даже за самое правое дело. С другой стороны, высокомерный здравый смысл «Ъ», прельстивший интеллектуалов, для обычного интеллигента был слишком элитарен, слишком холоден и циничен.

Нашедшая средний тон между информированием и комментированием, ориентированная на среднecультурного читателя, «Независимая» и тут выбрала золотую середину. Виталий Третьяков, бывший заместитель Егора Яковлева, возглавив новую газету, принес в нее моральную ангажированность старой, но в приглушенном виде. «Независимая» примирляла обоих Яковлевых на интона-

ционном уровне: получились вроде бы те же «Новости», но изложенные в повествовательной, отстраненной манере «Коммерсанта». Получилась песня Раймонда Паулса с ее прямым попаданием в душу. Получилось именно то, чего ждал интеллигентный обыватель, с грустью замечавший у «Новостей» вместо сердца пламенный мотор, а у «Коммерсанта» там же рассудительный компьютер. Казалось, что в новой газете он обретал само сердце — большое и человеческое, мудрое и спокойное, без гнева и пристрастия, как гласила строка из Тацита, навсегда вынесенная в эпиграф.

Мудрая «Независимая» сразу предложила иную дозу плюрализма, немислимую в «Новостях». Правые получали возможность говорить без обычного в таких случаях гнева и пристрастия редакционного постскриптума. Так естественно возникал в газете разнобой голосов, по своему перекликающийся с разнобоем на полосах культуры. Радикалы и реакционеры, либералы и консерваторы, умные и глупые, развратные и непорочные, образованные и невежды — все дружно и вместе стали высказываться с одних и тех же страниц, а истинно независимый читатель «Независимой» составлял свое независимое мнение. Когда дело дошло до антисемитского письма, «Литературная газета» возмутилась: как же можно сеять национальную рознь, не давая отпор глупой писульке? Давать отпор глупой писульке — глупо вдвойне. Но есть еще один выход — не печатать ее вовсе.

Идеи плюрализма и независимости газета Виталия Третьякова принялась исповедовать с отчаянной буквальностью. За этими идеями стоит давняя российская тоска по отделенному от государства гражданскому обществу, которого у нас никогда не было и до сих пор нет. Но оно вряд ли появится, когда все говорят в одном месте разом. Независимая газета не есть обязательное порождение независимого общества. Все в точности наоборот. Обязательным порождением независимого общества являются как раз газеты, зависимые от многообразных партий и структур. Газета «Правда» была плоха вовсе не тем, что зависела от КПСС. Плохо было то, что все газеты зависели от одной партии.

Перевести название нового издания с английского не трудно. Кто бы перевел на нашу почву английскую реальность, в которой веками складывались партийные структуры, то самое вождевленное гражданское общество. В результате (и совсем недавно) там возникла британская «Независимая», такой вот узор, такой вот десерт. У нас одинокий десерт в отсутствие простого куса хлеба выглядит странновато. До августа это не имело принципиального значения. В существовавшей тогда простой оппозиции — коммунисты — антикоммунисты — навязчивый плюрализм «Независимой газеты» никого не мог ввести в заблуждение. Сейчас газета не изменилась, но изменилась политическая ситуация. И какая-то часть интеллигентных обывателей, преданных раньше своей «Независимой», перестала ее читать потому только, что устала быть независимой. Обыватель платит шестьдесят копеек именно за то, чтобы не разбираться самостоятельно во всех неаппетитных подробностях. И если его газета, его партия, его политический обозреватель X говорит то-то, значит, так оно и есть. А коли ему это не нравится, он будет читать другую газету, другой партии, где политический обозреватель Y скажет о том же самом все прямо противоположное. И в этом заведомом согласии с чужой, раз и навсегда разделенной точкой зрения больше независимости, чем в нашем плюрализме, который проявляется почему-то на один манер.

В справедливой западной аксиоме, что общество должно быть независимо от государства и личность от общества, слово «независимость», переключившись к нам, как-то само собой и незаметно становится синонимом слова «оппозиция». И это чувство вечной оппозиции переживается как откровение, как момент обретенной истины. Истина может быть маленькой, средней или очень крупной, но сопричастность ей рождает чувства одинаково страстные, одинаково горькие, одинаково личные. Пример уж совсем крошечной истины, поведенной читателю «НГ», относительно недавно, — грустная история о плагиате, совершенном «Юридической газетой», которая присвоила себе сноску: «Редакция не располагает возможностями вести частную переписку и т.д.» в авторской версии «Независимой». На взгляд «НГ», украденная сноска, видимо, отличается особой красотой слога и глубиной мысли, раз «Независимая» совершенно серьезно предлагает такого рода тексты впредь патентовать. Рассказ о вовремя незапатентованной сноске теряется в бесконечной веренице жалоб, коим нет числа: на «Московские новости», на программу «Вести», на черта в ступе, который процитировал без ссылки, без должного уважения, без признания первородства, на злодеев, задумавших известить «НГ», а вместе с ней и саму Истину.

Рисовал А.Заяц

Типичным образчиком истины покрупнее была статья Бориса Любимова, раскрывшая нам глаза на Михаила Александровича Ульянова, который — кто бы мог подумать? — долгие годы был членом ЦК КПСС. Публикация статьи накануне съезда СТД вроде бы имела прямой практический смысл: снять Ульянова с поста председателя. Самое замечательное, что это, по всей видимости, даже не подразумевалось. Ульянова переизбрали огромным большинством голосов, ни на какой расклад сил статья не повлияла за отсутствием, надо полагать, расклада. Просто Борис Любимов сказал последнюю правду о Михаиле Ульянове, выступив в излюбленном жанре «НГ» — «пришла и говорю».

В том же жанре выдержаны и бесчисленные нападки на Ельцина, посыпавшиеся листопадом с началом последнего осеннего сезона. И опять-таки возникает вопрос: может, «НГ» задумала снять Ельцина? Нет, вроде бы не задумала. Тогда зачем этот листопад? Да все за тем же — чтобы сказать последнюю правду, чтобы открыть глаза на Истину. И действительно, разве «Юридическая газета» не украла у «НГ» редакционную сноску, разве Ульянов долгие годы не был членом ЦК, разве Ельцин не делает ошибки сплошь и рядом? И кто еще, помимо «НГ», наставит, направит, втолкует, вззовет? И вправду, никто.

Средний тон между информированием и комментированием в «НГ» не только и даже не столько стилистическая находка. Путь от сообщения к обобщению лежит через реакцию — стон души, крик сердца, как всегда, вопиющего в пустыне.

Политическая газета «Московские новости» — хорошо ли, плохо — занимается политикой как черной работой, справедливо полагая, что здесь нет Истины, а есть корысть, и значит, нужно считаться с реальностью. Несомненной реальностью на сегодняшний день является Ельцин — и значит, с ним нужно считаться в первую очередь. Из этой простой посылки исходит скромная деятельность «Новостей». Деятельность «Коммерсанта» исходит из посылки принципиально иной. Он занят политикой не как черной работой, а как искусством, максимально отстраняясь от своего предмета. Он не участвует в происходящем и не считается с ним. Обе позиции понятны. Непонятно их смешение. Можно участвовать и считаться, можно не участвовать и не считаться. Но участвовать, ни с чем не считаясь, это что-то уж очень независимое, сравнимое лишь с одной газетой «День».

Парадоксальное это сравнение парадоксально лишь на первый взгляд, а уже на второй — затруднительно объяснить, чем две газеты отличаются друг от друга.

На первый взгляд, «Независимая», знамя прогресса, противостоит «Дню», знамени реакции, что по сути во всех отношениях неверно. Редактируемый литератором Прохановым «День» — орган «духовной оппозиции», как и «НГ», ангажирован Истиной и хотя бы только поэтому не стал политической газетой, пусть даже и реакционной. Знамя знаменем, а печатным оплотом правых является вовсе не цэдээловский «День», а газета, так и называющаяся — «Политика». Она мало озабочена Истиной, но зато очень считается с реальностью и очень заигрывает с Ельциным, чего неллицеприятный Проханов никогда себе не разрешит. Он публикует такие же бескорыстные тексты, как и «Независимая». Идеальный образчик этого бескорыстия — напечатанная в «НГ» статья Юлия Росинского «Свободно конвертируемый генсек», которую «Независимая» как будто позаимствовала из редакционного портфеля «Дня».

Автор статьи заступает за Хонеккера, возмущаясь тем, что его задумали вернуть в Германию. «Если задуманное будет сделано, — пишет Росинский, — понятно, что со стариком обойдутся ТАМ снисходительно, личевать не станут. Но как жить ЗДЕСЬ, когда ни чести, ни совести не заваялось у нас даже под ногтями? Неужели непонятно, что сдавать везем не Хонеккера, а собственную душу! Поганую душу рабов, дураков, попрошаек и трусов. Везем в обмен на сосиску. Да и не дадут ее нам, чудачки мы этикие. Поманят и не дадут. (...) Так что, россияне, — на колени?! (...) Гонорар за этот текст прошу выслать (желательно мясом) Московскому зоопарку. Кроме животных, сострадания в этой стране не стоит никто».

В захлебывающейся статье Росинского поражает неосознанность тона и повода. Проблема Хонеккера — это маленький вопрос большой политики, который может быть решен по-разному, но в любом случае ко всеобщему удовлетворению наших сограждан, занятых совершенно другим. Вернут бывшего генсека в Германию — очень хорошо, отправят с Богом в Чили — туда ему и дорога. Это частная политическая проблема, не нуждающаяся в категориях Истины. Они здесь неуместны. И потому неуместен пафос, театральный и безвкусный, нагромождение напыщенных и негодующих однородных определений, прописных букв, восклицательных и вопросительных знаков, эти «ни чести, ни совести... под ногтями... душа рабов, дураков, попрошаек и трусов», неизбежная сосиска и мясо для зоопарка, и сострадания не достойные (в отличие от Хонеккера) россияне на колених. Все это плохая литература, в чистом виде газета «День», тот же тип сознания — инфантильного советского интеллигента с его картинно выстраданной Истиной. Истиной — бескорыстной даже буквально (гонорар — в зоопарк). Истиной — без гнева и пристрастия. Истиной — духовной оппозиции.

Эту истину кто-то всегда злокозненно скрывает или хочет опорочить, и ее нужно во что бы то ни стало спасти и прокричать. Дело гордое, но трудное — как подросток в мире взрослых, этот интеллигент окружен джунглями равнодушного непонимания. Его не хотят слушать, ему не хотят верить, а ведь он советовал, он предупреждал... И, как подросток в мире взрослых, он узнает ровесника издалека, мгновенно чувствуя общее и связующее — то, что, видимо, ощутил «День», узнав о конфликте «Независимой» с Министерством печати и массовой информации России. Из своего неоконсервативного далека он поспешил на помощь демократке, предложив «НГ» зонты и плакаты для пикетирования «полторанинской забегаловки». Он почувствовал в «Независимой» ту же одержимость Истиной, ту же отверженность, ту же распятость. То, что они верой не сошлись, — это мелкие детали. То, что в одном случае Истиной стала эфемерная независимость еще не сложившегося общества, а в другом — столь же эфемерная государственность уже распавшейся империи, в конце концов неважно. Они будут вместе. И вместе пойдут к полторанинской забегаловке. И станут в ряд под одними зонтами, жалуясь, причитая, посылая проклятья и указуя перстом в небо.

Что - о - о - о?

Вы еще не видели фантастический триллер «ПРОЕКТ АФРОДИТА», ставший событием на международном видеорынке нынешнего года в Каннах? Только «Видеофильм» — постоянный участник самых авторитетных видеорынков мира поможет Вам в этом!

НАДЕЖНЫЙ ПАРТНЕР В КОММЕРЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРОДУКЦИИ НА СОВЕТСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ВИДЕОРЫНКАХ.

- * если Вы заинтересованы в быстром выходе новых фильмов к зрителю
- * если Вы стремитесь завоевать доверие собственных клиентов высококачественными видеопрограммами, не нарушая законы цивилизованного телевидеобизнеса
- * в конце концов, если Вы просто хотите заработать деньги

«ВИДЕОФИЛЬМ» — ВАШ ЛУЧШИЙ ВЫБОР!

- * покупает и продает теле- и видеоправа на фильмы советского и зарубежного производства
- * комплектует и продает телевидеопрограммы для эфира местных студий ТВ, кабельных сетей и видеотек
- * выдает разрешительные удостоверения на видеопрограммы

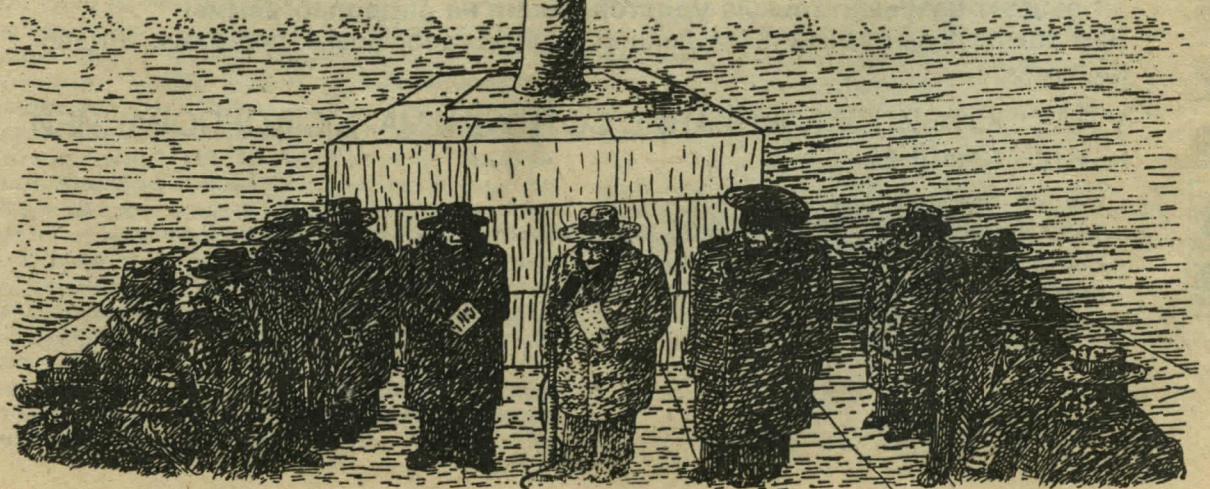
Вам захотелось взглянуть на декабрьский каталог новых программ «Видеофильма»?

У ВАС ПОЯВИЛОСЬ ЖЕЛАНИЕ СОТРУДНИЧАТЬ С КОРПОРАЦИЕЙ «ВИДЕОФИЛЬМ»

Ваших звонков ждут
телефоны: 229-80-32, 924-06-28 (временный),
229-95-71
факс: 973-20-39

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

И МИРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Слепые вожди слепых

Интеллигенты — тоже люди.

Если кто-то сомневается, то вот доказательство: они умны только задним умом. После того как разгромили революцию 1905 года, интеллигенты спохватились и покаялись в знаменитом сборнике «Вехи». Поскольку сегодня непонятно, проиграна все-таки революция (как ее назвать? Апрельская — от апреля 1985 г.? Или августовская — от августа 1991-го? Или — горбачевская, сахаровская, ельцинская?) или нет, то интеллигенция и не думает каяться. По-прежнему «наши» занимают замечательную позицию: «...воплощенной укоризной ты стоял перед Отчиной — либерал-идеалист».

А между тем если и не стоит каяться (русский опыт показывает, что это пустяшное занятие, род самообмана и самоиндугенции), то уж, во всяком случае, подумать неплохо. Подумать не о рынке-сталинизме-ленинизме-социализме-народе-Горбачеве - приглашении в США - действиях правительства - ценах на мясо, а о другом предмете — о самих себе. Подумать об интеллигентском мировоззрении, о его корнях, движении и результатах.

Кое-что в этом смысле, конечно, делается. Писать стало совсем не о чем, и с горя иные авторы добредают даже до зеркала и, злобно щурясь, смотрят в него, а потом на манжетах записывают кое-что из того, что разглядели. Так появилось несколько статей, где 40-летние молодые люди смеются над 60-летними шестидесятниками. Иногда это выглядит просто неприлично, даже не как эдипов комплекс, а просто как гвоздь, подставленный в стул к учителю. Иногда посолоннее. Во всяком случае, это уже заявка для разговора на тему о роли интеллигенции, интеллигентской идеологии во всем том, что называется... ну, «перестройкой» уже неприлично. Скажем — «мирной революцией». Один момент высвечивается особенно ярко: полное несоответствие между тем, чего интеллигенция хотела и что получила.

Слепота вполне извинительная, но явно не позволяющая чувствовать преимущество по сравнению с другими — примитивными жлобами-аппаратчиками; рядовыми «совками»; раб-классом, озабоченным мыслями о своем идоле и кумире — колбасе и водке. Слепы оказались, похоже, все! И интеллигенция стала слепым поводырем слепых — только она оказалась слепцом раздражительным, бойко винящим всех, кроме себя самого. Не оценив ни своей идеологии, ни своих целей, ни методов, интеллигенция продолжает с утроенной раздраженной нетерпеливостью учить всех — чиновников, торговцев, стариков, воров, подростков, — спеша объяснить им, как надо проводить приватизацию, строить капитализм, оплевывать тех, кого интеллигенция славилась столько лет и десятилетий. Конечно, сегодня советы интеллигенции слушают слабо или вообще отвергают — но это уж не ее заслуга. И я здесь не пытаюсь разобрать, кто насколько виноват, — просто хочу понять логику.

Деды и внуки

Интеллигенты начала века, проклятые авторами* «Вех», все эти пети трофимовы, сделали революцию... Или, точнее, сделали, что могли, для того, чтобы произошла революция. Поучительно сравнить их с внуками, сделавшими все, что в их силах, ради успеха революции конца 80-х — начала 90-х годов.

В массовом интеллигентском сознании сегодня здесь есть два мифа.

Миф первый: мы умнее их на целую революцию, на целых 75 кошмарных лет.

Миф второй: мы глупее, бескультурнее, примитивнее их на целую революцию, на целых 75 лет кошмара, деградации, «обратного развития». Оно и понятно. Жизнь поганая — значит, на-

до верить, что хоть когда-то она была другой. «Богато жили люди...» Духовно богато — по-французски говорили, белые перчатки, дамам ручки, в Баден-Баден там ездили, над смыслом жизни думали, в очередях не стояли — словом, богатая, богатая интеллектуальная жизнь.

Не претендую на полное низвержение последнего мифа, но позволю себе в нем сильно усомниться: «Громадное большинство той интеллигенции, какую я знаю, ничего не ищет, ничего не делает и к труду пока не способно. Называют себя интеллигенцией, а прислуге говорят «ты», с мужиками обращаются, как с животными, учатся плохо, серьезно ничего не читают, ровно ничего не делают, о науках только говорят, в искусстве понимают мало... И, очевидно, все хорошие разговоры у нас только для того, чтобы отвести глаза себе и другим». Это кто говорил? Это Петя Трофимов у Чехова говорил. И никто ему до сих пор толком не возразил.

Теперь позвольте перейти к мифу первому.

Мы сегодня поневоле умнее их, наивных, на 75 лет кошмара и унижений.

В этом мифе, как мне кажется, смешана большая правда и ложь.

В интеллигенции начала века легко выделялись два типа — человеческих, интеллектуальных, а затем уж и социально-политических. Были либералы и радикалы-экстремисты, самый крайний фланг которых составляли господа «кинжалщички и стреляльщички».

И те и другие ненавидели «каменную задницу городского» — царское правительство. И те и другие были больны общей хворью — народофильством, комплексом вины перед народом, комплексом любви к этому великому и прекрасному народу-«богоносцу». Поэтому, конечно, и считали себя вправе его — народ то есть — учить, за него думать, за него решать. Ведь все это и делалось «ради народа», делалось теми, кто болел и радел «не корысти ради», а только «во имя народа».

Но была и разница. Либералы «более принадлежали к решению гуманному», ну-с, а революционеры — тут все ясно...

Такова — в самых, разумеется, грубых чертах — была картина до революции. А советская интеллигенция, те же «шести-десятники»?

И тут четко видна разница между двумя группами — либералами и радикал-диссидентами. Но разве можно даже сравнивать их с интеллигенцией дореволюционной!

Нет, дело не в тонкости и интеллигентности и т.п. Дело в политической позиции, в отношении к власти, в ценностях.

Прекрасный пример здесь дает величайший советский интеллигент — А.Д.Сахаров. Он был сперва (до середины 60-х годов) крупнейшим либералом, а затем стал, как известно, величайшим диссидентом.

Что такое дореволюционный либерал? Человек, не связанный с правительством, резко и прямо критикующий это правительство, больше того, мечтающий — вслух! — о замене государственного строя.

Что такое советский либерал? Тржды Герой Социалистического Труда, не просто работавший на правительство (в лице таких его представителей, как Л.П.Берия, руководивший «атомной проблемой» в 1945—1953 годах), но бывший почти что членом правительства. В чем же его либерализм? В личной порядочности; в том, что не был доносчиком и подхалимом и антисемитом и коммунистом; в том, что работал честно, радел о деле и т.д.

Итак, советский либерал — в его самом лучшем и чистом виде — это честный чиновник правительства. А если взять людей не такой нравственной силы, как Сахаров, то мы уже получим либералов типа Арбатова и Айтматова — трубадууров правительства, бойцов идеологического фронта, но все же... либералов! Как же так? Да вот так — подлизывались, но меньше

других, доносов не сочиняли, погромщиками не были и с ними не дружили и т.д. Да, когда Салтыков-Щедрин писал, что либерал действует «применительно к подлости», он едва ли думал, что это можно понимать так буквально!..

Разница очевидна. В тоталитарном строе все — чиновники правительства. Стало быть, «либералов» в традиционном понимании, людей как минимум от правительства независимых, в совдепии быть просто не могло. Речь могла идти лишь о «либеральных чиновниках правительства».

Еще поразительнее различия, когда мы говорим о радикалах. Дореволюционный радикал — «святой убийца» Дзержинский и Мария Спиридонова. Советский радикал — Сахаров, с его требованиями ненасильственного сопротивления власти и с надеждами все-таки улучшить эту власть! И даже если мы возьмем человека, по личностным особенностям, по темпераменту как будто близкого к тем, дореволюционным радикалам, — В.Буковского, скажем, то мы получим то же самое: ненасилие, мирный путь и т.д. Не бомбист, а «облако в штанах», хотя, несомненно, настоящий мужчина.

Итак, радикалов — в дореволюционном понимании — в России больше не осталось. Если советский либерал — это либеральный чиновник дореволюционных времен (а то и не очень-то либеральный!), то крайний советский радикал — это умеренный либерал царских времен. Действительно, самый крайний диссидент — это всего лишь человек, не работающий на правительство (т.е. в советских условиях не работающий вообще) и прямо говорящий, что его не устраивает этот строй, что он — противник строя. За такие вот чисто либеральные разговоры и отправляли в Александровский централ, во Владимирскую тюрьму, в Кресты и Бутырку, в те самые камеры, где убийцы и экспроприаторы царских времен обдумывали новые убийства и «эксы».

А что же собственно «радикаль»? А их при советской власти не было. Конструкцией не предусмотрено.

Да, за 75 лет интеллигенция сделала вся вместе «шаг вправо». И те, кому бы надлежало швырять бомбы, мирно печатали книжки на Западе, а те, кому бы подходило печатать книги на Западе, были либеральными консультантами ЦК КПСС.

Можно ли сказать, что мы стали умнее на целую революцию, на целых 75 лет? Можно было бы сказать... если бы не было в русском языке слова «трусливее».

Советскую интеллигенцию с интеллигенцией дореволюционной объединяло отношение к правительству. Интеллигенция относилась к властям что до февраля 17-го, что после октября того же 17-го года одинаково «любезно». Но отношение к народу!

О, отношение интеллигенции к народу изменилось круто. Никаких следов «народофильства», великой вины, жалости и любви к народу у среднего советского интеллигента и в помине не осталось, равно как и веры в народ. Писатели-деревенщики гневно укоряли в этом своих читателей, требовали и любви, и вины, но максимум чего добились — это тиражей лично для себя и восторженных статей интеллигентских критиков лично о себе. Новый советский интеллигент не мучился больше комплексами по адресу великого народа-богоносца.

Просто потому, что действительно возникла новая интеллигенция — народная, вышедшая действительно из народа, да никуда особенно и не «вышедшая» (в отличие от разночинцев и прочих дьячковских детей до революции). И вот, будучи частью народа, живя среди него (скажем, в коммунальной квартире), стоя с ним вплотную в автобусах и соображая с ним «на троих», советский интеллигент стал куда человечнее и проще относиться к «народу». Исчез таинственный и непонятный народ, а стал пихаться и материться в очередях вполне нормальный народ, рабочий, который и живет не хуже интеллигента и на которого интеллигенту уж совсем нечего молиться...

Вот такие интеллигенты, с вот такой идеологией и совершили — сами не понимая как — революцию 1985—1991 годов.

Два лауреата

Сравним двух лауреатов Нобелевской премии мира: А.Д.Сахарова и М.С.Горбачева.

Первый был теоретиком свободного общества и общечеловеческих ценностей в России. Второму пришлось стать прорабом при возведении того здания, которое задумал Сахаров. Сахаров — теоретик, Горбачев — экспериментатор. За теорию премию дали в 1975 г., за практику — в 1990 г.

И мелкие личностные разногласия (так, уверен, когда-нибудь в архиве найдут единогласное, а значит, и Горбачевым подписанное, решение Политбюро о лишении Сахарова орденов и ссылке его в Горький) не имеют значения. Да и то сказать — член Политбюро голосовал за ссылку Сахарова, Генсек решил вернуть его из ссылки... Но, повторяю, не о событиях речь — об идеологии интеллигенции в «перестройке».

Вся идеология перестройки вполне внятно изложена, скажем, в письме, которое в 1970 г. послали глубокоуважаемому Леониду Ильичу, глубокоуважаемому Алексею Николаевичу (Косыгин) и глубокоуважаемому Николаю Викторовичу (Подгорный)... Послали письмо — А.Д.Сахаров, Р.А.Медведев, В.Ф.Турчин.

Иногда мне кажется, что Брежнев, не читая, сунул это письмо в «особую папку», из которой его и извлек, разбирая дела предшественника, Горбачев и стал действовать. Ну в самом деле:

«Источник наших трудностей — не в социалистическом строе, а, наоборот, в тех особенностях, в тех условиях нашей жизни, которые идут вразрез с социализмом, враждебны ему. Этот источник — антидемократические традиции и нормы общественной жизни, сложившиеся в сталинский период... Внеэкономическое принуждение, ограничения на обмен информацией, ограничения интеллектуальной свободы... не подлежат сомнению, что с началом второй промышленной революции эти явления стали... основным тормозом развития производительных сил страны... экономические мероприятия не могут быть проведены полностью без реформ в сфере управления, информации, гласности». Ну и так далее.

Напоминаю — документ 1970 года.

А вот и конкретные идеи: «1. Заявление высших партийно-правительственных органов о необходимости дальнейшей демократизации... 2. Ограниченное распространение... информации о положении в стране... 3. Широкая организация комплексных производственных объединений... с высокой степенью самостоятельности».

Среди 14 пунктов — и прекращение глушения западного радио, и независимость суда, и закон о печати, и соревновательность при выборах, и «восстановление национальной автономии переселенных народов».

Эти предложения Сахарова—Медведева (какое дикое сегодня сочетание!) не только очевидны, разумны, несомненны. Они вполне банальны. Улучшить, убрать явные гадости и позорные глупости... Только это!

Но вот результат...

Отчего же это так? Отчего при болване Брежневе, не шедшем на очевиднейшие улучшения, дело кое-как шло (а при Николае II, так даже и неплохо шло), а когда пошли на эти улучшения — ведь все разумные! — тут и «шабаш»? Что это за страна такая проклятая, которая кнут «выдержит», а его отсутствие — нет?

Интеллигенты хотели как лучше... Уже не бомбисты. Уже не мечтали о невероятном Чевенгуре, о каком-то земном рае. Уже

разумные постепеновцы, умеренные либералы, идущие на компромисс... Уже не звали «грабь награбленное», уже из всех газет только и кричим «без насилия, без крови, без революции!!!», уже хотели только жить, как во всем цивилизованном мире — не более того, не ведомые пути миру предлагать... Неужто и этого тоже нельзя, опять «не выдержим»? Неужто опять — шабаш? Или вся русская планида — сидеть под каменным задом власти и тихонько сипеть «из-под туда», но, Боже вас упаси, этот зад реально поколебать! И ведь смотрите — даже сами интеллигенты, и те «не выдержали»!

Надеюсь, читатель не ждет, что из моей статьи он получит ответ на вопрос, перед которым пасовали все русские мыслители — от Чаадаева до Г.Померанца, от Бакунина до Бердяева? При нынешней инфляции было бы слишком самонадеянно считать, что ответ на такой вопрос стоит всего-то пару рублей (надеюсь, журнал с этой статьей дороже продавать не будут). Хотя есть несколько вариантов ответа.

Первый. Что за крик? Дуракам полработы не показывают — и не будьте дураками! Все аналогии с 1917 годом неверны, как о том и написано в самой же этой статье. Тогдашняя восторженно-экстремистская интеллигенция, тогдашний народ («фронтам, кровью пьяным») и сегодняшняя мирная интеллигенция и повзрослевший народ — совсем разные. Да, кризис. Но внешне-то похожи кризис выздоровления и предсмертная агония. Но суть все-таки немного разнится, правда? Так вот, мы — в эпицентре кризиса. И перестаньте биться лысиной по паркету — да, тряхнет еще не раз, но мы выйдем из района бурь и войдем... не в Бухту Радости, а на нормальный путь цивилизованных караванов. И «перестройка» себя оправдает.

Второй. Есть такое понятие — «система». Брежнев и Николай II таких тонкостей не знали, а вот Сахаров мог бы... Так вот — в системе все увязано. Потянешь — чтобы улучшить, только улучшить! — один кирпич, и рухнет тебе на голову вся страна. «Стена — да гнилая, ткни и рассыпется». Но когда так рассуждает сознательный разрушитель, то это хоть понятно. А вот когда кирпич выдвигают, искренне надеясь улучшить всю стену... Ну — тут только руками можно разводиться. А, впрочем, лучше бы сложить руки — хоть голову прикрыть от падающих кирпичей.

В принципе, все другие ответы будут метаться между первым и вторым, между «да — это конец» и «нет — это начало».

Сегодня, стоя в вагоне, который пытается ехать сразу во все четыре стороны, очень трудно оценивать, где мы окажемся «в конечном счете». Да, идет системный кризис, и все вроде бы

разумные решения работают на доминанту, лишь усиливают этот кризис. И чем бы кризис ни кончился, интеллигенция не вправе снимать с себя ответственность. Да, мы надеялись, что будет лучше. Лучше — прежде всего нам самим. Вспомним требования той же записки Сахарова—Медведева (уверен, что любой из нас готов подписаться под всеми ими, я, по крайней мере, — готов). Свобода печати, любой информации, свободные выборы, открытость страны... Мы мечтали об этом. Как верно написано в той же записке: «Свобода информации и творчества необходима интеллигенции по природе ее деятельности...» Верно. А раз мы уже договорились, что отныне, наученная горьким опытом, интеллигенция не думает «за всю Одессу», за весь народ, а заботится прежде всего о себе, о том, что необходимо ей... Впрочем, позвольте: а разве народу это не нужно, чуждо? Ему, народу, что же — нужна только сусловская брехня да андроповская водка-«первоклассница» (введена в продажу 1 сентября)? Нет уж, свобода и прочие интеллигентские ценности суть ценности общечеловеческие! И интеллигенция боролась не только за себя, за свои клановые интересы, но и за весь народ! Что хорошо интеллигенции — то хорошо и народу! Народ и интеллигенция едины...

А я и не спорю. И, поверьте, я далек от мизантропии русского националиста Шульгина: «Пулеметов — вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя...

Увы — этот зверь был... его величество русский народ...

То, чего мы так боялись, чего во что бы то ни стало хотели избежать, уже было фактом. Революция началась».

Нет, у нас, слава Богу, и интеллигенция мирная, и народ мирный, и даже революция мирная... пока. Есть надежда. Но, увы, другие слова Шульгина вспоминаются мне часто:

«Таковы мы... русские политики. Переворачивая власть, мы не имели смелости или, вернее, спасительной трусости подумывать о зияющей пустоте... Бессилие свое и чужое снова взглянуло мне в глаза насмешливо и жутко!... Мы были рождены и воспитаны, чтобы под крылышком власти хвалить ее или порицать... Мы способны были, в крайнем случае, безболезненно пересестись с депутатских кресел на министерские скамьи... под условием, чтобы императорский караул охранял нас...»

Эх, историки, хвостом вас по голове, как говаривал один персонаж Стругацких!.

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

Агентство «ИКФА» LTD

ИКФА producer

Принимает авторские цветные слайды, негативы и ч/б фотографии для последующего продвижения их на внутренний и внешний полиграфический рынок

ИКФА profi

Наши фотохудожники выполняют рекламную ф/съёмку.

ИКФА kommi

Мы помогаем в приобретении и продаже импортной ф/аппаратуры, окажем посреднические услуги.

ИКФА service

Мы выполним по Вашим заказам фотоработы на импортных материалах.

МОСКВА ☎ 196-11-34, 269-27-24

Самара

КУДА НИ ПЛЮнь — ВСЮДУ БУНКЕР

Всего на территории области, предполагают, разбросано не меньше десяти подземных убежищ, предназначавшихся некогда для того, чтобы в экстремальной ситуации схоронить «вождя всех народов» товарища Сталина. Первый такой бункер нашли в подвале одного из зданий Самарского института культуры (об этом писала «Комсомольская правда»). И вот совсем недавно во владениях санатория Приволжско-Уральского военного округа «Волга» обнаружен еще один.

Снаружи убежище закамуфлировано обычными деревянными щитами. Внутри — лифтовая шахта, несколько комнат на глубине около сорока метров, четыре туалета... Время от времени грунтовые воды заливают сталинские апартаменты, но тем не менее паркет неплохо сохранился, штукатурка не осыпается — умели строить. Сохранились и два запасных выхода к Волге. Специалисты считают: дизель-установку автономного электропитания (называется она «Сталинец») при желании удастся починить и пустить в ход. Если немножко поколдовать со связью, можно будет соединиться хоть с Кремлем, хоть с «Белым домом».

Очевидцы рассказывают: убежище возводили в 1943 году ээки — их сюда пригнали целый эшелон. Мерзли, голодали, мерли как мухи, но сооружение у них получилось добротным, на века.

По слухам, командующий Приволжско-Уральским военным округом генерал Альберт Макашов, в чьем ведении находится и санаторий, и подземный КП, собирается в скором времени реставрировать сталинский бункер и вдохнуть в него новую жизнь. С далеко идущими целями...

Надежда ОЛЬШЕВСКАЯ

Казань

ТЕХНИКУМ УЦЕЛЕЛ. УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС — ВЗОРВАН

В столице Татарстана зафиксирована первая попытка террористического акта. Неизвестный человек позвонил в республиканский Комитет государственной безопасности и предупредил о готовящемся взрыве в местном авиационном техникуме. Занятия в техникуме тут же отменили, студентов отправили по домам.

Какие требования выдвигал неизвестный подрывник? Была ли на самом деле найдена бомба или готовящийся взрыв оказался «уткой»? Чекисты гордо молчат. Директор техникума Валерий Сохабеев также отказался сообщить подробности, мотивируя это тем, что пример «террориста» может-де оказаться заразительным для его собственных подопечных. Что, интересно, он имел в виду?

Михаил БИРИН

Ростов-на-Дону

ДЕД ЩУКАРЬ — ЖЕРТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ АМБИЦИЙ

Перед входом в здешний Центральный парк культуры и отдыха уличные фотографы установили галерею изображений выдающихся персонажей двадцатого века, с которыми тщеславные современники охотно фотографировались бы в обнимку и просто так. Майти-Маус, Дед Щукарь, Михаил Горбачев значительно оживили площадку перед парком...

Вскоре, однако, знаменитости стали пропадать по одному. Первым — еще до путча — был «сослан» с «пятачка» Михаил Сергеевич. Не из-за потери популярности, а, говорят, хлопотами Ленинского райкома КПСС. А недавно пропал Дед Щукарь. Атаман Ростовского округа Союза казаков Области Войска Донского Владимир Попов обратился к администрации парка с беспелляционным требованием убрать Щукаря, поскольку оный дедок позорит казачью форму, и впредь без разрешения, одобрения и согласования с правлением округа казачью символику и атрибутику на потребу праздной толпе не использовать.

С казаками, как известно, шутки плохи. Фотографы, большая часть из которых — турки-месхетинцы, решили не провоцировать национальных и прочих конфликтов и убрали Щукаря с глаз долой. Теперь фотомастера с трепетом ждут возможных претензий от компании Уолта

Диснея — с исчезновением Майти-Мауса они потеряют последнего из главных «кормильцев».

Петр ИВАНОВ

Калужская область

СВОЮ ЭКОНОМИКУ РАЗВАЛИЛИ. ТЕПЕРЬ РВЕМСЯ ЗА ОКЕАН

Глава администрации Калужской области А.Дерягин поведал журналистам о перспективном проекте: одна из американских фирм готова доставить в область восемь мощных кирпичных заводов в обмен на крупную партию тепловозов местного Людиновского тепловозного завода (ЛТЗ).

Что-то уж слишком самонадеянны эти американцы. Видимо, так и не удосужились изучить печальный опыт «братских» стран третьего мира. Например, Пакистана. Недавно оттуда вернулся начальник отдела сервисного обслуживания ЛТЗ В.Савенко. Вернулся с невеселыми вестями. Оказывается, подавляющее большинство эксплуатируемых (причем эксплуатируемых совсем недолго) в Пакистане людиновских тепловозов нуждается в капитальном ремонте. И провести этот ремонт, как выяснилось, под силу ТОЛЬКО российским умельцам. Сейчас два десятка людиновских «левшей» выправляют визы и пакуют чемоданы с инструментом. Нежданной командировке они очень рады — в Пакистане и климат непло-

хой, и приборахлеться там можно капитально... В Соединенных Штатах, впрочем, тоже.

Александр ШИБАНОВ

Нижний Новгород — Беларусь

ГАЗЕТЧИКИ СУДЯТСЯ С СУДОМ...

Не дотерпев двух дней до определенного местными властями срока вселения в здание бывшего Приокского райкома КПСС, работники Приокского райсуда самовольно заняли помещение. Вселение происходило под покровом ночи. Судьи собственными силами выдворили из здания два малых предприятия, редакцию газеты «Приокские зори», райком Российского Союза молодежи, детский театр пантомимы для глухонемых «Букашка» (последние две организации надеялись, что смогут ужитья под одной крышей с законниками, но — увыл), забаррикадировали все входы и выходы и приготовились к осаде.

Осада действительно началась: утром к зданию райко... простите, райсуда, ринулись депутаты райсовета, сотрудники милиции, газетчики. Но работники юстиции во главе с председателем нарсуда Марией Сидельниковой стояли насмерть: «нарушителей» встречала отборная нецензурная брань, крепкие объятия и «омоновские» заломы, струи из огнетушителей... Единственным человеком, прорвавшимся внутрь, оказался председатель райисполкома Сергей Маков. Впрочем, все его попытки вразумить судей оказались тщетными: законники отказались действовать в рамках закона и очистить помещение. Почему? Никто так и не смог выяснить. Просто, видимо, захотелось показать, «чи в лесу шишки».

Итоги «оборонительных боев местного значения» неутешительны. Нарушены Закон о статусе народного депутата и Закон о печати, некоторые статьи Уголовного Кодекса РСФСР. Два выселенных до срока малых предприятия понесли убытки в размере двухсот тысяч рублей. Одному из народных избранников чуть не сломали палец. Депутаты направили в облсовет и представителю Президента РСФСР в Нижегородской области Борису Немцову

письмо, в котором потребовали отставки «защитников» здания. Наконец, последнее: редакция областной газеты «Ленинская смена» подала в суд на Приокский суд за испорченную кислотой (содержимое огнетушителя) одежду корреспондентов и дефицитную фотоаппаратуру, за моральный ущерб и за прямое нарушение Закона о печати.

Дмитрий СЫРОВ

...А ВОЕННЫЕ — С ГАЗЕТЧИКАМИ

Витебская дивизия ВДВ была первой войсковой частью, пересекшей в 1979 году границу «братской республики Афганистан». В «перестроечные» годы был скандал, связанный с передачей этой дивизии в подчинение ведомству Владимира Крючкова. В дни августовского государственного переворота витебские десантники опять оказались в центре внимания: «Московские новости», «Независимая газета», «Комсомольская правда» опубликовали материалы, где говорилось о том, что командование дивизии поддержало «временщиков» и даже успело выслать передовые отряды на усмирение Москвы.

На самом деле все было не так. Приказ «выдвигаться» на столицу командование действительно получило, но ни выполнять его, ни поддерживать путчистов не собиралось. И теперь обратилось в суд с иском к журналистам, опубликовавшим недостоверную информацию.

В последнее время командующий витебской дивизией генерал-майор Евгений Бочаров приобрел в республике не меньшую популярность, чем, скажем, «герой августа» Руцкой. Сорокатрехлетний генерал заявил, что его дивизия готова хоть завтра в полном составе перейти под белорусские знамена и подчиниться будущему командованию республиканских вооруженных сил. Бочаров надеется, что новые хозяева распорядятся его подопечными лучше, чем прежние, и не будут затыкать десанниками бреши в своей политике.

Владимир ПАНАДА

«Осколки» собирал
Кирилл РЫБАК
Наш телефон: 928-18-56
Рисовал А.Заяц

ЧЕРНЫЙ БРОКЕР — ЭМБЛЕМА ПЕЧАЛИ?

(Окончание. Начало на стр.1)

хотят оставлять основную работу ради белой рубашки с галстуком, чтобы с важным видом показывать номерок. Я, например, кандидат технических наук, программист высокого уровня, пишу докторскую. Биржи, брокерские конторы мне ни к чему. Белое брокерство — удел молодых.

— Наверное, со временем они все-таки отберут у вас хлеб?

— Никогда! Разве что сократятся масштабы посреднических сделок — и я потеряю в заработке.

— Сколько вы получаете?

— Прибыль зависит от множества факторов. Прежде всего от того, ка-

кой я брокер — дорогой или дешевый. Дорогой владеет огромным количеством каналов информации и способен достать самый редкий товар за несколько часов. Дешевый брокер ищет сутки и более. Имеет значение, чем человек торгует; машинами, мебелью или техникой? Иногда в качестве платы я предпочитаю брать не деньги, а товар, особенно сейчас, при столь сильной инфляции. Пусть на складе лежит. Чем дороже товар, тем выше прибыль. Правда, существует другое негласное правило — брокер берет себе от одного до трех процентов от суммы сделки. Завысишь, обманешь — рано или поздно коллеги узнают, вычеркнут из списка.

— Из какого списка?

— У каждого из нас есть список телефонов — домашних или рабочих — с личными кодами. Мне достаточно сделать два-три звонка и сказать: «Сергей 234. Нужен винчестер». По цепочке поднимутся десятки человек, будут передавать информацию. С семи вечера до часу ночи перезванивается чуть ли не вся Москва. Чего только не предлагают: ксероксы, порошки к ним, магнитофоны, посуду, кожу, масло, кофе, колбасу, мясо... Прибыль составляет от десяти — у самых ленивых или не очень опытных — до ста тысяч в месяц и выше.

— А говорят, кандидаты наук бедствуют...

— Не хотят зарабатывать, не умеют.

— Может, не желают заниматься нелегальным бизнесом? Не каждому ведь нравится обходить закон, называть «коллегам» по вечерам.

— Зато нравится жить на символическую зарплату, копейки в кошельке считать. Лично мне все равно, какие цены на рынках или в коммерческих магазинах. Я и за двести рублей мясо смогу купить. Жене достаточно намекнуть, что нужна какая-то вещь, я куплю или денег дам.

С законами проблем нет. Моральная сторона не беспокоит — я никого не убиваю, не граблю — это меня всю жизнь государство обворовывало. Теперь оно, видите ли, вступает в цивилизованный рынок, и жизнь стала еще хуже. Мне надоело ждать милостей — то от большевиков, теперь от демократов.

Техническую сторону законодательства тоже обойти просто. Известны способы, как на вполне законных основаниях выплатить посреднику положенную ему сумму. На нашем языке все эти операции называются специальными терминами. Есть черный и белый «откат» — часть товара от большой партии списывается как неликвиды. Есть «боквики» — параллельно с основным договором на продажу заключаются фиктивные. Фининспекция в этом мало понимает, поймать не может. Существует «промыв» — превращение безналичных денег в наличные. Кстати, нехватка наличности сегодня — это сигнал, что многие занялись черным брокерством. Поэтому наличные деньги поднялись в цене. За них дают около 30 процентов безналичных. Миллион в купюрах запросто «меняется» на

два-три миллиона на счете в банке. Вообще, давно пора справочник какой-нибудь выпустить для начинающего брокера, в миг бы разошелся.

— **Полагаете, так много черных брокеров?**

— Только в компьютерном бизнесе около двух тысяч. Всего по Москве, думаю, тысяч сто.

— **Странно, столько людей торгует, а ничего нет?**

— Это заблуждение. Техники на рынке — сколько душе угодно. Любуй. Благодаря нам, черным брокерам.

— **А цены-то какие...**

— Они зависят от соотношения курса рубля и доллара. Упадет курс, цены снизятся. Теперь брокеры занялись продовольствием и товарами народного потребления. Скоро их будет навалом.

— **Откуда?! Брокеры собираются коров доить, сено косить?**

— Бригады ездят по подмосковным колхозам-совхозам — там много всего. Скупают мясо, масло, домашнюю колбасу, сало... Под охраной везут в город. Крестьяне ведь не могут пробиться на столичные рынки, мафия не пускает, цены держит. Я

вот только вернулся из одного совхоза. Им нужно два трактора. Взамен они продадут мне мясо и масло. Я привезу продукты в город, сдам в так называемый частный магазин, который все это добро не сгноит, а продаст, и заработаю за день несколько тысяч.

— **Где трактора возьмете?**

— Закажу у другого брокера.

— **А он где достанет?**

— Он их сменяет на трубы. Завод, выпускающий трактора, хочет ремонтировать канализацию.

— **Простите, но трубы-то — тоже дефицит...**

— А трубному заводу нужно мясо. Обратите внимание — в этом еще одно наше отличие от бирж. Мы можем проворачивать многократные бартерные сделки, и цены у нас ниже. Когда партия товара большая, а цены крутые, его выставляют на биржу. Там торгуют не спеша. А черному брокеру надо быстрее обернуть деньги. Привезли товар из-за границы, колхоза-совхоза, из государственного магазина, украли, наконец — не важно, — товар необходимо срочно сбыть. Обзванивают брокеров, те — свою клиентуру, и вот уже наняли грузовики, такси —

(такса — 40 рублей в час), развезли, получили деньги — все! Снова за товаром.

— **Заработанные деньги «проедаете» или собираетесь завести собственное дело?**

— Уже завел — являюсь генеральным директором малого предприятия. Благодаря черному брокерству скопил 120 тысяч, столько же вложили и два других компаньона. В обороте у нас около миллиона. Хотим в ближайшее время в подмосковном совхозе построить мясной цех — делать копченую колбасу и другие деликатесы. Рубли по черному валютному курсу обменяем на немецкие марки, купим компактное оборудование — договоренность с немецкой фирмой есть. Но если бы вы знали, как нам мешают! Люди, помоему, голодать готовы, лишь бы богатых не было. А мы ведь сегодня единственная социальная прослойка, заинтересованная в стабильности, всеобщей сытости и благоденствии. Чем больше будет таких, как я, тем быстрее кончатся все эти колбасно-носочные страсти для остальных.

Е.КОЛЕСНИКОВА

Фото В.Шишова

МОСПОРТТОРГ

**Арендное предприятие
«Мосспортторг»
приглашает
к взаимовыгодному
сотрудничеству
инофирмы.**

Широкие возможности «Мосспортторга» по приемке и размещению больших партий высококачественных товаров импортного производства, реализация их высококвалифицированными специалистами с учетом спроса населения обеспечат партнерам коммерческий успех.

С предложениями
обращаться по адресу:
Москва, ул. Богдана
Хмельницкого, дом 7/8,
телефоны: 921-66-32,
928-58-73.

**ВСЕРОССИЙСКАЯ ИНВЕСТИЦИОННО-
ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ**

*Гиперинфляция, неуверенность в будущем превратятся
в пустые слова, если Вы станете акционером*

**ВСЕРОССИЙСКОЙ
ИНВЕСТИЦИОННО-ХОЛДИНГОВОЙ КОМПАНИИ
ИНКОРОС**

Уставный капитал — 500.000.000 рублей

Цена одной акции 1 тыс. рублей

Распространяются пакеты по 20 акций

*На протяжении столетий капитал эксплуатировал человека,
мы эксплуатируем капитал.*

ИНКОРОС — это привлечение зарубежных инвестиций в экономику России.

ИНКОРОС — это действия на отечественных и зарубежных рынках недвижимости и земли.

ИНКОРОС — это создание Международного биржевого центра для работы акционеров на крупнейших фондовых биржах мира.

Наконец, это высокие дивиденды.

Учредители: финансовые и биржевые структуры, экономические институты, банки, внешнеторговые объединения

До 1 января акции ИНКОРОС продаются по фиксированной, а не по свободной цене. Еще не поздно присоединиться к нам!

Необходимые Вам телефоны:

928-47-39

924-02-43

факс: 928-4739

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ НЕУДАЧИ, ИЛИ ПЯТЬ МИЛЛИОНОВ ЗА ПРОВАЛ

Уважающий себя человек никогда не станет играть в беспроектную лотерею. Дешевый риск — грошовая награда.

Геннадий Данишевский игрок со стажем. Не раз первым начинал и выигрывал. Если не в деньгах, то в славе. Это он начинал конкурсы красоты, столичных, пригородных и общесоюзных; зажигал в городе Сочи скандально прогоревшие «Звезды Эроса»; устраивал соцсоревнования близнецов и двойников. Удачные или не очень, все эти невиданные в нашем Отечестве игры были двойниками братьев-шоу западного образца. В сентябре нынешнего года генеральный директор культурно-коммерческого центра многоотраслевого сервиса «Блиц» Данишевский сделал свой оригинал в международном шоу-бизнесе. Сыграл Первый международный фольклорный фестиваль народов стран Черного и Средиземного морей «Золотое руно».

Игра была по-крупному. Азартная и рискованная. Однако речь пойдет о солодке, которую гендиректор «Блица» догадался-таки подстелить. И из которой сегодня разгорелся весь сыр-бор...

Заручившись «Золотым руном», Геннадий Данишевский собирался дать опровержение расхожему в нашей стране мнению, будто фольклор — искусство чистое, то есть заведомо убыточное. Генеральный директор «Блица» с главным режиссером разработали новую схему фолк-

фестиваля под кодовым названием «Фестиваль-игра».

Каждый день, с 21 по 30 сентября, каждый фестивальныи час на каждой концертной площадке шла игра. В «Фолк-лото». Площадок было четыре. Концертов двадцать. По числу коллективов, слетевшихся в Сочи в бархатный сезон из Турции, Греции, Израиля, Франции, Египта, из бывшего Советского Союза — Украины, России, Молдовы, Грузии. Шел народный референдум: зритель решал, в каком порядке исполнители займут свои места с 1-го по 20-е. Цена входного билета — 25 рублей. Самый дешевый денежный приз в игре — 300 рублей. Диапазон вещевой «фолк-лотереи» — от щипцов для завивки до телевизора «Рубин» и автомобиля «BMW». Вдобавок на аукционах «Золотого руна» выставлялись вещи, которые для нас дороже золота. Которых у нас и в природе не существует. Мотоциклы, мини-тракторы, мотоблоки, микроволновые печи, автомобильные пылесосы, магнитолы и компрессоры. Отдельно разыгрывался ужин. С принцессой и перед телекамерами. Ежевечерне на площадках выбиралась фолк-принцесса дня, и ее счастливый сотрапезник из публики садился за накрытый на сцене стол с фруктами и шампанским. В последний день был ужин с королевой, но уже на воздушном шаре.

Стоила эта игра Данишевскому 5 миллионов 265 тысяч 133 рубля. Выиграть он рассчитывал почти 4 мил-

лиона прибыли. Рискуя, но страхуясь. А «солодкой» стал договор о страховании «Золотого руна» от коммерческого провала.

Сегодня гендиректор «Блица» уверяет, что затевал он договор исключительно в рекламных целях: «первый подобный фолк-фестиваль впервые в советской истории застрахован от неудачи». Реклама эта обошлась «Блицу» в 400 тысяч. Кроме денег, страховая фирма Малое предприятие «Астра-ВАЗ» получила от «Блица» за договор рекламный ролик в прямой эфир по спутниковой связи. На всех фестивальныи площадках большими буквами писалось: «Астра-ВАЗ» — единственная фирма, которая...».

Общая страховая сумма, по договору, — 5 миллионов 489 тысяч. Страховым случаем именовалось невозмещение затрат на подготовку и проведение фестиваля.

Вопреки ожиданиям случай представился. Или разразился, обрушился... «Никак не думал, — повторяет теперь Данишевский, — что придется применить этот договор...»

В графе обязательств Клиента «Блица» написано: «При наступлении страхового случая: незамедлительно принять возможные меры к спасению объекта, предотвращению дальнейшего повреждения и устранению причин, способствующих возникновению дополнительного ущерба».

Геннадий Данишевский — не просто шоумен — шоу-бизнесмен.

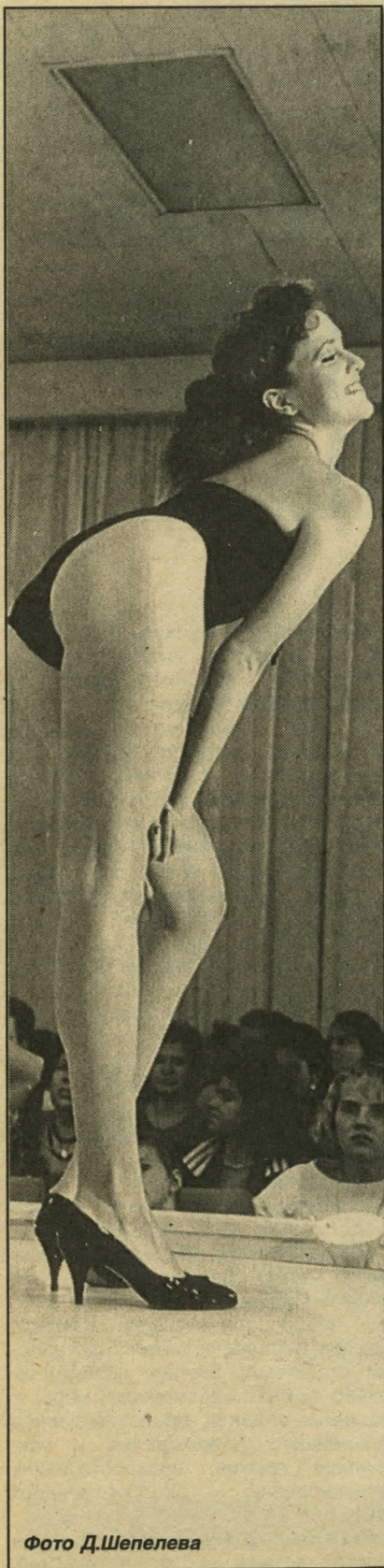

Фото Д.Шепелева

Он умеет разыгрывать ходы и просчитывать партии. К «Золотому руно» он готовился почти 2 года. Реклама, призы, полторы тысячи участников, открытая трансляция, внимание полмира — все было на старте к 21 сентября. «Случился сгусток непредвиденных обстоятельств, которые дали отрицательный результат» — слова бизнесмена Данишевского.

В ряду «непредвиденного» — сотрясший город Сочи в августе смерч, разворотивший полгорода, загубивший человеческие жизни. (Помнится, когда было землетрясение в Армении, там хоромоды не водили.) События 19 августа — негативный фактор для сочинской суперигры был более чем очевиден. «Ну и конечно, — добавляет гендиректор «Блица», — недоверие людей ко всяким розыгрышам за деньги, боязнь очередного надувательства».

Отпускники не приехали в Сочи, местные жители не пришли на концерты. Билеты не раскупались, страховой случай надвигался с каждым шагом — а съевший не одну собаку в шоу-бизнесе гендиректор Геннадий Данишевский ни о чем и не подозревал...

Уже в день открытия фестиваля у Черного моря над затеей нависла угроза смерча. За несколько часов до начала Данишевский получил бумагу от главного режиссера: «По состоянию на 16 часов звук, сцена были готовы к концерту-открытию, к прямой трансляции. 17.30: в результате штормового ветра, ливневого дождя сцена намочила на 30% площади. Повалены декорации, выгородки, столик принцессы, рулетки, сорваны подвески. Флаги фестиваля, микрофоны задувает и сносит. Обеспечить удовлетворительное звучание невозможно. В результате вышеизложенного возможны травмы и угроза жизни исполнителей... Проведение концерта фестиваля «Золотое руно» 21 сентября 1991г. в 19 часов должно быть перенесено».

Главреж призывал действовать по договору: принимать меры к спасению объекта (то есть фестиваля) от дальнейших повреждений (то бишь финансового краха).

Но Данишевский открыл фестиваль. «Мы тряслись. Полетели еще выгородки, люди выходили на сцену в куртках, по морю шли смерчи. Докатись какой из них до берега — меня бы просто посадили. Но если бы я перенес начало — не состоялась бы прямая трансляция...»

Реклама на весь мир бы не состоялась...

Зрителей в зале — кот наплакал.

«Я сделал больше, чем мог, — продолжает Данишевский. — У меня в зале сидело 10 человек, а я разыгрывал пятитысячные призы. Директора за головы хватались. Я мог бы снять дорогие призы. Но я должен был доказать, что мы не трепачи, не обманщики. Чего бы это ни стоило».

Подвиг бизнесмена, щедрость мецената должно было увидеть полмира — несмотря на все страховые «случайности»!

Главреж сказал гендиректору: «Слушай, Данишевский, чего тебе еще не хватает, чтобы этот фестиваль не получился?» Данишевский ответил гордо: «Моей смерти. Фестиваль — мой престиж, мое имя».

Престиж, честное имя, добрую славу иногда ни за какие деньги не купишь. В данном «страховом случае» это обошлось Данишевскому в 5 миллионов. Дело прогорело — да здравствует новое дело: президент Международной ассоциации фольклора при ЮНЕСКО теперь предлагает Данишевскому провести фестиваль всемирный по схеме сочинского. «Погорелец» «Блица» готовит сегодня выезд фолк-фестиваля в Израиль, во Францию, в Швецию. Коммерческий неуспех обернулся удачной саморекламой — успехом по большому счету.

Осуществив самопожертвование, гендиректор «Блица» заявил «Астра-ВАЗу» о наступлении страхового случая и о своей нужде в страховом возмещении.

Данишевский предложил директору «Астра-ВАЗа» Казакову два компромиссных варианта. Первый: возместить «Блицу» хотя бы половину указанной суммы — 2—2,5 миллиона, чтобы выплатить долги. Второй: устроить для «Блица» беспроцентный кредит. «Не хочу вас подставлять. Выкручусь сам, только помогите мне» — так говорил Данишевский Казакову.

Первый вариант Казаков отверг с ходу. Согласился было дать кредит, но под какие-то товары. У Данишевского не было никаких. И началась служебная переписка.

Данишевский нанял юриста. Казаков потребовал «установления и подтверждения наступления страхового случая». Данишевский привлек прессу, рассказал ей свою героическую фолк-эпопею и указал на свое положение пострадавшего:

«Мне не надо ничего устанавливать. Я затрат не возместил — и все». И приложил к ответу «Астра-ВАЗу» общую расшифрованную смету расходов.

Казаков запросил «копии всех банковских платежных документов, подтверждающих постатейную смету расходов и доходов на подготовку и проведение фестиваля по каждой затраченной сумме...» Копии — это килограммов десять бумаги. Весь «Блиц» сегодня сидит и пишет, сортирует и размножает. «Ксерокс не выдерживает, бумаги не хватает, печатаем копии на обороте собственных фирменных бланков», — жалуется на тяжелое материальное положение один из королей шоу-бизнеса Данишевский.

«Через три дня после того, как мы перелопатим эти бумажные горы, «Астра-ВАЗ, по договору, должен ответить «да» или «нет». Не верю, что за такой период они разберутся. Если решения не будет, я могу писать исковое заявление, и теперь уже за два месяца они обязаны определиться. И только по истечении этого срока я имею право подавать в арбитраж, заплатив 540 тысяч — 10% от суммы иска. Да-да, еще полмиллиона. Пока эта бодяга будет тянуться, «Блиц» окончательно разорится».

И все потому, считает Геннадий Данишевский, что нашим новым страховым конторам далеко до подобных западных фирм. Там, ока-

зывается, серьезнее относятся к своему реноме. Больше боятся сорвать договор, чем потерять пару-другую миллионов. Раньше, говорит Данишевский, у нас был Госстрах, единый и неделимый, независимый от количества и качества клиентуры. Теперь расплодилось альтернативные страхпредприятия, в том числе и «Астра-ВАЗ». Должны бы за клиента жизни класть, не то что миллионы. Ведь рекламу «первой в истории страны фирмы «Астра-ВАЗа» «Блиц» широким жестом пустил в прямой эфир на Запад, а теперь, по мнению Данишевского, в пору делать обратную, антирекламу. Что Госстрах, что «Астра-ВАЗ», вздыхает шоу-бизнесмен, — суть одна. Советская...

P.S.

Замечу: «Астра-ВАЗ» срывает договора пока еще не допустил. Просто пожелал убедиться в наступлении страхового случая, разобраться в причинах и удостовериться, насколько соблюдены «Блицем» условия договора. Странно, что корифей коммерции Геннадий Данишевский не предусмотрел такой вариант, не запасся бумагой для ксерокопирования, не рассчитал время для воплощения договора в жизнь — оставил себе шанс разориться... Равняясь на Запад, сам он не отрицает, однако, что и там, в заграничном раю, любая страховая фирма всякий страховой случай расследует до-

тошно, разбирает «по косточкам». На ветер деньги никто не разбазаривает — имя не позволяет, реноме фирменное. Так что «Астра-ВАЗ» — не совсем «совок» в страховании.

А мы, советская публика, можем наблюдать различные варианты подражания отечественных «деловых людей» западному образцу. Гадать и достраивать схему. На Западе, между прочим, иные непорочные джентльмены, случается, дома собственные сжигают, фермы и фирмы свои палаят, дабы получить страховку. В нашем «страховом случае» погорел фестиваль, коммерческая его сторона. Погорел во имя высокой цели — чести и достоинства своего вдохновителя-организатора. Переносить открытие по причинам непогоды, снимать дорогие призы ввиду пустых зрительских мест Данишевский не стал. Не стал «спасать объект». Поскольку под договором на пять миллионов стояли две подписи (Казаков — Данишевский), а под угрозой смерти — одна, Геннадия Данишевского, слава. На чашу весов были положены 5 миллионов и честное имя. Что дороже? Настоящие джентльмены выбирают второе. И не жалеют о цене.

Данишевский вроде выбрал джентльменский вариант. А теперь хочет вернуть свои пять миллионов. С привлечением прессы, путем антирекламы «Астра-ВАЗа»...

Аэлита ЕФИМОВА

МИЛЫЕ ДАМЫ!

Ваше семейное счастье — в ваших руках, и только вы способны доказать, что наши женщины — лучшие в мире.

Если вы мечтаете о надежном муже, семейном очаге и любящих детях, то Страна Восходящего Солнца ждет вас.

Многие японские мужчины старше 30 лет серьезно интересуются возможностью счастливого брака с россиянками.

А начать лучше всего с вашей анкеты. Чтобы получить ее, пошлите письмо по адресу: 117259 Москва, о/с В-259, а/я 101, с пометкой «АН-КЕТА», вложив в него конверт с Вашим домашним адресом.

В течение 5 дней вам будет выслана анкета.

Русско-японская брачная ассоциация

В БОЛЬШОМ И ТЕМНОМ ЛЕСУ, В СТОЛИЦЕ...

Этот сладкий термин — частная собственность! Так хочется стать «владельцем». Приватизировать свое гнездо, тем более, что это дозволено хозяином дерева. Только вот лес у нас такой большой, такой дремучий, ветви у деревьев так переплетены, так закручены, что поди разгляди в темноте дорожку к СВОЕМУ гнезду. Пойдешь напрямую — попадешь в тупик...

Как попали жильцы дома 2/12 по 1-ой Боевской улице Сокольнического муниципального округа Восточного административного округа города Москвы. Обрадовались они этому первому закону о приватизации, создали у себя во дворе инициативный комитет и принялись за воплощение закона...

Инициативные эти люди вселялись в свой дом по обмену и не слишком давно, в течение последних 10 лет. Все документы тогда заверяли — капремонт дому не грозит. Полтора года назад дом был переведен в 1-ю категорию, с соответствующим повышением платы за коммунальные услуги. Он, правда, не имеет горячей воды и мусоропровода, зато имеет два нежилых этажа, на которых, доподлинно известно, проживает местное РЭУ и кто-то еще.

И вот сегодня жильцы задумали создать из самих себя некое общество, товарищество на добровольной основе для «приватизации всей площади, отведенной под строение дома». Не карикатурный домком из пенсионеров и не кооператив, а «социально-экологический микрокомплекс», по сути — современную общину, с общим котлом из общей собственности. Отремонтировать все, от подвала до крыши, и решить проклятый «квартирный вопрос» своими силами, расселив коммунальные квартиры (их в доме 12 из 42) в нежилых помещениях.

И вдруг обнаружилось — дом вот-вот разрушится. Как только жильцы начали подавать документы на приватизацию, дом оказался в аварийном состоянии. В ПЖРО со-

общили: здание старое, требует капремонта, а заодно и выселения. Изумленные жильцы дома 1-й категории запросили документальных обоснований. Главный инженер ПЖРО Владимир Бубнов ответил, что документы уничтожены.

Члены будущего Товарищества пожелали, и отнюдь не из праздного любопытства, установить личности своих соседей по дому: кто, на какой срок и на каких условиях арендует нежилые этажи. Ни в РЭУ, ни в ПЖРО никаких документов, кроме опять-таки устной резолюции о невозможности приватизации, не предоставили.

Замечу: ПЖРО как структура формально не существует с момента расформирования исполкомов. Но, наплевав на формальности в таком серьезном деле, как частная собственность, структура эта по-прежнему много на себя (или для себя) берет: решительно говорит «нет» приватизации.

Любопытная деталь: дом 2/12 стоит буквой «Г». Меньший кусочек буквы приватизировать дозволено. Тот, где нет нежилых помещений. Запрет — на основную часть дома, где на двух этажах трудятся таинственные арендаторы, из которых только один рассекречен — РЭУ, свежепреобразившийся в малое предприятие. РЭУ теперь — организм коммерческий и должен получать максимум за свои «услуги». ПЖРО, как коллектив, тоже хочет жить, и сдача дома арендаторам явно кооперативного, по наблюдениям жильцов, происхождения сегодня для него очень кстати.

Зато абсолютно некоммерческое Товарищество жильцов как кость поперек горла этим вчера еще должностным лицам. Оригинальность ситуации в том, что закон о приватизации дает право на собственность, но не саму собственность. Даже в случае приватизации «потрохов» дома — отдельных квартир, весь-то он может остаться в кармане у каких-нибудь новых хозяев, кто придет и купит. Хозяин же нынче главный — валюта. А «самозванное» Товарищество — один из видов коллективной собственности. Люди впервые сделали бы домовладельцами. И никакое видоизмененное МП «РЭУ ПЖРО» не посмело бы за их спинами торговать квадратными метрами.

Однако мечта о собственности так и остается мечтой. Потому что самая привычная для нас среда обитания — коммуналка. Одна большая общая кухня. Где куча хозяев склочничает вокруг плиты, а из отдельных гнезд только ключья и перья летят...

У местных властей ни руки, ни ноги не доходят до нежилых этажей дома по Боевской улице. На каждом этаже власти в Москве и стране «ССГ» в целом — своя коммунально-кухонная ситуация.

Супрефект Сокольнического муниципального округа Алешин идею о создании Товарищества устно поддержал. Но вот расписался он только в собственном исполнительском бессилии.

По словам жильцов дома 2/12, Алешин руками развел: информация об арендаторах-кооператорах перешла в разряд сугубо секретных, а на папках с документами крепко сидит районный совет народных депутатов.

До недавних пор Александр Васильевич Алешин сам находился в кресле зам. председателя райсовета и боролся с идеей образования административных округов, мэрии и префектур. Теперь он супре-

фект и борется с властью Советов, вернее, со злоупотреблениями этой властью:

«Под видом ветвей разделения власти идет драка за кресла и кормушки, которые в условиях тотального дефицита становятся все привлекательнее. Депутатский корпус всех уровней, начиная от союзного и кончая районным, — это один и тот же срез одного и того же большого общества. Однако каждый считает, что надо отрицать предыдущего. В настоящее время идет противостояние не концепций, а личных амбиций, пример — наш район, теперь муниципальный округ».

Депутаты Сокольнического райсовета не пускали работников территориального управления «Москомимущество» в «свое» здание. А «Москомимущество» должно было рассмотреть документы на приватизацию и аренду в течение пяти дней.

Казалось бы, управление «Москомимущество» — власть исполнительная, она должна провести полную инвентаризацию всего имущества, чтобы решать судьбу собственности и собственников. Должна, хочет, но не может. Ибо рычаги управления — это, прежде всего, информация. Которую держат под замком депутаты.

Раньше в исполкоме велась картотека по всем арендаторам. Мэрия стала правопреемником исполкомов, депутатский корпус, по логике, обязан передать информационную базу территориальному управлению «Москомимущество». Отказ категорический. Зачем депутатам эта информация? Представительная власть подразумевает контроль, а не вмешательство в процесс управления.

Главная задача советов — не дать работать префектуре, констатирует Алешин. Зам. председателя Сокольнического райсовета Гукин распорядился не принимать, не регистрировать корреспонденцию на мое имя. Человек пишет, изливает свою боль: у одного потолок течет, другого в магазине обхамили. Ему все равно, кто здесь какие места занимает. А канцелярия отвечает: мы эту власть не признаем. Но старой-то уже нет...

Райсовет, получается, объявил бойкот.

Во исполнение указа Ельцина о передаче имущества КПСС соответствующим органам исполнительной власти префектуры округов при-

нимают сегодня в пользование здания бывших исполкомов и РК КПСС. Председатель Сокольнического райсовета Андреев на пару с замом Гукиным заперли двери подлежащих экспроприации кабинетов и ключи положили в свои карманы. Префект Восточного административного округа Пантелеев волевым решением разместил в здании службы, участвующие в приватизации общественного питания и торговли. Сроки приватизации не позволяли долго выпрашивать ключи. Работа началась, как вдруг сотрудников управления торговли силами депутатского корпуса вышвыривают из кабинета. Под предлогом, будто совету не хватает места. На самом деле в кресла усаживаются не народно-избранническая, а власть коммерческая — акционерное общество «Панорама». Ларчик просто открывался: управляющий делами совета Владимир Демин — член «Панорамы». Все ведь страхуются от возможного краха, не только парт-аппарат...

Супрефект вызывает милицию, милиция советует обратиться в суд. Происходит элементарное нарушение общественного порядка: представителей законной власти в рабочее время выкидывают с их рабочих мест, а правоохранительные органы боятся вмешиваться. Если исполнительная власть не может себя защитить, на что же нам всем рассчитывать? Звонит супрефект Алешин помощнику прокурора города, тот сетует: я и сам не знаю, как действовать в этом правовом вакууме...

Райсоветы на своей сессии взяли да и постановили, что здания исполкомов, госсобственность, принадлежат им, то есть «народу». Президент республики издал указ, а этот указ легко попирается районными советами. И зам. председателя Сокольнического совета Гукин предупреждает супрефекта Алешина: если займете еще хоть один кабинет, мы ОМОН вызовем...

Что же нам, жителям города-то, делать? Ждать, когда каждый отвоюет себе кабинетное пространство, все займется своим делом и человек с прошением будет знать, в какую дверь войти, чтоб дело сдвинулось?

Не дождемся. То есть конверта нам не миновать — у всех «ответственных лиц» всех времен и народов к рукам прилипает. Но вот мирного сосуществования совета с мэрией не будет. Советы развращены заты-

нувшимся двоевластием. Легко они не сдадутся, по доброй воле не займутся исконно своим делом — СОВЕТничеством. Не будут народные избранники ходить с челобитными от народа, не ограничатся одними дискуссиями и рекомендациями к исполнительной власти. Отвыкли за последние два года. Не будет самоотречения от самоуправления в государственном масштабе. Слишком сладок и приятен кусок пирога, которого всегда не хватает на всех.

Депутаты Сокольнического райсовета не в силах поступиться материальными «завоеваниями демократии» даже ради красивых показательных жестов. Весь депутатский корпус, независимо от активности и эффективности, получает компенсацию за депутатство. На последней сессии совета в сентябре прозвучало предложение отказаться от карманных депутатских в пользу района. Прозвучало одиноко и наивно. Подавляющим большинством голосов депутаты повысили себе компенсацию с 75 до 150 рублей. Получается 8 тысяч в месяц, а за год набегают почти сто тысяч. Сопоставим со средствами, выделенными на социальное развитие района с июня по декабрь 1991 г., — 42 тысячи рублей. Годовые «депутатские» вполне соизмеримы с объемом социальной программы Сокольнического района. Правда, «карманные расходы» несоизмеримы с результатами. Но кто же, сидя на мешке с деньгами, избежит соблазна почерпнуть из него в свой карман?

Недееспособность советов сегодня очевидна. Но от мешка не отвадить ласковыми словами и увещеваниями. Выход, думается, один, жесткий. Прервать арендные договоры с депутатским корпусом, президентским указом направить советы на законное место — в Красные уголки, ближе к народу.

Иначе в столице дело может дойти до Карабаха районного масштаба. В Дзержинском райсовете уже произошло рукоприкладство при территориальных разборках с префектурой. В Октябрьском, говорят, кому-то из представительной или исполнительной власти голову проломали. Толченное стекло друг другу пока не подсыпают, а так склака вполне на кухонном уровне.

Очень надоело всем нам жить в коммуналке...

Елена БОРИСОВА

СЛЕДИТЕ ЗА РУКАМИ!

Фото Б.Кремера

Несколько лет назад ходила по Москве такая байка. Купили на Птичьем рынке таксу, принесли домой. А такса ни с того ни с сего съела болонку, с которой ее хотели познакомить. При детальном изучении выяснилось: подсунили не таксу, а гигантскую крысу-мутанта. Может быть, это были враки. А может...

На Птичьем рынке, как в Греции, есть все. Птицы, рыбки, животные, корм на все вкусы. Много объявлений. Одно из них, написанное корявыми красными буквами: «Попугай для разговоров», привлекло мое внимание. У попугая вид был не слишком парадный — хворый. Как, впрочем, и у его продавца.

Я начал прицениваться к попугаю, разговорился с хозяином.

Осведомленность моего собеседника — Петра Степановича Проценко — в орнитологических вопросах оказалась просто поразительной: без малого тридцать лет возит он с птицами. Еще пацаном начал с голубей. Воровал, выменивал, знает, как прикармливать, подмаивать, окольцовывать.

Много занимался и канарейками.

— Прежде всего надо определить, кто есть кто, — рассказывал мне он, — от этого зависит, будет петь или нет. У кенаров поют только самцы. Дуешь под хвост — если есть там тырчок, или яр, как вам угодно, значит — он. Здесь, на Птичьем, все больше детишки толкутся, выпрашивают птичку. Домой принесут — не поет, хоть тресни. А стоит под триста рубликов. Знал я одного парня, так он воробьев слабым раствором марганцовки обдавал, еще кой-что делал. Получалась вылитая канарейка. Разини, старушки всякие — те брали, благо что недорого... С кенарами нахрапом нельзя... Бывает — всем вышел, а чирикает так себе. Зато певцов с родословной знающему человеку можно и за пятьсот толкнуть...

Как-то незаметно с кенаров перешли на попугаев. И в этом вопросе Петр Степанович оказался докой. Торговал амазонами, кареллами, ара, амаду. В последнее время понял: просто покупать-продавать неинтересно, да и не слишком выгодно. Проценко занялся «улучшением породы» — как он это понимает.

— То, что видишь у меня, — похлопал он рукой по клетке, — гибрид. Собственного изготовления. — Я пригляделся. Действительно, странный попугай, что за порода такая? С виду — волнистый, только растрепанный какой-то, нахохленный, как будто греется. Клюв не закрывается: между двумя костяными створками — необычно большой темный шарик языка. И — молчит упорно, ни звука. Несчастливая птица!

— Все особи у меня получаются разные, — разоткровенничался мой собеседник, — для разинь сойдет, купят, что есть. Сам видишь, какая окраска яркая, второго такого на Птичьем нет...

Немного погодя Петр Степанович стал собираться, а я увязался вслед за ним. По дороге выяснилось, что и скрещивание животных и птиц — пройденный для него этап. Насмотревшись новомодных бодибилдинг-шоу, Проценко принял за наказать своих питомцев... гормональными препаратами!

Вот и пришли. Центр города, многокомнатная коммуналка. Здесь и разместился со своим зверинцем Петр Степанович.

Заходим внутрь. В уши бьет животное и птичье многоголосье, в нос — ни с чем не сравнимое амбре: пух, пыль, помет, что-то медицинское и страшно неприятное.

Вдоль стен стеллажами до самого потолка висят клетки. Повыше — птицы, пониже — крысы, мокрого вида кролик, два аквариума с черепахами.

Явно польщенный моим вниманием к живности, хозяин прямо-таки надувается от гордости:

— Да, большое у меня хозяйство. И прибыльное. Вот эта, — показывает он на гигантских размеров крысу, — если не сдохнет, так морской свинкой станет. А эта — нутрией...

Бедная будущая нутрия действительно уже не слишком походила на крысу. Облезлая, глаза дикие, постоянно пищит. Между прутьями ее клетки застрял высохший кусок белого хлеба. К нему экс-крыса, видимо, не притрагивалась.

— Почему, думаешь, орет? Не кор-

мил еще сегодня контркультурой. Один порошок даю с утра, другой — к вечеру, а в середине дня — витамин на марганцовке. От этого она и пухнет, растет как бешеная. С птицей сложнее было. Дозировки не выдерживают, мрут. А с крысой хоть что пережить можно, хоть атомную войну, они и против радиации, и против химии — ого-го...

— Так вы что, только крыс гормонами кормите?

— Нет, отчего же, с воробьями тоже неплохо получается. Поймаешь его, накачаешь хорошенько, покрасишь — сойдет за кого угодно. Хоть за гигантского амадина, хоть за щегла. Только отлавливать надо молодняк, не старше четырех недель. Старики не выдерживают. А молодой — что... Отсидится в темной клетке, попрыгает со связанными лапами — чтоб о прутья не разбился, химии поест — и готовый продукт. Просто-филя купит. Правда, живут потом эти воробьи-амадины недолго...

Что за препараты использует Проценко для своих опытов? Где берет компоненты? Какой барыш имеет со своей «экспериментальной» деятельностью? Тут Петр Степанович был тверд как камень: коммерческая тайна. Впрочем, о том, куда вкладывает он вырученные от зверушек капиталы, можно было догадаться по лиловому носу и трясущимся рукам...

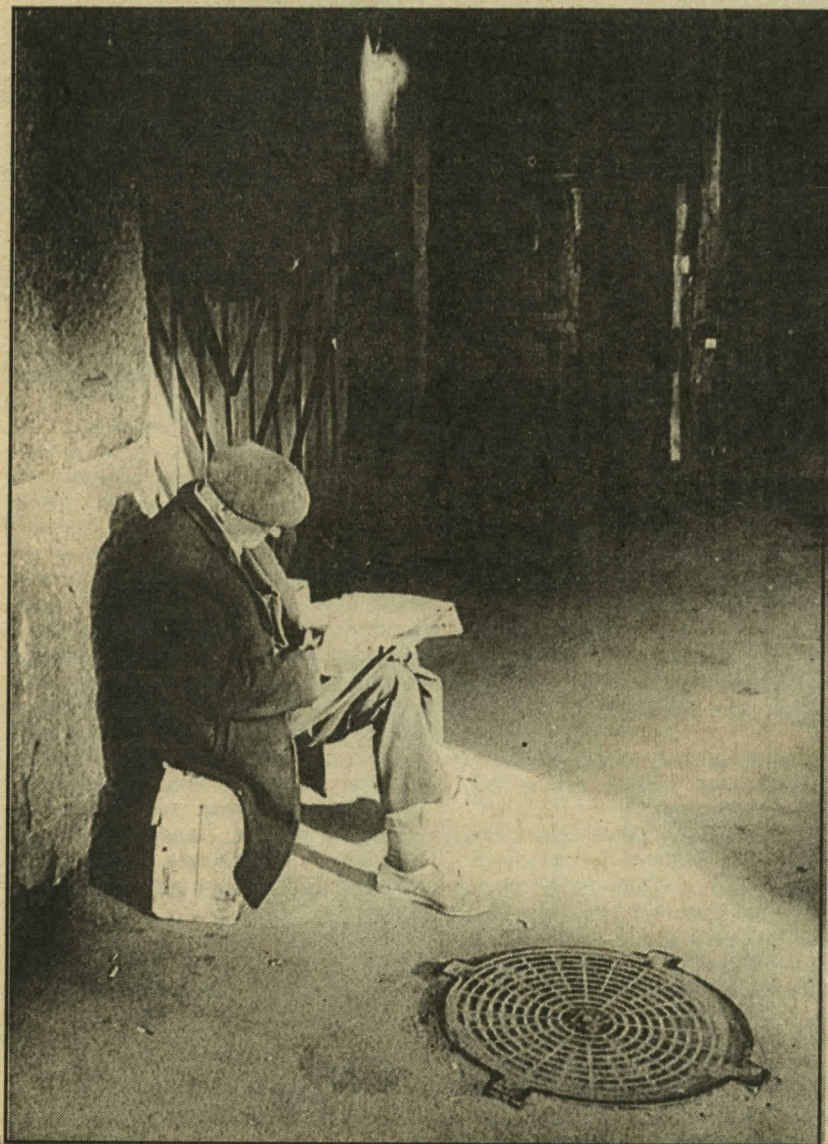
Зоокоммуналку я покидал со странным чувством: не то в логове средневекового чернокнижника побывал, не то на уэлловском «Острове доктора Моро».

Наверное, Петр Степанович — единственный в Москве «генетик», имеющий весьма смутное представление о биологии, а «любовь к братьям нашим меньшим» вообще считающий за анахронизм. Так что если вы соберетесь купить какую-нибудь живую игрушку на Птичьем — будьте готовы, что вместо амадина вам подsunут крашеного воробья, вместо нутрии или таксы — крысу, а вместо медвежонка, скажем — дворняжку-культуриста... Лично я на Птичий рынок ходить за рекся.

Дмитрий НИКИТИН

БРОДЯГА

Был такой и тащился с сумой на плечах. Лет сто назад. Сегодня он называется «лицом без определенного места жительства и занятий», что вовсе не означает недовольства судьбой. В суме запросто может оказаться граната. А на предложение сердобольного опекуна в погонах пристроить куда-нибудь к станку или к трактору он, скорее всего, ответит: «Ты что, начальник, с ума сошел?»

По официальным данным, бомжей, или (будем говорить все-таки по-русски) бродяг, задерживаемых регулярно приемниками-распределителями, у нас в стране ни много ни мало 300 тысяч. По неофициальным — в 5 раз больше. То есть полтора миллиона совершеннолетних, здоровых, трудоспособных мужчин и женщин, не отдавая ни копейки на нужды больных и стариков, не произведя ни булки, ни шмотка сала, не заботясь о содержании собственных детей, каждый день хотят кушать.

Две статьи УК давно бельмом застили ясную дорогу к правам человека отечественным первопроходцам — 198-я, «Нарушение правил паспортной системы», и 209-я, «Занятие бродяжничеством или попрошайничеством либо ведение иного паразитического образа жизни». Статьи, наверно, отменят, и подделом, тем более статьи, уже практически не применяющиеся.

Но факт остается фактом. Полтора миллиона человек, не имеющих легального заработка, каждый день съедают свой завтрак, обед и ужин. А по всем природным законам если в одном месте что-то прибавилось, то в другом, соответственно...

Герман Григорьевич Лаевский, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности ВЮЗШ МВД РСФСР, бродягами интересуется уже двадцать лет. Он материалист и прекрасно знает, откуда убавляется то, что потом в виде сытного завтрака скрашивает жизнь отшельникам, права которых всем нам так дороги.

Когда Герман Григорьевич был еще молодым, он взялся пересчитывать криминогенный элемент, попавший, естественно, в поле зрения милиции, по разным категориям и среди всех преступников насчитал только 4 процента бродяг. Но не разочаровался в избранной для диссертации теме, и правильно сделал. Потому что сегодня каждое второе преступление, регистрируемое по линии УР, — на совести

бродяг. Среди представителей этой категории 80 процентов ранее судимых, из них 75 процентов — специальный рецидив: кражи, грабежи, разбои. И последние, весьма показательные цифры. Из 20 тысяч осужденных в последнее время бомжей только четверо пришли в милицию с так называемой явкой с повинной. А раскаяние (искреннее или под давлением обстоятельств) говорит, как известно, о степени «матерости» преступника.

Так что же, не отменять двух кривобоких статей УК? Отменять, конечно. Но только ясно осознавая: перечеркнув несколько строчек в книжке и объявив, что отныне тебе безразлично, кто и на что живет, заприрай тем не менее покрепче дверь и бойся случайного прохожего.

Второй парадокс — письма из зоны милиционерскому полковнику. «Спасибо вам. Мы всем лагерем вас поддерживаем. Да, мы — преступники, но мы же хотим потом жить нормально. А мы изгой...»

За что же «спасибо»? За правду. За центры ресоциализации в зонах и гостиницы для бродяг. За статьи в прессе в их защиту. Почему, спрашивает Лаевский, за одно преступление человек фактически получает семь наказаний: лишается прописки, жилья, работы, семьи и т.д. (он все подсчитал)? В Москву — нельзя, в Ленинград — нельзя, просто в крупный город — нельзя, на хороший завод — «судимых не берем», жена — развелась, общежитие — для одиноких, а ему нечем заплатить за штамп в паспорте, профессию — потерял, умеет только лес валить. И что дальше?

Сойдет с поезда в Ярославле (там конец прямой ветки) или в Александрове, встретит свою хромую тетю Мотю (она для него красавица, других он и не видел), пойдет за ней на край света, выпьет два стакана бормотухи и забудется тяжелым сном.

А проснется на улице. Город чужой, денег уже нет — только справка об освобождении. Не прибыл к месту назначения — и ты уже никто, документы не получишь. Можешь идти в услужение к баю, поверенные которого собирают будущих рабов по вокзалам. Можешь воровать.

В 82-м году было принято известное постановление об усилении борьбы с бродяжничеством и тунеядством. Под него открыли 7 центров ресоциализации разных направлений для осужденных по 209-й, где человек, действительно же-

лающий вернуться к нормальной жизни, мог отбывать большую часть срока в полувольных условиях. Работать, имея трудовую книжку и приличную зарплату, жить в комнате, а не в бараке, чаще видеться с родными.

Был такой министр машиностроения для животноводства Константин Никитович Беляк. Он говорил: «Мне нужны рабочие. Мы их научим разным профессиям и будем возвращать в жизнь. А если семья его не примет, направим на наши новые стройки».

— Получилось? — спрашиваю у Лаевского.

— Конечно, нет. Мы хотели заманить уголовную ответственность на административную, чтобы у человека, прошедшего через такой центр, не оставалось судимости. И чтобы центров было много. Но умного министра не стало — пришел Михаил Сергеевич и провозгласил: нам с такими министрами не по пути... По 209-й вообще судить перестали. Не действует статья, значит, нечего перекалывать на административную ответственность. Центров стало пять, потом два, сейчас их, наверно, уже нет.

То же и с гостиницами — очередным изобретением Лаевского. Один этаж спецкомендатуры, переоборудованный под человеческие условия, приносил пользы, может быть, больше, чем некоторые действующие сейчас ИТУ. Принять любого, пришедшего добровольно, направить на работу, восстановить трудовую книжку, обеспечить гарантированной койкой, чистым бельем, питанием в счет будущих заработков — вот задача гостиниц для бродяг.

Дать еще один шанс начать жизнь снова — разве этого мало?

И эту идею прокатили, хотя эксперимент удался вполне. Официально гостиниц не существует. Подпольно, замаскированные под спецкомендатуры еще действуют 12—14 на всю страну. Скоро и они развалятся.

Между тем появились уже регионы, где все 100 процентов преступлений совершаются людьми неработающими. А МВД, как старая лошадь, запряженная в привычную телегу, тащится только по хорошо знакомым дорогам. По классической схеме: от преступления — к преступнику. Дескать, сначала пусть вас убьют, батенька, а потом уж обращайтесь к нам за помощью.

Лаевский хочет как раз наоборот.

Г.Г.Лаевский

От потенциального преступника к несовершеннолетнему преступлению. Так ему кажется логичней и приятней. Но для этого нужна система оперативной профилактики. Не лишний груз на плечи многогосударственного участкового, который и сейчас-то почти ничего не может и совсем ничего не хочет, а с привлечением всех имеющихся оперативно-разыскных возможностей. Такие системы существуют, кстати, во всем мире, высоко ценящем права человека. Вопрос не в том, загонять или не загонять данные в компьютер, вопрос — кто и с какой целью ими пользуется.

Ну почему, недоумевает Лаевский, если существует целое главное управление по борьбе с организованной преступностью, нельзя создать хотя бы небольшое подразделение оперативной профилактики? Потому что организованная преступность — это модно, это престижно, это в духе времени?

Бродяг же вычеркнем из УК — и баста.

Елена САЛИНА

Фото Эдуарда Кудрявицкого

Сургутская Товарно-Сырьевая Биржа

**Наши акционеры добывают,
перерабатывают и
контролируют 40% советской
нефти!**

**Подольский филиал СТСБ —
это торги
в центральном экономическом регионе:**

- синхронно
- по единым спискам в двух биржевых залах
- используя прямой информационный канал
"Сургут - Подольск"

Принимаются заявки на приобретение брокерских мест на Подольском филиале СТСБ. Стартовая цена одного брокерского места - 1300000 рублей.
Брокерские конторы СТСБ получают право участия в торгах как в Подольске, так и в Сургуте.
К услугам брокеров - кредитование и страхование заключенных сделок.

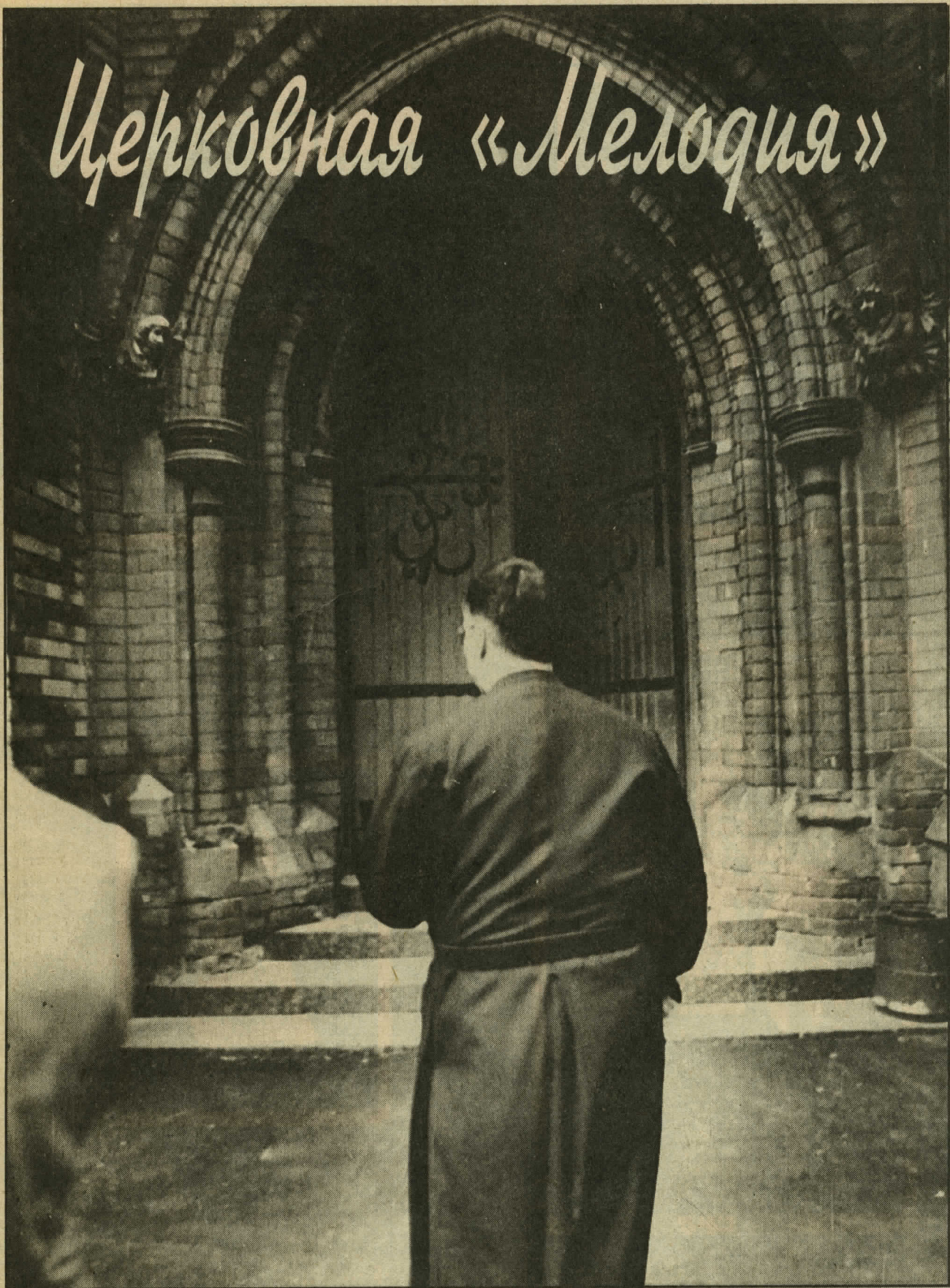
Контактные телефоны:

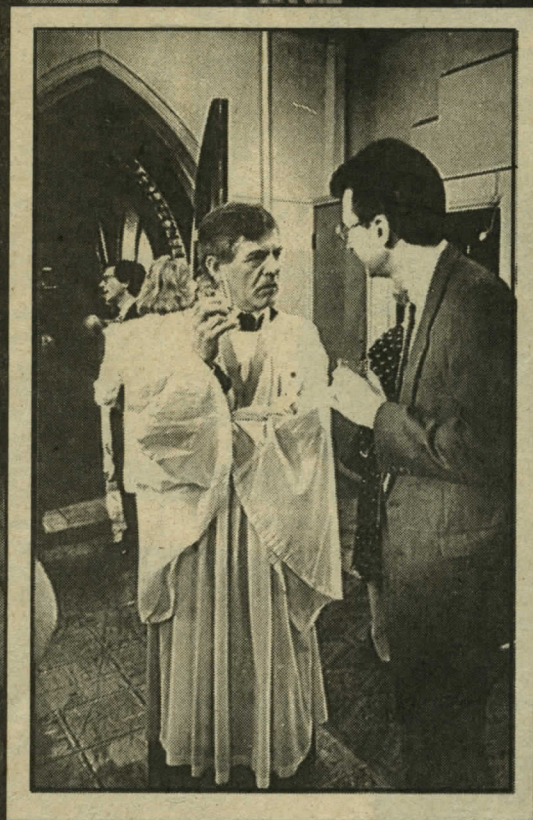
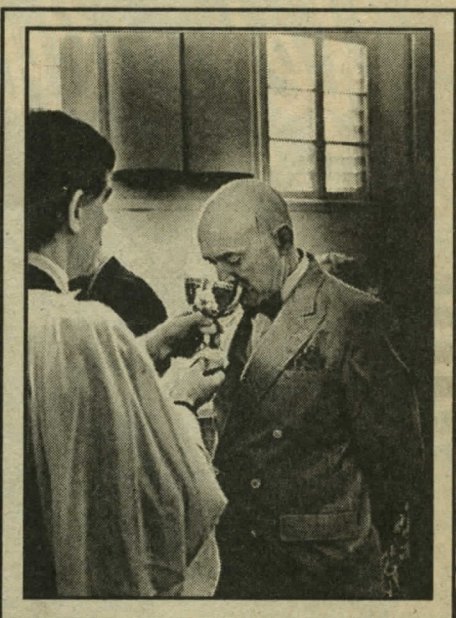
в г. Сургуте (34561) 2-05-69
(34561) 2-29-70
факс (34561) 2-05-35

в г. Москве (095) 137-92-86
факс (095) 541-60-24
в г. Подольске (275) 4-10-85

Церковная «Мелодия»

САМЫЙ СТАБИЛЬНЫЙ БИЗНЕС — ВКЛАДЫВАТЬ ДЕНЬГИ В СТРОИТЕЛЬСТВО

Рыночные отношения между производителями и потребителями строительной продукции прокладывают дорогу на строительную биржу.

 *строительная
биржа*

Архитектора Власова, 51.
г.Москва
тел. 128-97-22
факс 128-47-86

СТРОИТЕЛЬНЫЙ БИЗНЕС

СТРОИТЕЛЬНАЯ БИРЖА — первая биржа страны, охватывающая весь цикл строительства от проектно-изыскательских работ до сдачи объекта под ключ.

23 сентября состоялась презентация биржи. В числе ее учредителей: Научно-промышленный союз СССР, Союз строителей СССР; концерны: Нефтегазстрой, Водстрой, Росвостокстрой, Росагропромстрой; Центросоюз СССР, Межрегионбанк, банк «Индустрия-Сервис», Конверсбанк, Часпромбанк, Востокстройбанк; совместные и коммерческие предприятия строительного профиля, частные фирмы.

Биржа проводит товарные и подрядные торги. На товарные торги выставляются:

- строительные материалы, конструкции и сырье для их производства;
- машины, механизмы, оборудование для объектов строительства, реконструкции, расширения, модернизации и ремонта;
- материалы, сырье и полуфабрикаты для изготовления и обеспечения работы оборудования, машин и механизмов;
- товары народного потребления и другая продукция.

Но Строительная биржа в первую очередь реализует не только и не столько строительные материалы, сколько подряды на строительство.

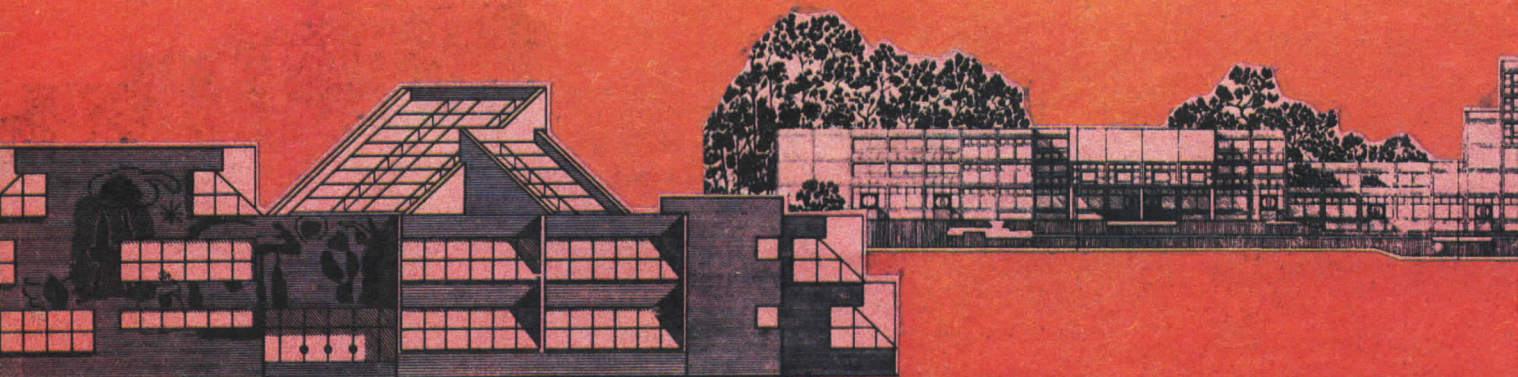
Специфика биржи в том, что в качестве объектов торгов выставляются объекты строительства, проектно-изыскательские и строительно-монтажные работы. Специфической является и тесная связь с консультационными фирмами и страховыми компаниями. Консультационные, инженерные и экономические услуги по всему циклу капитального строительства, оказываемые биржей, крайне необходимы в условиях становления рынка.

На бирже проходят

Торги на заказы:

1. Размещение заказов, связанных с новым строительством, расширением, реконструкцией, техническим перевооружением, модернизацией и ремонтом объектов, в том числе на выполнение:

- полного комплекса проектно-изыскательских, строительномонтажных, опытно-конструкторских, технологических,

пусконаладочных и других работ, необходимых для сдачи объектов «под ключ» и выхода на проектную мощность;
— полного комплекса научно-исследовательских, опытно-конструкторских, технологических работ с последующим изготовлением оборудования, машин, механизмов и поставкой их заказчикам.

2. Выполнение отдельных видов работ, связанных с осуществлением инвестиционной деятельности:

- строительно-монтажных, пусконаладочных, проектно-изыскательских, опытно-конструкторских и технологических;
- по изготовлению оборудования, комплектующих изделий, конструкций, машин, механизмов, оснастки, инструмента и т.д.;
- других работ, осуществляемых в инвестиционном процессе.

Торги на объекты:

— реализация (передача в распоряжение) готовой строительной продукции, незавершенных строительных объектов, сложного оборудования, других основных фондов, земельных участков под застройку.

Торги интеллектуальной собственностью:

— результаты НИОКР, опытные образцы, проектные решения, результаты инженерно-строительных изысканий, обмерных работ и обследований строительных объектов;

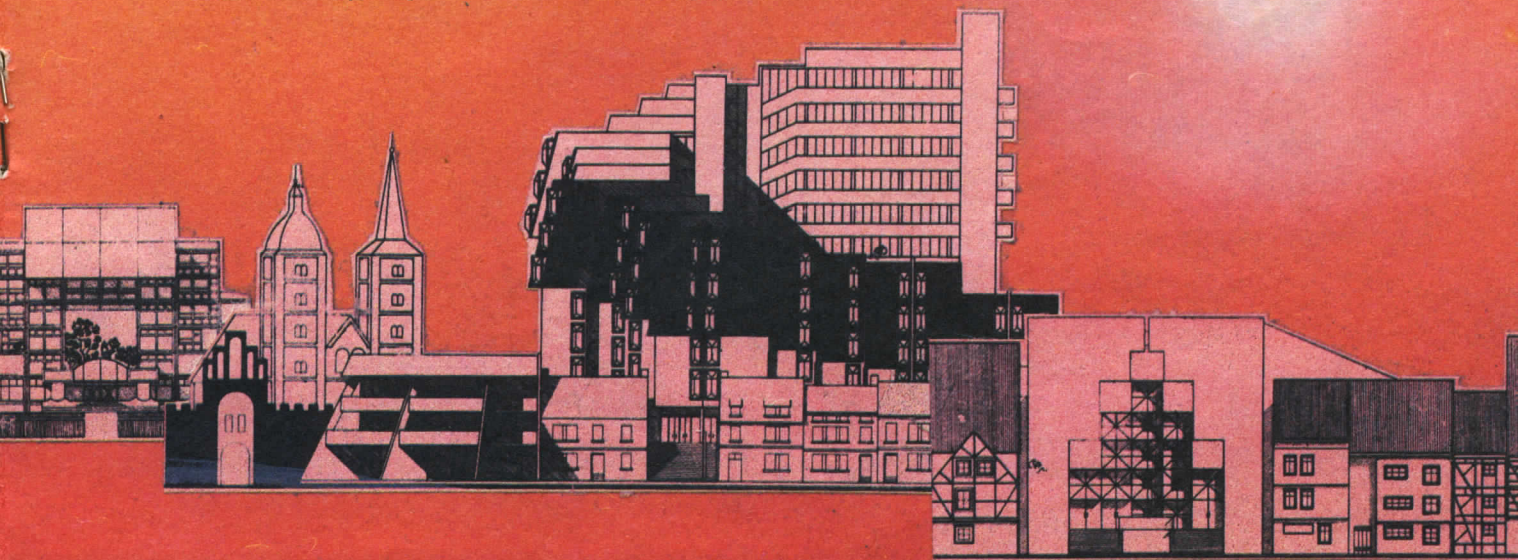
— патенты, лицензии, «ноу-хау» и т.д.

Строительная биржа сохраняет и расширяет деловые связи, наработанные десятилетиями.

Наши региональные центры создаются в Хабаровске, Иркутске, Оренбурге, Чите, Екатеринбурге, Бишкеке и других городах России и суверенных республик.

Строительная биржа предлагает стать ее абонентами. Члены биржи, поставленные на абонентное обслуживание, освобождаются от входной платы, платы за пользование информационными материалами, получают бесплатно консультации по юридическим и коммерческим вопросам, биржевые бюллетени.

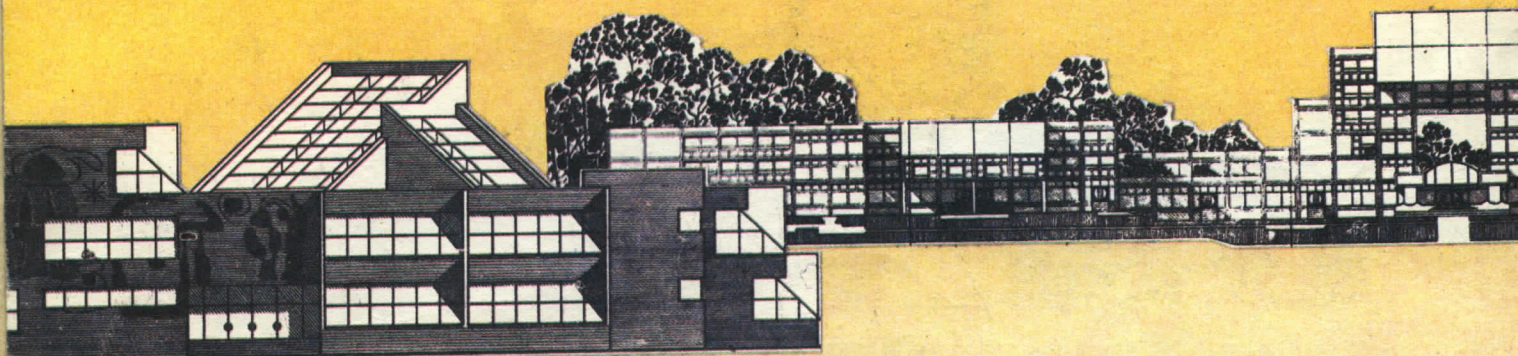
Они также имеют право на первоочередное, при прочих равных условиях, обслуживание брокерскими конторами и другими биржевыми службами.

Учитывая большую стоимость заключаемых контрактов по подрядным торгам, а также отсутствие бюджетного финансирования и гарантий со стороны государственных органов, Строительная биржа предоставляет своим клиентам новый вид биржевых услуг — страхование имущественных интересов сторон при проведении биржевых сделок, а также проводит экспертизу сделок и проектов.

ПРОЧНЫЙ ФУНДАМЕНТ ВАШЕМУ ДЕЛУ МЫ ГАРАНТИРУЕМ

Архитектора Власова, 51.
г.Москва
тел. 128-97-22
факс 128-47-86

Если хотите помолиться, приходите на студию грамзаписи фирмы «Мелодия». Правда, для этого вам нужно быть англичанином. Ну, как минимум англичанином.

Снаружи — это обычная англиканская церковь: серьезное, без изысков здание красного кирпича, устремленное вверх. Внутри — ощущение несколько сюрное. В алтаре за стеклом — звукозаписывающая аппаратура, под потолком — микрофоны, на стенах — между готическими окнами — конструкции из звукопоглощающего материала, которые

вполне можно было принять за элементы оригинальной архитектуры здания, если бы не некоторая асимметричность.

Построена церковь св. Георгия по проекту английского архитектора в 1885 году специально для англиканской общины в Москве.

Затем, весной 1920-го, после «известных событий», все англичане были депортированы, а церковь закрыта. О судьбе здания после гражданской войны сведений мало. Вроде бы размещалась тут финская миссия, говорят также, что на время оно было отдано под общежитие. К счастью, в итоге — в 1934 г. — в нем обособилась Всесоюзная фирма грамзаписи.

К счастью — в самом буквальном смысле, потому как для идеальной акустики необходимо было содержать цер-

ковь в хорошем состоянии, что студия и делала все эти годы.

На протяжении десятилетий англичане требовали вернуть им церковь, но удалось это лишь прошлым летом. Пока по соглашению с Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» служба проходит раз в месяц — каждое третье воскресенье. Это вполне устраивает не только советскую, но и английскую сторону. Потому что содержание церкви стоит немалых денег, а их у англиканской общины в Москве пока нет. Нет у нее и своего постоянного священника. На каждую службу приезжает священник из Хельсинки.

Велика ли община, точно сказать трудно, так как не каждый из приблизительно тысячи англичан, живущих в Москве, — англичанин. В то же время службы посещают верующие канадцы, американцы, угандийцы, кенийцы.

Были в московской церкви и первые крестины (см. фото), пополнившие число прихожан этой общины.

Виталий ЕРЕНКОВ,

Одуард КУДРЯВИЦКИЙ (фото)

БОРИС ЭЙХЕНБАУМ — ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК В НЕПОРЯДОЧНОЙ СТРАНЕ

«Борис Михайлович Эйхенбаум так давно знаком всем нам, так нежен, так бел, что говорить о нем точно как бы кощунство... Он со всеми ласков и внимателен, что любишь, но в глубине души недостаточно ценишь. Не на вес золота, как ласку и внимание людей более грубых. Кажется, что ему это легко. И в глубине души он благожелательно равнодушен к тебе, и только... Эта subtilность его подсказывает еще темную, но неотвязную мыслишку: такому нетрудно быть порядочным, хорошим даже человеком...»

Евгений Шварц не ошибался, но объяснить, разгадать природу порядочности Эйхенбаума не мог. Может, это чуть-чуть удалось Вениамину Каверину: «Читая дневники Б.М.Эйхенбаума... или переписку Ю.Тынянова со Шкловским... невольно приходишь к мысли, что эти люди, всецело занятые перестройкой мирового литературоведения, были, в сущности, аполитичны. У них — это видно по письмам

Бориса Эйхенбаума спасала музыка. В двадцатые его дневник переполняется такими записями: «Вчера — в концерте, Абендрот. Гендель чудесен, а Брукнера (4-я симфония) в России не по-

— не было основания бояться перлюстрации...»

О Тынянове со Шкловским пусть читатель судит сам. Их работы доступны, а биографии достаточно известны. Последний же из этой троицы — фигура загадочная. Книг Эйхенбаума в магазинах не найти, в университете его не проходят, дневники и переписка — практически неизвестны. (Впрочем, журнал «Коммунист» эту работу начал, альманах журнала «Наше наследие» должен продолжить, а там — обещают и трехтомник...)

Мне повезло: готовя статью об Олеге Дале, я познакомился с его обаятельной тещей — Ольгой Борисовной Эйхенбаум и только позже сообразил, что говорю с дочерью знаменитого ученого... Знать Ольге Борисовне довелось многих: с Маяковским ходила по грибы, Шварцу перепечатывала «Дракона», со Шкловским — просто дружила. И рассказывает она замечательно. Так и получился этот материал.

нять. Это слишком насквозь немецкое... Горовиц произвел нехорошее впечатление — изломанный, мажет, нет настоящей точности...» Ни у Тынянова, ни у Шкловского такого слуха не было.

Фотография из семейного архива Б.М. Эйхенбаума.

Или — так, после Бетховена, чуть комично: «Пришел домой бодрый, освеженный — и сегодня все напеваю мотивы 8-й симфонии. Под это пение сел писать статьи о стиле Ленина — и пошло гораздо лучше. Надо чаще ходить в концерты». (Чтобы сразу рассеять подозрения насчет лояльности, приведу запись от 25 января 1924 года: «21-го видел новую русскую фильму «Дворец и крепость». Очень хорошо. 21-го же умер Ленин, о чем мы узнали только 22-го вечером. По этому случаю на всю неделю отменены спектакли и кинематограф и запрещено продавать вино».)

Рассказывает Ольга Борисовна Эйхенбаум:

— Борис Михайлович с детства играл на скрипке — так хотели родители. А он тайно любил рояль. И когда родители уходили, он укладывал скрипку в футляр и бросался к роялю. Но старый «Бехштейн» сопротивлялся. У отца не было техники, он упустил азы, хотя в музыкальной школе учился хорошо... Еще у него была мечта стать дирижером. Но денег, чтобы поступить в консерваторию, не было. Его вообще кидало из стороны в сторону: то музыка, то математика, то биология и даже — футбол! Родители, оставшиеся в Воронеже, страшно беспокоились, а Боря писал им из Петербурга, что естественные науки — это фундамент, «но они не могут заменить мне целого — жизни в полном смысле этого слова».

Музыку оставить было для него страшней всего, дело дошло чуть не до самоубийства. Но он был еще и очень честолобив и, поняв, что крупным музыкантом ему не быть, стал... писать стихи!

*Вот город мой, он тот же самый,
Зимой и летом тот же край,
Где хроматические гаммы
Поет по улицам трамвай.*

В 1914-м Гумилев напечатает два стихотворения Эйхенбаума в «Гиперборее». А пока двадцатилетний провинциальный юноша в растерянности перед Петербургом пишет: «Петербург — не город, а государство. Здесь нельзя жить, а нужно иметь программу, убеждения, врагов, нелегальную литературу, нужно произносить речи... А я хочу просто жить».

Просто жить — это значит поступить сначала в Военно-морскую академию и вместо нелегальной литературы купить микроскоп. Академию вскоре разогнали, и уже в 1906 году Эйхенбаум учится на биологическом отделении Вольной высшей школы Лесгафта. Еще через год он запишет: «Мне ясно, как построен человек, но есть другой вопрос — для чего?» В поисках ответа он оказывается, наконец, в университете, на историко-филологическом отделении.

Там Эйхенбаум занимается в семинаре у Венгерова, ведет в «Русской молве» обзоры иностранной литературы, знакомится с Жирмунским, Франком, преподает в гимназии («...Литература — искусство, художество, а в гимназии преподают ее как грамматику!»), бывает в «Бродячей собаке».

Впрочем, ни футуризма, ни формализма молодой филолог поначалу не принял: «Футуристы — рассудочники, механики, недаром в машинах они ищут вдохновения. Это — настоящие атеисты. Это — хладнокровные экспериментаторы». Но постепенно пришло и разочарование в академическом литературоведении, он подружился со Шкловским и Тыняновым и — примкнул к ОПОЯЗу.

1917-й. Страх, паника, к городу идет Корнилов — а чем занят Эйхенбаум? «Был О.М.Брик... Много говорили о Маяковском — он подтвердил мои выводы. Чрезвычайно сильная артикуляция... своеобразная метафора, где из двух отдельных представлений (собственного и метафорического) сделано третье, нераздельное, неразрывное...»

— Но он не мог быть совсем в стороне, — продолжает Ольга Борисовна, — его брат Всеволод — анархист, а в будущем — махновец и эмигрант, был весь в политике, и тогда, в 17-м, они много спорили. Папа сначала очень загорелся, собирался читать лекции рабочим, говорил, что от интеллигенции очень многое зависит, но потом понял, что революция не удалась совершенно...

Действительно, революцию Эйхенбаум воспринял как некий культурный прорыв, как эстетический переворот: «Меня всколыхнуло и потянуло именно то, что я увидел тягу к новой культуре... Из революции Россия выйдет с новой наукой о художественном слове — это несомненно». Вот что было для него важно!

И сам прилагает к этому все силы: при свете лучины пишет «Молодого Толстого». Вот запись от 11 августа 1918 года: «Не выходил сегодня на улицу. Читал «Воскресение». Во тьме щелкают какие-то отдельные выстрелы...» За окном стреляют, а Борис Эйхенбаум мучается вопросом: «Как бы освободиться от иконописания в статье о Толстом!»

Еще в 1906 году он писал родным: «Не могу не сознаться, что от современных перипетий, как таковых, я далеко». И оставался «далеко» всегда, потому что страшно занят был своим делом. И на власть поглядывал из-за своих «кремовых штор». Но власть этого не прощала.

— Не было ни одной работы, которая прошла бы спокойно! Его вечно вызывали то в райком, то в горком, требуя что-то изменить. Папа, как правило, отказывался, и статья не шла. Так, например, в апреле 24-го уничтожили интереснейшее предисловие к Лермонтову, да еще в Госиздате сказали: «Будьте благодарны, что мы не заставляем вас писать марксистское предисловие!» Поэтому денег у нас никогда не было... Но я уверена, что он был бы очень современным критиком, если бы ему давали писать, у него есть очень точные внутренние рецензии. А то, что он думал о Горьком, о Блоке, слава Богу, напечатано.

Пережив страшный голод 1919-го, смерть сына, тяжело переболев дизентерией, Эйхенбаум выпустил оригинальнейшую книжку «Мой современник», по сути — собственный журнал с рубриками «Автобиография», «Критика», «Смесь», где он метко заметил: «Русская литература превратилась в сплошной мемуар и памфлет. Героем стал сам литератор... Основная литературная проблема нашей эпохи — «как быть писателем». Этим вопросом мучился и он сам...

— Борис Михайлович, конечно, завидовал Тынянову, что вот, Юра ушел в литературу, стал известен... А ведь у него были все основания, чтобы стать писателем: прекрасный язык, остроумие. Он писал бы, конечно, не совсем обычные романы. Например, задушивал роман «Дураки» в «салтыковском духе». А Каверин даже полагал, что папа и был больше писателем, чем ученым.

С Тыняновым и Шкловским дружба была очень большая. Но про первого папа как-то написал, что вот Юра считает себя гением... ну а я не гений, и мне с ним бывает трудно. (Шкловский утешал друга: «Твои опасения неправильны: я не гений. Юрий тоже не гений... Если ты тоже не гений, то все благополучно».)

А вообще, это была очень веселая компания. Папа, кстати, не любил учеными и не жаловал ученые компании. Он сам был мастер подурочиться, поострить, выпивал очень умело и огромный успех имел у женщин! У нас часто бывали Мариенгофы, Зощенко, Юра Герман.

Общался он с «серапионами», пушкинистами. Цявловским, Бонди, Модзалевским. Ругался из-за чего-то со Щеголевым. С Бенедиктом Лифшицем вместе писал какие-то либретто, с Тарле обсуждал Наполеона. Хорошо знал Чуковского, Эренбурга, Замятина... Когда прочитал роман «Мы», записал в дневник: «Вещь интересная, но вне злободневности она, конечно, много потеряла бы. Сатирическое освежение любовного романа...»

Странно, что Эйхенбаум не почувствовал замятинских пророчеств. Ведь сам в том же 24-м писал: «На нас хлынуло средневековье — идея социализма и коммунизма приняла форму государственной религии, которая действует совершенно аналогично средневековой духовной власти — вплоть до инквизиции и проч. Идет

борьба против научной мысли как таковой. Время страшное, в котором трудно найти способ благополучного существования».

— В тридцатые годы папа стал очень мало бывать во всяких компаниях. Он сидел в своем кабинете, писал предисловия к Гоголю, Тургеневу, Щедрину, Лескову, Полонскому, Жихареву, Анненкову, Давыдову... Шкловский ему все говорил: «Брось ты эти комменташки!» — а как он мог бросить свой заработок? Может быть, это его и спасло от ареста в тридцатые... Он грустно шутил: «До буквы «Э» не добрались...»

В 1923 году Эйхенбаум выпустил, судя по всему, первое исследование творчества Ахматовой, где было «больше беспокоящих вопросов, чем решений». А в начале 1946 года он трижды выступил на вечерах Ахматовой. А потом был август... И хотя он произнес очень мягкую речь, открытым текстом сказав, что мы бессильны перед большой политикой, ему все равно пришлось голосовать за исключение. Не голосовать он не мог — это грозило всему семейству. Жена не пускала его на это заседание: «Ну, скажи, что ты болен!» Но он пошел, чтобы хоть что-то сказать... Есть в этом какой-то крест: скажаться больным — легче, так многие сделали, чем теперь и гордятся. А тут: нельзя не пойти, надо пойти, пойти и проголосовать, а потом мучиться, мучиться, мучиться...

— Но все равно ему пришлось оставить университет. Секретарша, заполняя бланк, спросила: «Тут, наверное, ошибка. Написано, что вы работаете с 1914 года, правильно — с 1941? — Да нет, все правильно», — ответил папа, а в дневник записал: «С кафедрой, слава богу, покончил. Надо бы, в сущности, и с жизнью кончать. Довольно, устал. Осталось только любопытство: что еще придумает история и как посмеется?»

И история еще попробовала ученого на прочность: в том же году умерла жена, сын погиб на войне, 4-й том «Толстого», написанный в блокаду (Борис Михайлович не вставал из-за стола, ноги распухли с голода, домашние шептались — не сошел ли с ума), пропал при эвакуации. Он пытался восстановить его, но сил уже не было.

— В последние годы мы много жили на даче в Усть-Нарве. Папа наслаждался природой, вспоминая воронежские степи, где скакал в молодости на лошади... Жили мы все эти годы на его пенсию, и только в 1956 году его пригласили вернуться в ИРЛИ, вспомнили его труды, снова заговорили о формалистах (кстати, когда я папу спрашивала: «Почему тебя называют «формалистом»?» — он отвечал: «А ты думаешь, я знаю, почему?»), но 24 ноября 1959 года Борис Эйхенбаум умер...

В одном из последних писем Шкловскому он писал, поздравляя друга с завершением книги: «Приходится возразить Пушкину: на свете нет ни покоя, ни воли, а какое-то «счастье» все-таки есть — или бывает!»

Николай МАЛИНИН

СОЦИУМ ИНФОРМИРУЕТ:

Самые большие объемы информации, самое высокое качество и достоверность, самые низкие цены – это ...

Базы данных серии "Партнер"

ИНКОМБАНК

МММ ОБЪЕДИНЕНИЕ

МЕНАТЕП БАНКОВСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

ПАРТНЕР-1м – 110 000 предприятий
ПАРТНЕР-1.2 – 200 000 предприятий

Наименования, адреса, отрасли.
Наименования, адреса, виды деятельности.

ПАРТНЕР-2 – 20 000 предприятий-участников внешнеэкономических связей:

Наименования, адреса, телефоны, Ф. И. О. руководителей, предлагаемые товары, услуги, типы собственности. Та же информация.

ПАРТНЕР-2.1 – 1 500 СП

ПАРТНЕР-3 – 2 000 предприятий-рекламодателей (ежемесячник)

Полные тексты рекламных объявлений месяца наименования, адреса, телефоны.

Приходите на демонстрацию систем!

Наш адрес:
103626, Москва,
Б. Черкасский пер.,
15, комн. 403.

"ПАРТНЕР" обеспечивает

Вам автоматический поиск и распечатку информации списком и "на конверт" на IBM PC - совместимых компьютерах по территориям (15 республик, 132 области, 137 городов), по отраслям народного хозяйства (650 отраслей), по наименованиям предприятий и, ГЛАВНОЕ, – по свободно заданным Вами наименованиям товаров и услуг.

Системы с инструкциями

по эксплуатации на гибких дискетах передаются заказчикам либо высылаются бандеролью в 3-дневный срок после получения копии платежного поручения и адреса получателя.

Переводите деньги на расчетный счет:
460158 в Коопбанке
Центросоюза СССР,
к/с 161406, ЦОУ при
Госбанке СССР, МФО
299112.

Цена:

Партнер-1м – 2990 рублей +5%
Партнер-1.2 – 4990 рублей +5%
Партнер-2 – 2890 рублей +5%
Партнер-2.1 – 900 рублей +5%
Партнер-3 – 2900 рублей +5%
(годовая подписка – 12 выпусков)

Телефоны для справок: 928-24-70, 927-09-31.
Факс: 2302819. Телекс: 112658 Устаа.
Адрес: 103031 Москва, а/я 76, ВНПО "Социум"

СОЦИУМ

"КАМИ"

ИНКОМБАНК

"МАЛС"

"МОВЕН"

АБСОЛЮТНО НАДЕЖНЫЙ "ПАРТНЕР"!

ЗА ЦАРЯ ОБИДНО...

**«Артаксерксово действо»
Российский
музыкальный театр,
реж. Е.Высоцкий,
антреприза
М.Муратовой**

Однажды в ГИТИСе мой учитель — И.Н.Соловьева — сказала, сокращаясь, об одном актере: «Он все время экономит силы. Как страшно, что вся наша жизнь строится на сокращении. Никто не хочет развивать большой роман... А в искусстве упрощения просто режут жизнь по-живому». В новом театре принцип сокращения демонстрируется буквально: из ослепительно-царственного десятичасового действия XVII века в результате непыльной режиссерской работы «вышел» двухчасовой спектакль. Чтобы еще скорее разделаться с неудобной во всех отношениях «комедией», часть диалогов произносится одновременно двумя персонажами. На сцене — тьма. Актеры почему-то передвигаются больше боком. Ширмы, разрисованные с удалью хохломских мастеров (однако без их мастерства), показывают то одной, то другой стороной, то снова перевернут, то положат на бок... Артаксеркс почему-то похож на Деда Мороза из фирмы «Заря», только очень усталого. Не зная, что делать, другие актеры откровенно дурачатся в свете единственного прожектора. В общем, чтец из Москонцерта, говоривший перед занавесом о «начале новой жизни отечественной культуры», не убедил меня в том, что надо было трогать «пласты отечественной культуры, от которой мы были отрезаны десятилетия», ради того, что нам показали. А еще —

обидно за Алексея Михайловича: ведь неискушенный зритель, чего доброго, поверит, что бедный наш царь мог смотреть такое представление не отрываясь, да не два, а целых десять часов.

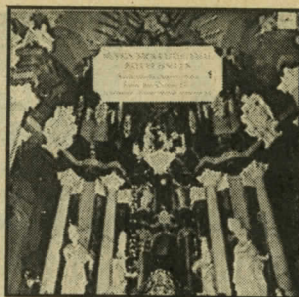
Григорий БЕРГЕР

СУПЕРКНИГА ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

**«Пустыня»
«Дягилев-Центр» при
участии ТО «Одиссей»,
реж. М.Кац**

Американский мультфильм «Суперкнига» рассказывает Библию языком, понятным детям. Фильм «Пустыня» — компиляция рассказов Леонида Андреева — делает то же самое, но только для подростков. Делает неплохо: в традициях Крамского и Н.Ге, наконец-то примирившихся с Семирадским. Яростный гуманистический пафос здесь мирно уживается со слонами, голубками, толстыми и томными красавицами, со всем набором восточных сластей и сладостей. Фильм снимался по-русски, потом во время озвучивания актеры читали написанный кириллицей еврейский текст — для ориентальности. Этот текст за кадром переводит диктор. Кинематографистам и киноманам будет что посмотреть, точнее, послушать в фильме «Пустыня» — в роли диктора выступает «общий баловень и насмешник», всеми любимый доктор (искусствоведения) Кирилл Эмильевич Разлогов.

Александр
ТИМОФЕЕВСКИЙ

НАСТОЯЩАЯ ПОЛИФОНΙΑ

**Духовная музыка Литвы
Пластинки ВПТО
«Мелодия»**

Можно по-разному относиться к взрыву религиозности среди тех, кто еще недавно с восторгом орал: «Почем опиум для народа?». Можно считать это обретением духовности, а можно — и юродством. Но несомненным плюсом новоявленного богоскуательства стало то, что опубликованы многие закрытые ранее тексты, стала слышна долгие годы замалчивавшаяся музыка. Среди произведений, которые не были доступны широким слоям слушателей, — замечательные образцы литовской духовной музыки. Самые ранние произведения, записанные на двух новых пластинках в исполнении Шяуляйского государственного камерного хора «Полифония», относятся к XVI веку, самые поздние — к восьмидесятым годам нашего столетия. Конечно, самим литовцам большинство этих сочинений хорошо знакомо. Мы же слышим их впервые.

А.Г.

В ЭКСПОРТНОМ ИСПОЛНЕНИИ

Журнал «Glas»

Жил-был журнал «Советская литература на иностранных

языках». Пережил он разных редакторов и публикации занудных секретарских опупей, а потом заболел обострением «Памяти» и умер, бедняга. Последний главный редактор — А.Проханов — не уронил над гробом «Соли» даже скупой мужской слезы, потому что уже смотрел вперед, в новый «День».

А вот непораженные клетки головного мозга английского издания, отчаянно борющиеся с болезнью, были удачно пересажены здоровому организму издательства «Руслит», и получился отличный журнал — «Glas». Внешности приятной, характера спокойного — в политические драки не лезет, умен, образован, английским владеет как родным, одет дорого и со вкусом, современен до того, что даже конвертируем. Журнал печатает неофициальную и малоизвестную русскую литературу и новые переводы. Его авторы — Евг.Попов, З.Гареев, М.Айзенберг, Т.Щербина, Вик. Ерофеев, А.Терехов, В.Яркевич — и этим все сказано. Честно говоря, жалко, что не сидишь себе где-нибудь у камина в лондонской гостиной (на этом по желанию текст можно оборвать), почитывая «Glas» и убеждаясь, что perestroika and glasnost в России необратимы, коль там научились хорошо издавать интересные Западу журналы.

М.К.

ВЛЕЧЕНИЕ — РОД НЕДУГА

«Маленький погром в станционном буфете»
Т/ст. «Альбом»,
реж. Г.Ялович

...И странное же это занятие — писать пьесы! То есть я, конечно, понимаю: Божий дар не выбирают — какой достался, за такой и спасибо. И все-таки — создавать нечто, заведомо предназначенное для искажения, извращения, изнасилования и разнообразного надругательства?..

Способ, каким театр под руководством Г. Яловича насилует пьесу О. Юрьева, к числу особо изощренных не отнесешь. Это, правда, еще вопрос, что лучше: опытный извращенец-профессионал или компания неловких дилетантов? Для драматурга, наверное, все же предпочтительней второе — по крайней мере, текст не ставится задом наперед, не перекраивается, не рубится в лапшу, и при желании можно понять, что был он хорош. Но... Когда забавный, темпераментный диалог разом утрачивает юмор и яркий национальный колорит; когда персонажи лишаются характера, индивидуальности, превращаясь в нечто, условно «авангардное»; когда исполнители не умеют ни двигаться, ни говорить, когда они то завывают, то орут, то пришептывают, но ни единого слова не произносят нормально; когда постановщик заставляет их невесть зачем — в поисках интересной мизансцены, что ли? — лазить под стол, суетиться, дергаться, дико взбрыкивать ногами и бестолково метаться по площадке; когда абсолютно невинные реплики приобретают вдруг эротический смысл; когда набор «современных» постановочных приемов существует как бы сам по себе, а действие — само по себе; когда, в общем, ждешь финала, но мучительные паузы все тянутся, и тянутся, и тянутся... Тогда поневоле думаешь: и странное же это, однако, занятие — пьесы писать.

Алена АНГЕЛЕВИЧ

Кадр из фильма «Бобо»

ПОРТРЕТ С КАПЕЛЬНИЦЕЙ

«Бобо»
К/ст. «Айсор», реж.
Н.Мкртчян, А.Азатян

Он трижды сидел в тюрьме, был гоним как художник, мучительно болел перед смертью. Он оставил после себя неповторимое великолепие красок на экране и множество диких сплетен в толпе. И только он один, непредсказуемый Параджанов, умел превращать свою трудную жизнь в забавные анекдоты и дерзкие представления. Авторы фильма «Бобо» пошли дальше своего героя — они попытались сделать зрелище из его страшной смерти.

...Умиряющего Параджанова переправляли из-за рубежа в родной Тбилиси самолетом — на носилках, под капельницей, со свитой врачей. И все это время, даже в самые последние минуты, измученного смертельным недугом

пожилого человека по-деловому снимала назойливая съемочная группа. Потом, когда все было кончено, бесчувственная камера с медицинским тцанием минут десять наблюдала, как застывает гипс на мертвом лице художника, как готовится для потомков посмертная маска Гения... Судя по высокопарной аннотации, авторы фильма стремились предьявить зрителям «попытку психоанализа потусторонней сущности великого художника». Что ж, Бог им судья. Мне же их муторные откровения только помешали общаться на экране с Параджановым, который оживал в редких трогательных кадрах любительской съемки, в последних ворчливых интервью и, главное, в нескольких поэтических сценах его недоснятой «Исповеди». Увы, документалисты предпочли тревожной исповеди Художника медицинские наблюдения...

Наталья ЛУКИНЫХ

P.S.: ВИДЕО

Ведет Андрей
ГАВРИЛОВ

ВСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ НАМ ЧУЖДО

«Ближайшие родственники»
США, реж. Дж. Каплан

Когда в обществе кончаются борьба за выживание, истерическая гласность, дележ облысевшей шкуры неродившегося медведя и прочие столь знакомые нам прелести, когда есть время и возможность по-человечески строить отношения друг с другом, становится понятно, что мир этих отношений не менее многосторонен и сложен, чем национально-освободительная борьба, драки за власть или разборки между рэкетирами и валютными проститутками. Тогда искусство вообще и кино в частности обращаются к проблемам, нам не понятным и глубоко чуждым. Одной из таких проблем и посвящен фильм Каплана. Даже понятия, которыми оперируют герои картины, нам непривычны: «открытое усыновление», «мать-родительница» и т.д. Но как знать: а вдруг это все-таки и нам когда-нибудь пригодится...

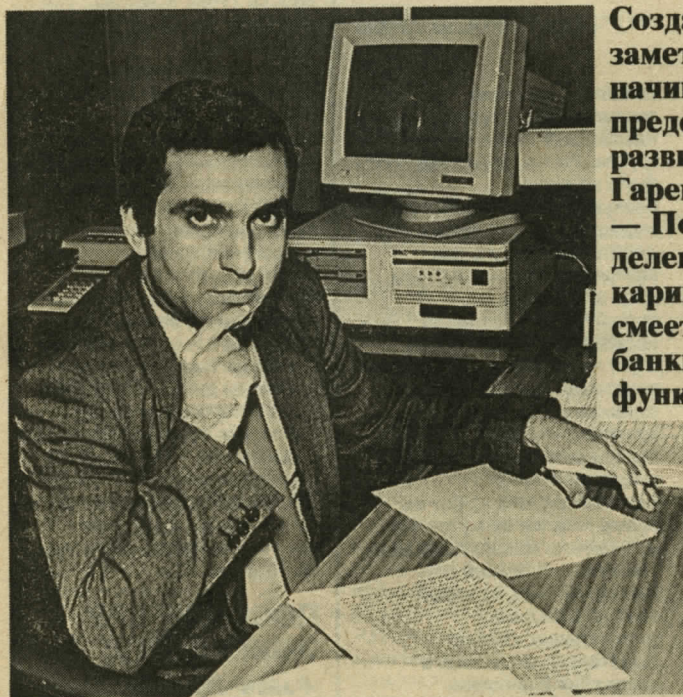
ПОСОБИЕ ДЛЯ ЭМИГРАНТОВ

«Район «Пасифик Хайтс»
США, реж. Дж.Шлезингер

Странное кино. Все вроде хорошо — и актеры прекрасно играют (особенно Майкл Китон), и напряжение создается к концу, и сюжет выстроен по всем правилам. Но не оставляет вопрос — зачем все это? Шлезингер навсегда останется в хрестоматиях как автор «Полуночного ковбоя». Может быть, поэтому к нему строгий счет. А «Пасифик Хайтс» — какой-то уж больно бессмысленный фильм. Упражнение на заданную тему. Но его обязательно надо посмотреть потенциальным эмигрантам: очень полезно знать, что по калифорнийским законам человека трудно выселить из квартиры, даже если он за нее не платит.

Дневник И.

ЗДЕСЬ РАБОТАЮТ ПО СОВЕСТИ И ПО ЗАКОНУ»

Создание коммерческих банков — самая заметная веха на пути к рынку. С нее начинается новая экономическая эра, считает председатель Правления Московского банка развития науки и технологий — «Технобанка» Гарегин Ашотович Тосунян.

— Помните, у Маршака был «Мистер Твистер, делец и банкир»? Мы смеялись над его карикатурным образом — теперь весь мир смеется над нами. Оказалось, что банки и банкиры — неотъемлемое звено нормально функционирующей экономики.

— Я бы даже сказал, что это основное звено рыночной экономики. Если сравнить государство с живым организмом, то банк и финансы — это сердце и кровеносная система. Если сосуды где-то сдавлены, то и возможности организма ограничены, он анемичен и уродлив. Вместе с кровью и клетками не поступает и кислород. К сожалению, и сейчас у нас налицо кислородное голодание. Разрешить банки разрешили, но соответствующий карт-бланш не дали.

Сегодняшнее законодательство весьма противоречиво и пока не установило цивилизованные исчерпывающие правила игры для банков и других коммерческих структур. Существует множество инструкций, которые не способству-

ют развитию рыночных отношений, а создают дополнительные трудности. Это серьезная социально-политическая проблема инерционности законодательства. Антипредпринимательская логика, заложенная в семидесятилетней нормативной базе, напрочь отторгает все, что связано с рынком. Вместе с тем отдельные правовые «вкрапления», разрушая старую юридическую конструкцию, не образуют пока согласованной системы. В итоге «благотворно» уживаются Закон о валютном регулировании и ст. 88 УК РСФСР «Нарушение правил о валютных операциях». Таких примеров можно привести бесчисленное множество.

Как результат предприниматели

до сих пор вынуждены искать окольные пути и привыкают поступаться законами, а, поступаясь, заодно уж стараются не забыть и себя. Согласитесь, что такое положение, мягко говоря, не вполне нормальное. Чем больше противоречий в экономике легальной, тем пышнее цветет экономика теневая.

— Расскажите, пожалуйста, о роли коммерческих банков в альтернативной экономике на примере вашего банка.

— Сегодня идет бурный процесс создания акционерных обществ, совместных и малых предприятий, различных товариществ, бирж, консорциумов. На этом фоне возник огромный дефицит банковских услуг. Юридическое лицо без расчет-

ного счета — предприниматель без кошелька. Весь спектр нарождающейся новой экономики представлен и в нашей клиентуре, равно как и государственные предприятия в старом понятии. Почему так охотно идут клиенты в коммерческие банки? Потому что мы заинтересованы в клиенте, существуем для клиента, а не для контроля за ним.

Мы — сфера обслуживания, которая помогает делать коммерцию. Многие хлынули в предпринимательство, находясь на нулевом уровне финансового и правового образования. При существующем у нас отношении к частной собственности, когда даже у самих предпринимателей не развито чувство ее святости и неизблемости, такое полужанье может дорого обойтись. Наша задача — помогать клиенту, чтоб он не ошибся, чтоб его не обманули. У нас есть для этого юридическая служба. Более того, мы создаем специальные структуры, которые помогают в составлении документов, в решении налоговых проблем, в защите прав клиента от посягательства государства и частных лиц.

— Исходя из названия вашего банка, можно предположить, что приоритетным для вас являются инвестиции в науку.

— При создании банка его учредители ищут для него социальную нишу, выбирают оттенок. Наш банк задумывался как банк, который основную свою ориентацию будет делать на научно-технические разработки, на инновационные проекты, то есть этот вид деятельности должен стать нашей изюминкой. Насколько у нас весом научно-технический профиль сейчас? Пока невесом, объясняя почему. На самом деле инвестиции в научно-технические разработки очень эффективны. На большом отрезке времени это даже эффективнее, чем продажа нефти и других природных ресурсов. На один вложенный рубль можно получить не десятки и сотни, а тысячи рублей. Только у нас сейчас, к сожалению, не та ситуация, когда можно ориентироваться только на научно-технические вложения. Помните, раньше существовал призыв «внедрять» в производство достижения науки и техники. Это звучало как насильственное вливание науки в сопротивляющееся производство. Это действительно было

так не только терминологически, но и по сути. Сейчас положение не изменилось, все продолжается по-старому, в том числе и Академия по-прежнему, сохраняет функции министерства. Отсутствует нормальное патентное право, не защищен изобретатель, производитель опять не заинтересован использовать в производстве результаты развития науки и техники. При отсутствии гарантий стабильности работы и законов, стимулирующих производителя, капитал свою активность переключает на краткосрочные (преимущественно торгово-закупочные и «пеновзбивающие») операции. Сделки заключаются на месяц-два-три, полгода — уже риск. Неизвестно, что произойдет за это время. Дашь кредит под 20—25%, а инфляция растет в месяц от 10 до 20%. Где же здесь ждать отдачи от вложений в науку. Нельзя рисковать средствами своих пайщиков, они должны иметь гарантированный дивиденд.

— Экономисты утверждают, что в богатом обществе бедные живут за счет богатых. Мы медленно и трудно стараемся постичь эту истину, но что-то не очень получается. Напротив, неприятие к людям, основавшим свое дело, все возрастает. Телевидение, пресса стараются примирить бедного с богатыми, но зачастую, делая это неуклюже, достигают обратного эффекта.

— Правильнее будет сказать, что государство существует за счет богатых. Путем умной самоорганизации, путем правильного перераспределения средств оно за счет богатых должно поддерживать своих менее обеспеченных граждан. Правда, богатые люди находят и другие помимо государства пути, чтобы помочь. Это благотворительность, о которой у нас сейчас так много говорят и кое-что делают. Несмотря на юный возраст «Технобанка», мы тоже оказываем посильную помощь. По долгосрочным договорам с двумя московскими исполкомами оказываем материальную помощь неимущим семьям, взяли на досодержание колледж с экономическим профилем, где готовят нужных для Москвы специалистов. Отзывается и на разовые просьбы, помогаем поликлинике, библиотеке и т.д. По мере роста наших доходов благотворительность будет расширяться. Но это наше право, а не

обязанность, и не нужно чрезмерно уповать на этот источник. Государство, политики должны понять, что основной источник социальной и материальной обеспеченности общества — это гибкие налоги, не подрубляющие на корню интересы предпринимателей, а дающие стимул зарабатывать и делиться с государством в разумных пределах. Чтобы появился значительный слой богатых людей, в первую очередь производителей, для этого нужно стимулировать и защищать частную собственность. Собственник — гарант стабильности государства в отличие от голодранца, которому «нечего терять, кроме своих цепей». И не надо политических спекуляций на противопоставлении народа собственнику. Народ и состоит из собственников, которые кормят и защищают себя и общество. Отобрав у каждого в отдельности и у общества в целом собственность, мы скатились к бесправию и голоду.

Кстати, уж очень не хочет перешагивать номенклатура, чтобы появился собственник. К примеру, в Москве на арендатора вынуждены согласиться, но собственника панически боятся. Вот и буксует приватизация.

Боюсь, что все это оттягивает во время, когда богатые смогут содержать бедных.

— Звучит довольно мрачно, единственное радует, что вы видите эти проблемы и видите пути их решения. Уверен, что в среде нарождающегося третьего сословия у вас много единомышленников и вы не позволите строить капитализм большевистскими методами.

Если вернуться к вашему делу, что для вас главное в работе банка?

— Главное для нас — это доверие к банку, его безукоризненный имидж. Целью любой коммерческой структуры, и банка особенно, является расширение дела, получение прибыли сегодня и создание условий для еще большей прибыли завтра. Мы пришли в новую экономику не на один день, а надолго, потому нам дорого наше реноме.

Мы сделаем все, чтобы клиент был уверен: здесь работают умно, честно и легально, по совести и по закону.

Беседу вела Г.ВАСИЛЬЕВА

«ПРОПАДИ,
БУРЖУАЗИЯ,
СГИНЬ,
КАПИТАЛ!»

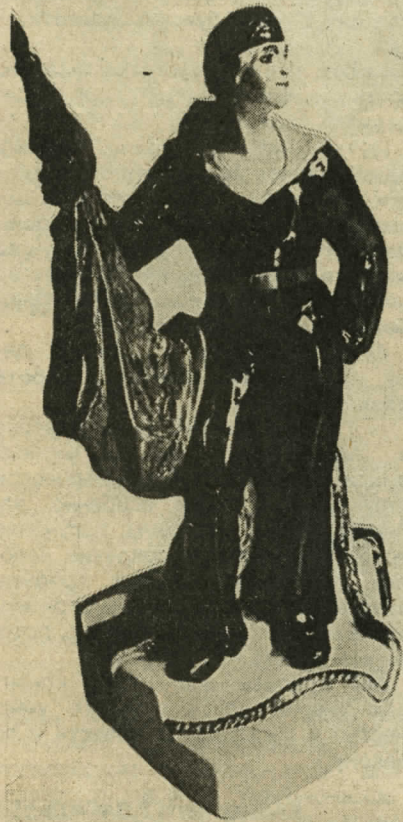

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ
ВСЕМИРНАЯ
ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА!»

«Советский агитационный фарфор — значительное и яркое явление в истории русского декоративно-прикладного искусства. Рожденный Великим Октябрем, он стал художественным документом эпохи. Его политическое и эстетическое достоинства были настолько высоки, что, не став еще в полном смысле историей, он был уже предметом изучения и собирательства».

ИЛИ

Это цитата из буклета «Фарфор первых лет Октябрьской революции», выпущенного в серии «Сокровища Государственного ордена Ленина Исторического музея». Представленные в коллекции музея предметы — действительно подлинные сокровища и одновременно удивительный документ эпохи. Однако не меньшей ценностью оказался сам текст буклета, написанный уже в наши дни. Искусствоведческая мысль о том, что фарфор может оказаться не только свидетелем, но и борцом за идеи революции, запечатленная на двух языках — русском и английском, тоже достойна своего места в коллекции музея советских фетишей.

«Мотив оформления арки Генерального штаба к первой годовщине Октября был перенесен в роспись тарелки «Земля — трудящимся» Н.Альтмана. В зеленое поле вписан красный ромб с помещенными в нем изображениями мощных заводских труб, серпа и колоса, а весь борт занимает красная надпись. Монументальная манера росписи, свойственная оформительскому искусству, здесь подчеркивает важность и сущность темы».

«Н.Альтманом создан также рисунок с портрета В.И.Ленина, вошедший в качестве самостоятельного элемента в композицию росписи тарелки М.Адамовича «Кто не работает, тот не ест». Помимо портрета Ильича там изображена еще трудовая карточка, газета и красная звезда поверх черного орла и монограмма РСФСР. Прыгающие буквы надписи, наскакивающие друг на друга предметы передают беспокойный, напряженный ритм времени».

«Большое значение в оформлении художественного фарфора приобрела советская эмблематика. Серп, молот и шестеренка, так же как и надпись, часто являются единственным мотивом росписей тарелок, как это видно на тарелке С.Чеховина, и тогда смысловое содержание росписи становится особенно емким».

«А.Р.Голенкина выражает пафос революции в образе красного всадника, мчащегося над пылающими городами с факелом в руке и надписью «Мы зажжем весь мир огнем III Интернационала».

«Языки пламени и пестрые разноцветные буквы, теснящиеся на бортах тарелок Г.В.Вычегжанина, очень верно передают энергичный смысл лозунгов: «Пропади, буржуазия, сгинь, капитал» и «Да здравствует всемирная гражданская война!».

«Интересно художественное решение образов матросов у Н.Данько. Один из них, «Матрос с цветком», нарочито безмятежно прогуливается с цветком в зубах, а другой — «Матрос со знаменем» картинно застыл, как перед объективом фотоаппарата. А ведь, может быть, завтра им предстоит совершить героический подвиг во имя революции».

Фигуры «Белые». 1937 г.

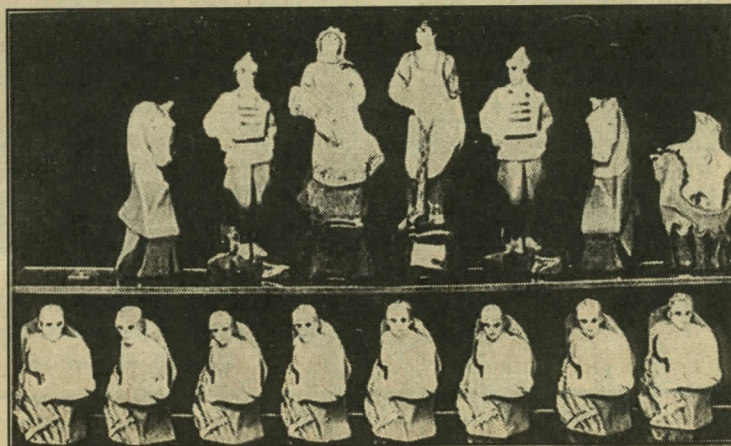
«Художницей были созданы также и образы женщин революционной эпохи. Вот «Работница, вышивающая знамя», привычно склонившаяся над работой. От нее веет спокойствием и домовитостью, хотя ей доверено большое, ответственное дело. А другая — «Милиционерка», задорная девушка, искренняя и непосредственная, вышла с винтовкой на улицы, чтобы заменить ушедших на фронт мужчин. Иное дело «Работница, говорящая речь», это уже образ новой женщины, сознательной и активной участницы революционной борьбы. Но поза ее очень женственна и лишена аффектации, казалось бы, неизбежной при решении подобной темы».

«Обзор скульптуры революционной эпохи был бы неполным без знаменитых шахмат Данько «Красные и белые». Здесь художница решает уже не конкретные задачи, а создает отвлеченные образы. «Красные» являются несомненной удачей художницы. Красный король

— это рабочий-молотобоец, а королева — крестьянка, пешка — жница со снопом. Все эти герои близки и понятны Данько, и потому они получились убедительными. «Белые» решены в духе аллегории: король — скелет с мечом, королева — женщина с рогом изобилия, пешка — скованная цепями женщина».

«Советский агитационный фарфор — незабываемое и яркое искусство, рожденное Октябрьской революцией. Он не только свидетель этой удивительной эпохи, но и активный борец за идеи революции. Он был обращен к широким массам, а не к отдельным любителям и эстетам. Выставленные в витринах на улицах голодного и холодного Петрограда, эти тарелки, чашки, фигурки были, по словам Н.Данько, «вестью из прекрасного будущего, за которое билась Советская страна в страшных боях с голодом, разрухой и интервенцией».

Цитаты подбирала
Л.НАУМОВА

Фигуры «Красные». 1937 г.

БАНК
Р С Ф С Р

ГДЕ НАДЕЖНО ХРАНИТЬ ДОКУМЕНТЫ И ЦЕННОСТИ?

В ИНДИВИДУАЛЬНЫХ СЕЙФАХ МОСКОВСКОГО БАНКА СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО БАНКА РСФСР

*Вам гарантируется анонимность вложения и сохранность
принятых на хранение ценностей и документов*

Срок хранения устанавливается арендатором

*По желанию арендатора первоначальное вложение в сейф может
сделать доверенное лицо по нотариально заверенной
доверенности*

*На хранящиеся ценности и документы может быть сделано
завещание одному или нескольким лицам, независимо от того,
являются они наследниками или нет*

*Плата за аренду сейфа взимается по договорным ценам в
зависимости от емкости ячеек*

**ИНДИВИДУАЛЬНЫМИ СЕЙФАМИ ВЫ МОЖЕТЕ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ В
СЛЕДУЮЩИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ МОСКОВСКОГО СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО БАНКА**

Отделение	Адрес	Телефон	Ближайшая ст. метро
Зеленоградское	г. Зеленоград, корп. 1403	530-14-02	м. "Речной вокзал"
Измайловское	ул. Ткацкая, 29/14	369-30-95	м. "Семеновская"
Марьино-рощинское	ул. Тихвинская, 20	972-69-69	м. "Новослободская"
Мещанское	Проспект Мира, 85	287-05-51	м. "Рижская"
Перовское	ул. Новогиреевская, 54	302-47-72	м. "Перово"
Солнцевское	ул. Новопеределкинская, 7	934-91-65	м. "Юго-Западная"
Обслуживание малых предприятий	ул. Шолохова, 10, корп. 1	439-10-83	м. "Юго-Западная"
Таганское	ул. Новоостаповская, 14	275-98-92	м. "Пролетарская"
Тверское	ул. Пушкинская, 21/7	200-68-78	м. "Чеховская"
Черемушкинское	ул. Винокурова, 11, корп. 1	126-13-30	м. "Академическая"
Чертановское	ул. Янгеля, 4а	386-10-32	м. "Пражская"
8373	Сретенский б-р, 1/4	924-37-38	м. "Тургеневская"
ОПЕРО Московского банка	Зубовский б-р, 13	246-40-50	м. "Парк культуры"

Более подробную информацию
Вы сможете получить по телефонам:
298-33-44 или 298-33-41.

Долго вынашивал мысль написать необъятный очерк о советском роке. С кропотливым его анализом, с оценками и прогнозами. Тем временем пришла пора не прогнозов, а прощального слова. Предлагаю опыт дискуссионной эпитафии.

Трудно не согласиться с Ю.Бондаревым или В.Беловым в том, что рок — явление, целиком принесенное на нашу почву оттуда. И в известной степени трудно отрицать некую сатанинскую сущность этого жанра, ибо изначально содержался в нем мощный деструктивный заряд. Тут «молодогвардейцы» снова правы. Другое дело, что подобное «безобразие» должно было прижиться

у нас именно в силу своей оппозиционности истеблишменту, в силу своего стихийного антагонизма — это уж чисто наше — по отношению к искусству, ангажированному и поощряемому. Если на Западе рок скорее влился в мощное русло шоу-бизнеса, став одним из самых благодатных его течений, не утратив при этом терпкого привкуса ненавязчивого бунтарства, то у нас он не мог найти иной формы существования, как только борьбы за это самое существование. Доперестроечный рок в СССР можно уподобить партизанскому движению, с диверсиями и житием в землянках. Рок-музыканты в понимании властей были лишь немногим лучше диссиден-

тов, но этого «немногим» хватало, чтобы не засовывать ребятишек в психушки, если только они сами туда не являлись. В условиях такого подполья не оставалось ничего другого, как и вести себя соответственно: запатировать пап и мам не только длинными волосами и драными штанами, но — самое главное — своей невероятной музыкой. Петь начинали было на английском — даже удобен язык. Но со временем стало ясно, что ярких мелодий и добротных аранжировок не получается, да и не до жиру тут. Но вот чем можно взять, так это текстами. На русском, разумеется, родном языке. В словах наша сила — уяснили себе рокеры-любители. С тех, пожалуй, пор и пош-

ЭПИТАФИЯ СОВЕТСКОМУ РОКУ

ла легенда о поэтической содержательности, лирической глубине советского рока. А подумать здраво: ну какая там поэзия у «Машины времени» или «Воскресенья»? И все равно рядом с «дроздами», «малиновками» или, тем паче, «птицей счастья завтрашнего дня» зазорная песенка про «новый поворот» превращалась чуть ли не в акцию протеста. Поклонники могли врать мелодию, не помнить последовательность немудрящих аккордов, но слова знали назубок — от первого до последнего куплета. «...Выезжайте

за ворота и не бойтесь поворота». (Уже в перестроечные годы как-то в «Огоньке» Макаревича окрестили чуть ли не продолжателем традиций русской лирики XIX века. Надеюсь, у него самого хватило юмора повеселиться над этим заявлением.)

Правда, было еще полуподпольное КСП, уровнем исполнительского мастерства не многим уступавшее кустарному русскому року, но все ж звучавшее уютнее и трогательнее. Кстати, граница между КСП и нашей рок-музыкой весьма зыбка: барды зачастую двигались к року, а рокеры

на бесчисленных домашних концертах (истинно отечественная реалья) превращались в бардов. Половина песен небезызвестного Гребенщикова хорошо поется в лесу у костра между Визбором и Окуджавой. Но мы чуть не забыли о бунте. Хотя и он не всегда был ровен, не всегда удавалось противостоять официальным структурам. Из-за них же самих. Власти были не прочь порой поиграть с сорванцами в «кошки-мышки». Вдруг возьмут да и покажут по телевизору ту же «Машину времени». Не знаю, так ли уж коварен был расчет, но, оказывается, и музыканты мятежные были не прочь приручиться. Оно и понятно: перманентный протест утомляет, быть властителем дум, но голодать — забава для недорослей. Интересна, между прочим, фигура А.Градского, этакого «рокера в законе». Сиплый голос его всегда был на слуху. Не валяя особенно дурака, он пел с должным пафосом не только собственные саркастичные песни на стихи Саши Черного, но и «Как молоды мы были...» А.Пахмутовой. Можно было бы выразить ему порицание, да стоит ли? Тот же неистовый Шевчук, уже в иное время, когда встал вопрос о записи на «Мелодии», ничтоже сумняшеся заменяет неблагозвучное слово «сперма» на «счастье» в гневливой песенке про мальчиков-мажоров. То есть компромиссы были возможны, и слава Богу. Но вряд ли это устраивало самих музыкантов. Актуален был образ борца, протестанта. В противном случае обесценивались все смелые намеки и двусмысленности в текстах, обесценивалась сама идея русского рока.

Не хочу сказать, что власти всегда были готовы воспринять «заблудших детей», как только они бы подстриглись и перестали выражаться. С переменным успехом борьба действительно велась обоюдная, бессмысленная и беспощадная. Не было житья от комсомольских бюрократов, узколобых, директоров ДК, милиции и «продажных» вокально-инструментальных ансамблей. (Несмотря на ущербный репертуар последних, отметим, что работали-то они куда профессиональнее рокеров. Впоследствии многие из них перестроились и попытались было «утяжелиться», но напрасно.)

Упоенные борьбой и локальными победами, рок-бунтари влетели в перестройку. Здесь-то, на заре

горбачевских реформ, и суждено им было пережить самые счастливые мгновенья. То было славное времечко. Никто особо не позволял еще ребятам распоясываться, но и гнать их прочь прямых указаний не поступало. И невинность соблюдали, и капитал приобретали.

И взошла звезда ленинградского «Аквариума». Великий Б.Г. пел смутно, но завораживающе. «Время луны — это время луны». Замечательно. Мало кто знал, что мелодия каждой второй вещи Гребенщикова добыта им из щедрых закровов западного рока. Надо отдать маэстро должное: он превосходно знал их музыку и никогда особо не кичился своей. Что же до скрипок и виолончелей, создававших, по мнению многих, единственный и неповторимый звуковой облик «Аквариума», то и здесь никакого открытия или свежей идеи — все уже было. Не было только этого вибрирующего слабого тенора, порусски певшего о мальчике Евграфу, старике Козлодоеву. Нет не зря, не зря обратил на Гребенщикова свой ласкающий взор поэт-архитектор Андрей Вознесенский, почуял родственную душу, наполненную загадочными образами, томительными метафорами. Кстати, занятно, что самая мелодичная и сентиментальная песенка «Аквариума» — «Под небом голубым» не имеет никакого отношения к Борису Борисовичу, о чем он предпочитает не распространяться.

А на подходе к славе был уже «второй эшелон»: «Алиса», «ДДТ», «Кино», «Странные игры» — всех не перечислишь. Помню, как в 1985 году приятель заводил мне запись запрещенной, по его словам, группы «Браво». Что крамольного можно было услышать в этих милых ритм-энд-блюзах, исполненных качественной ностальгии по шестидесятым? Неужто пугали неостияги? Или «Секрет» из Питера? Форменное ВИА на рок-н-роллной подкладке.

Рокеры по-хорошему нагтели, их поклонники еще пуще, и власти предприняли отчаянный шаг: легализовали эту музыку. Худшего нельзя было пожелать и врагу.

И вот, пошатываясь от портвейна, выбравшись из квартир и котельных, русский рокер принялся «оттягиваться» на телевидении, несмотря на протесты «почвенников» и ветеранов, а чуть позже и на стадионах. Тугодумная фирма «Мелодия» наконец распахнула перед ними двери студий. Новоявленные менеджеры,

забросив валютные махинации, наняли гримеров, костюмеров, хореографов. Преобразившиеся комсомольские работники заскрипели перьями в рок-лабораториях.

Запад тоже времени не терял. Сперва стараниями питерской американки Джоанны Стингрей там вышла пластинка «Красная волна», представившая некоторые наши команды. О каком-либо успехе ее говорить по меньшей мере наивно, этот акт носил чисто символический характер. Но по мере роста «горбомании» и моды на русские штучки в Европе и за океаном туда же взялись зазывать и наших «безобразников» в комплекте с матрешками, балалайками, маленькими Верами. Великий комбинатор Стас Намин даже собрал специальную группу «Парк Горького» — исключительно на экспорт.

Что ж дальше? Компромиссы властей не оставляли иного выхода, как только работать. Теперь профессионально. Выверять каждую ноту, изощряться в аранжировках, учиться петь, наконец.

Но не таков менталитет наших героев. Новая ситуация не вдохновляла их, новая роль не прельщала. Быстро исчерпав материал для злых песен о своем поколении, о революции, отечестве иллюзий, они оказались в жестком кризисе. Все сказано, с кем или с чем бороться дальше? Оглянулись: ни тем, ни музыки.

Не случаен потому грандиозный успех «Наутилуса Помпилиуса». Свердловские ребята вовремя потрафили публике своими шлягерами. «Я хочу быть с тобой» — плакали девочки. Умелое балансирование на грани между роком и попмузыкой, причем с явным креном в сторону второго, превратилось в формулу успеха «Наутилуса».

Да нет, конечно, оставались по-прежнему поклонники и у хрипато-гобуяна и обаятельного сквернословия Шевчука, и у шального, и неприят-

зательным вкусом Кинчева — грозы милиционеров, и у других, прочих, третьих, десятых. Но «герои вчерашних дней» стали совсем уж однообразными, до занудства. Усугублял тоску целый выводок убогих «металлистов». А со сцены уходит действительно уникальная, подлинно советская группа «Звуки Му» с великолепным и ужасным Мамоновым. (Ей-богу, в «Такси-блюз» он куда бледнее, чем на сцене.)

И понеслись стремительной лавиной «мысли-скакуны», многоцветные розы, девочки мои синеглазые. Эти-то никакой оппозиции из себя не корчат, фонограммы крутят до износа. Они и выиграла, не участвуя в игре.

Еще оставался юноша с inferнальной внешностью, этакий городской романтик в черном, держащий микрофон руками, скрещенными иероглифом. Виктор Цой. Он почти не умел играть, но монотонный голос его с вычурным пропеванием гласных завораживал. В его музыке не было опять-таки новизны, но ее напор заставлял девочек и мальчиков брать за руки и раскачиваться в такт. Его тексты наивны, но в их юношескую искренность нельзя не поверить. Каждый подросток мог спроецировать цоевскую печаль на себя. «Закрой за мной дверь, я ухожу». Теперь этот подросток стоит с друзьями у «стены плача» на Арбате и некому больше петь для него. Это настоящая потеря, быть может, самая первая.

Со смертью Цоя закончился советский рок. Или, если угодно, его первая жизнь. Зародится ли следующая — кто знает? Интеграции в мировой музыкальный процесс не получилось. Гребенщико-ские «дворники и сторожа» так и не стали музыкантами. Остается лишь сожалеть, что не находится пока предприимчивый остроумец, который организовал бы грандиозный гала-концерт под девизом «Рок против рока».

...Статья была написана до небезызвестных августовских событий.

Все эти баррикады, танки и дух всеобщего бунтарства позволили нашим рокерам пережить кратковременную радостную реанимацию. Еще бы! Они бы вовек не покинули площадку перед «Белым домом»: такое шоу!

Алексей БЕЛЯКОВ

Фото М.Пшённова

Владимир ГЛОТОВ

НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЙ БИЛЕТ НА «СОЛЯРИС»

Трехдвухвременные мемуары

1
Все развивалось слегка в детективной манере.

— Владимир Владимирович! — окликнули меня в февральский полдень 1975 года на Кутузовском проспекте.

Я оглянулся. На автобусной остановке стоял булгаковский тип в клетчатом пиджаке и улыбался мне, как старому знакомому. Впрочем, я преувеличиваю, пиджака не было.

Я смотрел на него весьма высокомерно. И думал: ну вот, уже около дома ловят, назойливые мемуаристы, «комсомольцы 30-х годов», мало им редакции, где они бродят тучами, теперь устраивают засады у подземных переходов.

Но отчего он так улыбается? Если бы я знал, что навстречу мне движется старый «опер» КГБ, я бы напряжением зоны, отвечающей за здравый смысл, понял, что меня элементарно арестовывают среди бела дня.

— Послушайте, право, не здесь! — сказал я ему с мукой на лице. — Давайте в редакции, а? Приходите со своим делом, там и поговорим!

— Вы меня не поняли, Владимир Владимирович! Нам надо с вами по-советоваться...

Комедия! Я смотрел мимо его оттопыренных ушей, следя, как две фигуры, женщина и ребенок, удалялись в сторону арки в доме. Да это же моя жена и четырехлетний Антон уплывают. Отчего же не кричу: «Арестовывают!» Можно скандал устроить. Тамаре дать знак — догадалась бы, со стола лишнее убрала, Солженицыных всяких, Шафаревичей...

Понуро и как-то даже охотливо пошел я, член редколлегии журнала «Молодой коммунист», молча за «опером» и юркнул в черную щель припаркованной неподалеку «Волги».

Спокойно, читатель! Войдем в лубянский кабинет середины семидесятых, и если дрожь и слабость в коленях выдаст наше волнение, не стыдись его.

Кто же он, тайный визирь, чекист, идеологический контрразведчик, вылавливающий меня, внутреннего диверсанта?

Тут впору взяться за край стола-аэродрома, не упасть: напротив сидел плюгавый мужичонка в черном несвежем костюме, серый, как и его галстук, и имя назвал: «Николай Иванович» или «Иван Николаевич», что, собственно, не имеет значения, так как индивидуальности не было. И пальцы рук, сложенных на столе, покручивались турбинкой — обыкновенный прием бюрократа, партийного чиновника. Никаких, конечно, погон, портупей, шпал, ромбов, звездочек, даже значка импортного — ничего.

Вникаю, молчу.

— Ну что, Владимир Владимирович? — Турбинка добавила обороты. — О чем бы вам хотелось с нами посоветоваться?

И даже улыбнулся, готовый принять мои роды.

А если я «дурочку» запущу? Янова, например? Легонько так пушу по ложному следу, в никуда.

— Иван Николаевич, из-за Янова, да? Из-за него, Николай Иванович?

И я начал подробно — даже вдохновенно — рассказывать эту историю.

— Я говорю о нашей новой рубрике «Нравственность и революция». В конце концов статья Янова «Альтернатива» — это частный случай, можно как угодно к ней относиться, можно писать доносы в ЦК, но какие претензии к самому нашему делу? Обидно, право...

Я изобразил «обиду». И дальше, дальше. Чтобы не перебил идиотским предложением «посоветоваться».

— Сама статья безупречна. Она — о Герцене. О Герцене, а не о Солженицыне, как вам докладывают. И мне плевать — я даже позволил себе при этом святое негодование и откинулся на спинку стула, задиристо помаhal пальцем, — плевать на эти доносы! Сейчас не тридцать седьмой год...

И быстрый, сверлящий взгляд: так ведь не 37-й?

Он сидел полным истуканом. Я его заговорил. Но как-ва выдержал! Ни одного протестующего жеста.

Мне, однако, показалось мало.

— Янов — блестящий историк, хороший автор, доложу вам. О чем он написал? О Герцене, повторяю. Именно об Александре Ивановиче Герцене, которого Катков звал в Россию, на Соловки, так и говорил: они по нему плачут. Но Герцен, хотя и тосковал, не ехал. Янов изобразил ситуацию 1863 года: польское восстание... Лидеры едут к Герцену в Лондон, уговаривают его выступить с ними, а он против, считает: безнадежно. Восстание шляхетское, националистическое, народ не поддержит. Поляки не слушают, ярость против гнета самодержавия кипит, выступают. И все разворачивается так, как было предсказано. Муравьев, генерал, которого так и окрестили: «Муравьев-вешатель», оставил после себя пустыню, тела повешенных вдоль дорог, страшная картина. Что же Герцен и что Россия? Россия, в том числе демократическая, осудила поляков — ослабляют Отечество. И в этой-то ситуации Александр Иванович выступает в «Колоколе» со статьей, в которой пишет: нет свободы России без свободы Польши! Нельзя стать свободным народом, пока угнетаешь другие народы! Ну при чем, скажите, здесь Солженицын? Какая связь? Современ-

ный русский Герцен, да? Вы знаете, я даже догадываюсь, кто это вам накатал. Сказать? Но я не отвечаю за болезненное воображение каждого, кому я наступил на большую мозоль. Я человек резкий, допускаю, работать со мною тяжело. Ну и что? При чем тут Герцен? Статья у Янова безукоризненная, я сам ее редактировал, да еще Игорь Клямкин, наш местный Карл Маркс, приложил руку. А то, что статья появилась в том же феврале, когда Солженицына вывезли в Германию, так мы тут ни при чем, мне планы вашей организации, извините, неизвестны. Я ту злополучную яновскую статью за полгода уже держал в руках. А за два месяца уже в типографию отправил. Понятно? Поэтому все белыми нитками шито — насчет окопавшейся в редакции журнала «Молодой коммунист» группы, будто бы разработанной план подгадать статью о Герцене как раз к моменту высылки из СССР Солженицына.

Я сделал паузу.

— Это вам надо было? Да, Николай Иванович? Насчет этого я с вами хотел посоветоваться?

Хозяин смотрел на меня, как в полусне, покачивая головой: нет, не угадал.

Он, видно, устал, слушая мой бред. Прошло часа полтора, а я все молот языком.

— Ну ладно, Владимир Владимирович, — сказал он, с трудом приходя в себя. — Отдохните, подумайте. Все-таки вам е-есть о чем рассказать. Есть!

И меня выпроводили в прихожую, к секретарше. Там дожидался мой старый знакомый, «опер». Он принял меня из рук в руки, проводил в кабинет напротив, со стульями, расставленными по стенам, и с ослепительным лаковым полом, раздражавшим холодным блеском. И огромной картой Родины на стене.

«Опер» приоткрыл форточку и стал дымить в нее. А я занялся изучением карты восточных районов, где можно было вполне вскоре оказаться.

2

Саша Янов, умница, интеллект, конечно, написал замечательную статью. Он был тогда щупл и уязвим и, как десантник, агрессивен, готов на все. Уже несколько лет он не работал и в конце концов оставил попытки служить, изредка публикуя статьи, но все реже и реже. После разгрома редакции «Нового мира» он, как и многие входившие в круг авторов журнала Твардовского, оказался не у дел. Мы выбрали некоторых. Сложилась плотная команда: Анатолий Стреляный, Лен Карпинский, Андрей Тарковский, Игорь Кон, Владимир Кокашинский, Юрий Буртин, Натан Эйдельман, Геннадий Лисичкин, Юрий Карякин, Генрих Батищев уживались вместе, порою и не общаясь, а составляя некую критическую массу нашего авторского актива, иные не успели у нас напечатать ни строчки, а просто заходили на разговор.

Нам было хорошо с ними. И, судя по всему, им тоже. Наши комнаты у Новослободской, где помещалась редакция, никогда не пустовали. Это был интеллигентский клуб под офисным крылом. А наш главный редактор Юрий Поройков, который тогда еще не носил богемных усов и не имел добропорядочного брюшка, а был стройным, седым не по годам комсомольским функционером, хотя и необычным, писавшим стихи и имевшим дома потрясающую по богатству и сбивавшую с толку по пестроте библиотеку, смотрел на наши затеи благосклонно, с некоторой долей легкомыслия, смешанного с эгоизмом, в

котором было желание войти в привлекавшее его общество московских интеллектуалов. Я помню изумительный случай, когда мы с Игорем Клямкиным, задумав устроить бой быков, взяли Юрия Карякина и поехали на Мещанскую к Эрнсту Неизвестному. Тема беседы предполагалась какая-то уж очень заумная, искусство в эпоху НТР, и наш Юра Поройков, прослышав о ней, напросился с нами. Встреча была предварительной, просто треп.

— Я — сопереживатель! — говорил Эрнст, театрально тараща глаза. — Но не прямолинейно-политически. Художник не просто отражает жизнь, не бежит за нею. И не «изучает» ее: поеду в колхоз, изучу жизнь. Художник создает знаки всеобщности и стремится на помощь растерявшемуся от обилия информации человеку, чтобы вылепить отдельные знаки, символы, которые и помогут ему стать гармоничным.

Поройков сидел почти молча весь вечер, поблескивая седой головой. Я же, спохватившись — как будто в воду глядел, — стал записывать отдельные высказывания.

— Гармония и гуманизм, — вещал Эрнст, — вещи во все времена подвижные. Гуманизмом является в наше время сусальность. Я думаю, это одна из форм антигуманизма. Самые великие гуманисты во все времена были люди беспощадные. «Любите ли вы Достоевского?» — спросила меня одна дама. Так же, как можно любить врача, который делает больно, ответил я.

Поройков вдруг вступил в разговор и спросил:

— Что значит художник-политик, средствами искусства утверждающий политику общества, в котором живет?

Эрнст Неизвестный развел руками.

— На этот вопрос мне трудно ответить. Я таких задач себе просто не ставлю. Сикейрос — политик, член своей партии. А для меня такой задачи не стоит, а есть служба обществу. Например, монумент, который отнял у нас Вучетич, — я же должен был его делать. Те же «Самосожженцы», как я их понимаю. Но тут есть разница между политичностью Евушenko и моей. Любая скульптура делается многие годы, она статична. Даже «Распятие» — это отклик на страдание огромного народа, страны.

Эрнст околдовывал.

— Я был хорошим академистом, но мне стало скучно. Почувствовал, что вру. В самом существе подхода к форме. Студент пятого курса, а конкурирую с Манизером, Томским. Скучно! И решил: «Надо что-то делать с собой». А какой опыт? Никакого! Сейчас молодые люди следуют за Сальвадором Дали, а я только слышал о Пикассо, но ни одной картины его не видел, и Коненков мне казался верхом свободной формы. У нас выгнали из института одного парня только за то, что тот сказал: «Пикассо — хороший художник». А вот с точки зрения философского образования я был довольно подкован, у отца были книги Соловьева, Бердяева, но этого мало, чтобы лепить. И тогда я стал вглядываться в себя. Ну вот — война. Если честно, она мною не воспринималась как «парад Победы». Страдание. И я начал делать серию портретов, где страдание входило как некий чужеродный элемент и появлялись люди с костылями, я начал осознавать, что делаю арлекинские существа, где половина — маска. Потом пошла серия «Роботы и полуроботы», ассимиляция металла и человека, персонализированных в одном существе. А потом все это начало складываться в гигантоманию, и теперь, читая Достоевского, я понимал: это меня волнует.

Карякин вспомнил:

— У Вознесенского есть стихи: «Лейтенант Неизвестный Эрнст...»

Эрнст отмахнулся.

— Да ну... Я знаю настоящих фронтовиков, они к жизни относятся странновато. Бывает, и забывают, что могли умереть, а бывает, что и не забывают... Иногда меня охватывала волна счастья. Я бесконечно много работаю, день для меня — подарок. Ведь этого могло и не быть. Конечно, необязательно для этого переживать войну. Микеланджело ее не пережил, но он был католик. И вот сейчас, оглядываясь назад, я вижу: наибольшие ценности создало все-таки военное поколение, хотя есть и гады... И когда я однажды вот так оглянулся назад, я вдруг понял, что я не живу. Что многого, что есть вокруг, просто не знаю. Пришел к Евтушенко, он брился, брызгал себя какой-то душистой пеной, я попробовал: чудесно! А Женя посмотрел на меня, как на дурака. Ну может ли быть в Москве еще человек моего ранга, который не знает этой штуки, ни разу ее не испробовал?.. У меня нет хорошей мастерской. Почему? А я так привык. К плохой. И ворчу, лишь когда задыхаться начинаю. Никогда не ездил за рубеж, у меня была поговорка: «Индию я придумал в кровати...».

А потом поехал в Югославию и понял, что даже ее не придумал. Я в сорок два года впервые поехал на юг. А у некоторых война породила какой-то гедонизм.

— Эрику некогда поехать в Индию, и он тут же идет в Манеж, и его выгоняют из МОСХа, — вставил Карякин, размышляя как бы сам с собой.

— Меня командирует Демичев! — Эрнст посмотрел на Карякина совершенно серьезно. — А я не могу четыре месяца получить у МОСХа характеристику. Демичев считает, что я делаю памятник «третьему миру», хотя я не думал ни о «третьем мире», ни о неграх, ни о зулусах. Я себе напоминаю женщину, которой все говорят, что она красива, а гребут других. Я выигрываю конкурсы, обо мне пишут. Вот в «Комсомольской правде»: «Часто сравнивают Э.Неизвестного и Микеланджело. Между ними есть только одно общее — они оба гениальны». Видите? А работать не дают. Я поставил крест, что мне когда-нибудь дадут сделать монумент в Москве. Я говорю: «Братцы! Ну дифференцируйте, придите, отложите: это вправо, это влево». Нет, не хотят. А государству? Ему не до меня. Косыгину разведчики доложили, что Кекконен хотел бы получить от меня скульптуру, и он ему ее подарил, но это его частное дело. Во времена Сталина подобное стало хотя бы сигналом к реабилитации. Я же привез работы, а представитель Министерства культуры морщится: «Давай какую-нибудь поменьше...» — и выбирает какую похуже. Потом Кекконен, президент, пишет мне личное письмо, так я о нем полгода не знал, все решали: вручать, не вручать? Моя фамилия вызывает социально однотипную реакцию. Просят оформить удостоверение какой-то моей работы, и человек, который должен решать, откровенно говорит мне с глазу на глаз: «Эрнст, я за вас! Но жить-то мне с Кербелем. Извините, я займу такую позицию, будто я к вам очень плохо отношусь». Помню, Фурцева мне объясняла, как она меня любит, но ей не разрешают. А с Кербелем говорить бессмысленно, я его знаю, работал у него истопником, когда был студентом. Это циник. Серов — тот глубоко идейный человек, он мне говорил: «Эрнст, сделай реалистическую работу, и я тебя поддержу» — и не врал. Но большинство-то циники. Один тут, напившись вот в этой мастерской, целовал моего «Орфея», клялся, что поможет, но ничего не сделал. Между прочим, Фадеев знал

цену Мандельштаму, но у него был партбилет. Сейчас же игра идет в открытую. Такие, как Кербель, — для них же все ясно. Они похожи на лозунги, которые никто не читает. Вы видели хоть одного кретина, который бы любовался их работами? Они не отвечают ничьей потребности, только своей, корпоративной... Яркие индивидуальности всегда жаждут процветания всех, кто не в их ключе. Дейнека давил всех, кто на него похож. Для меня Лактионов — радость, он оттеняет меня. А средний московский халтурщик, он же просто не возьмется за крупный заказ. Зачем? Легче выпить «трех Калининских» — вот критерий. Ленина лепить — четыре часа, а он насобачился, с закрытыми глазами может...

Эрнст неожиданно замолчал. Аудиенция закончилась. Да и время было позднее, надо успеть на последний поезд метро. И чайник пуст.

Мы вышли. Карякин побрел к себе, один. А мы, трое, еще долго стояли внизу на платформе станции «Перспект Мира» и, пропуская поезда, жестикулировали, как алкоголики, обсуждали услышанное, обменивались впечатлениями.

Поройков был потрясен. Мы мысленно потирали руки. Значит, беседа будет напечатана. Хотя ее еще надо провести! Но это не его забота. Главное — уговорили. В этом была немалая сложность — включить Поройкова, сделать его союзником.

Мы расстались. Я возвращался домой глубокой ночью. Помню довольные глаза Игоря, похожие на две маслины. Он подмигнул мне: «Порядок».

А утром, когда мы поднялись в редакцию, Поройков сидел уже в своем кабинете. Он вызвал меня, не удостоив Клямкина на этот раз чести. А кроме того, я у него проходил по разряду более высокого доверия.

Вызвал и сказал, ничего не объясняя:

— Значит... никакой беседы с Неизвестным. И мы ему ее не заказывали.

Я обалдел.

Попробовал побузить. Но Юрий Дмитриевич сказал задумчиво:

— Я не хочу видеть небо в клеточку.

3

Я смотрел на карту — люблю путешествовать от кружочка к кружочку, по паутине дорог, по синей лимфатической системе речек, пробираясь среди стрихов болот в сторону коричневых плоскогорий. Смотрел и думал: чего мне не хватало? Ведь уже печатали Батищева, Буртина, Стреляного, Лисичкина. Да и Карпинского. А Водолазова с его «Робеспьером»? А Эвальда Ильенкова! А своя, домашняя, серия — Клямкин и Ципко, эти их «бабефы» и «мелье»? Ведь все публиковал Юрий Дмитриевич, хотя и кромсал. А что нервы наши страдали, так это наше личное дело. Шум, помехи — это никого не касается. Фон истории. Главное — создали авторский коллектив. В редакции ребята что надо. Разделы, рубрики. Все осмыслено, организовано. Студенты вон в списках читают — подумать только — «Молодой коммунист». Да плевать на остальные разделы, на официоз, где резвятся добродушный Скорупа с его пропагандой, фанатик Швердин с его антиалкоголизмом, другой фанатик, Вадим Чурбанов, с его комсомольской машинерией, Зорий с «партийным ядром». Это все возьми да вырви, выбрось, оставь, что надо.

Нет, я захотел «странного». У кого это были «странные», у Стругацких? Вот теперь и сиди тут, смотри на карту, примеряй местность.

«Опер» незаметно подошел ко мне, остановился за моей спиной и каким-то образом угадал направление моего взгляда.

— Да-а... Магадан! — вздохнул он о своем. — Солженицын выдумывает черт знает что! Заключенные откопали доисторического тритона, тот оттаял и пополз, и они его с голодухи съели. Надо же так врать!

— Писатель... — промямлил я неопределенно. — А вы бывали в тех краях?

— Приходилось.

Почему они меня так долго держат в этой комнате? Что за отдых, в самом деле? Может, поехали домой, застали Томку врасплох. И искать не надо — все на столе. Но что же так долго? Формальности какие-нибудь? Или Томка пошла по магазину, без нее они не вломятся, это уж совсем обнаглеть... Так, так, так. Сейчас привезут и начнут выкладывать мне художественную литературу. Что у меня там лежит? Голова не соображает, не могу вспомнить... Солженицын, понятно. Сборник «Из-под глыб». Слово — тоже дело... Да, «Слово — тоже дело», оно здесь было бы вовсе ни к чему. Молодец я, никогда не вел дневников, так, отдельные записи, без системы, да и где они, эти записи, сам не найду. Их найти — время надо! И без поллитры в них не разберешься. Кстати, не мешало бы закупить. Как это у них тут поставлено?

— Командир! А как насчет пообедать?

— Пока команды не было.

— А отлить?

Я поставил «опера» в тупик. У него сработал условный рефлекс: ничто человеческое ГБ не чуждо.

— Это можно! — улыбнулся он. И мы провели несколько минут в прелести кафеля. Я посмотрел на себя в зеркало: борода донжуанская, несерьезная. Пижон, болтун. А если нахмуриться? Если глаза вытарачить, от негодования? Вот так!

Конвоир, не бросая службы, тоже облегчал свою отягченную магаданскими воспоминаниями душу. Я покорно стоял у писсуара, ждал. Откуда, думал я, в человеке такая рабья покорность? Дать ему коленом под зад, чтобы оседлал писсуар, как буденновского скакуна. Что он меня, убьет, что ли? А мне будет что вспомнить. Я в два прыжка — за дверь, не побежит же он за мною со струей! Успею куда-нибудь нырнуть, я же везучий. Здание запутанное, затеряюсь. Зайду в любой кабинет, начну морочить голову, документы у меня с собой, журналистское удостоверение. Ну что они, весь свой гэбэшный мир, от подвалов до чердака, что ли, обо мне оповестили. Или, суки, солдатам на дверях по рации передадут — засечь! Наверное, передадут, у них тут отработано.

Нет, экстремиста из меня не выходит. Чернов, болтун, придумал прозвище: Глотов — «экстремист». В редакции, в буфете — да. И, конечно, насчет «бабс». А тут жду, пока он закончит.

И я побрел из стерильной свободы назад к карте Родины, на ее просторы, в тесноту ее «шестой части света». И тут мне, с остротой проглоченного лесного масленка бабушкиного засола, вошла в организм мысль, которая, впрочем, уже бродила около: верноподданность — это мое, это наше спасение! Я — свой, очень свой, хотя и с придурью. Придурь моя — идеализм, нравственные принципы, ложно понятое товарищество. Янова, например, провожал, возил на «Запорожце» по Москве, в ОБИР. На сходку его, еврейскую, не ходил, я на ней, и право, чужой, а лично Сашке, конечно, помог, как же иначе. На Арбате, напротив «Праги», поцеловал его, это вы, конечно, могли засечь. Я об этом вам и сам расскажу, не

жалко. А что он нес в своем портфеле, я не обязан знать, и что шел он в посольство сдаваться, вернее, сдавать свой портфель, это вы прохлопали, он давно уже, считай полгода, как за океаном отстукивает с пленок свой докторский «диссер» про ортодоксов и еретиков России... Поцеловал? Элементарный жест. Прощались идейные товарищи, не скрываю. А если вы против наших с ним идей, то вы сталинисты, тоскующие о лагерях. Заору на них, как новорожденный XX съезда, вся Лубянка услышит мой верноподданный вопль.

Секретарша сделала «оперу» глазами знак, и он развернул меня к другой двери. Понятно! Второй заход.

4

«Иван Николаевич» улыбался как ни в чем не бывало.

— Ну что, Владимир Владимирович? Подумали, вспомнили? Вы же не глупый человек! Просто так мы к себе не приглашаем, когда нет оснований...

— А вы не приглашали, вы притащили.

— Ну зачем же так? У нас все по закону.

— И какие же основания?

— Вы это сами знаете. И лучше, если вы сами...

— Послушайте, вы! — заорал вдруг я, сам того не ожидая. — Какие основания? Какие, к чертям, откровения? Вы что на себя берете, вы! — Я захлебнулся, подбирая слово, забыв в ту минуту, что «оснований» у моего визави было по самый его серый, затянутый на горле галстук. — Кто вы такой, как вас там, Иван или Николай? Я журналист, член редколлегии «Молодого коммуниста», а вы кто, «Иваныч-Николаич»? Какого дьявола вы треплете мне нервы? По старым временам истосковались? Я расскажу о вас, как только выйду отсюда! Вы хоть соображаете, что вы творите? Хватаете человека на улице, меня на работе ждут, дел по горло, домой небось звонят, жена с ума сходит — я что? По бабам сейчас шляюсь? Или в морге уже? Нет, я тут сижу, у вас! Исповедуюсь не знаю перед кем, не знаю в чем, Герцен, Солженицын... Ну, рассказал про Янова! Да-а... Да, да, да, провожал его, на машине возил. Чего еще надо?

Меня трясло, как эпилептика. Реакция невольно передалась гэбисту. Его как бы изнутри напрягло, волна прошла по его девственной черно-белой груди.

Он выхватил из ящика стола и на секунду показал мне зеленый переплет книги. Зловеще мелькнули буквы: «Из-под глыб».

— Может, вам вот этого хотелось, а?

Проколотся все-таки, не выдержал. Наверняка из партработников. Не профессионал!

— Чего хотелось?! — отреагировал я грубо, сделав ударение на слове «чего» и демонстрируя то ли недоумение, то ли презрение к провокации.

Не сбавляя накала страсти, я в десятую, в сотую долю секунды сообразил: книжка-то не моя! Но многозначительное «этого хотелось?» меня распустило об асфальт, одновременно успокоив. Иллюзии исчезли. Предстояло защищаться, ибо схватка пошла на уничтожение. Информация красноречива, дальше некуда. Не хотелось ли нам выпустить в самиздате аналогичный сборник? Вот, значит, что интересуется господ офицеров? Наконец-то разродился, милейший. Долго я ждал этого момента.

И я мысленно вручил себе маленький приз, внешне проявившийся в чуть затяннувшимся глубоким вздохе.

И все-таки хорошо, что книжка не моя. Значит, дома у меня они не были. Точно такая лежала на моем столе, правда, затрепанная, зачитанная.

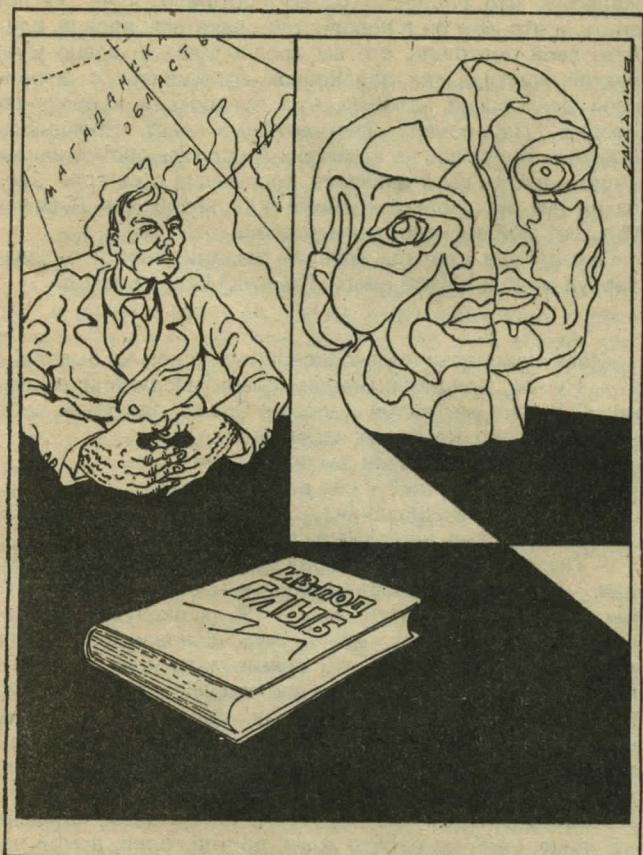

Рис. К. Рыбалко

Я бесновато орал про XX съезд. Едва не вскакивал со стула, чем пугал «Иваныча-Николаича», он не ожидал такого поворота беседы. Я кричал, что боролся со сталинистами и буду бороться, и если они тут, в ГБ, свили гнездо — тогда закрывайте журналы, сажайте нас пачками, но кончайте свои гнусные намеки. Или, может, им что-то известно, чего не известно нам? Может, партия реставрирует режим Иосифа? А если не реставрирует, тогда вы тут занимаетесь самодеятельностью и вас надо разоблачать как неосталинистов, идущих против линии партии. У нас свой такой в редколлегии сидит большевик со слуховым аппаратом в ухе, не вами ли вставленным, мешает работать, но — профессор ВПШ, рубит статью за статью, а если мы его не слушаем, кладет ее в портфель и несет наверняка вам, подлец. Но он-то марзматики, выжил из ума, а вы-то тут чего? Не понимаете, чего мы хотим? Страна, как лунатик, — от лозунга на одной трубе к призыву на другой, от забора к забору, от путепровода к путепроводу — и все лозунги, лозунги про единство и заботу. Нас хоть читать молодежь стала. И мы про что пишем? Про что? Про Гер-це-на! Ро-бес-пьера! Объясняем, как сохранить нравственность в революции. Вам это не интересно? Но это ваше личное дело! А наше дело — как раз вот это. И мы ни на шаг, ни на сантиметр от идей наших не отступим. Понятно? Какие еще претензии?

И тут мой слушатель не выдержал и, вскричав нечто нечленораздельное да еще пристукнув кулачком по столу-аэродрому, высказал свое отрицательное отношение к моему истерическому воплю.

— Вы при своем пакете! — заорал на меня. — А я — при своем!

И я понял: не кати бочку, у каждого своя работа.

Это «при пакете» запомнилось мне на всю жизнь. Подневольный, значит, бедолага?

Я замолчал, насупившись, выказывая всем видом презрение. Не желаю больше разговаривать. Па-ашли вы! Жрать не дают, кишки свело, нервы и вправду нетеатрально расходились.

Только сказал:

— Сижу тут какой уж час голодный. Вы-то небось ото-бедали?

«Николаич» встрепенулся, забрехал контакт.

— Ну, это мы моментом организуем!

Вплыла секретарша с подносом. Я скосил глаза: стальной подстаканник, фирменный знак учреждения, в стакане слабо окрашенный чаек с ломтиком лимона, бутерброды и что-то вроде сухек или сухарей. Все мизерное, сморщенное. Да ну их, с их гуманизмом, потерплю.

— Не надо! Нет, не надо, — сказал я гордо и добавил первую попавшуюся банальность, пришедшую на ум: — Если я арестован, вы меня все равно на довольствие поставите. А нет? Так потерплю до дома.

Я вспомнил заповедь Исаича: по возможности не вступаю с ними в беседу, а если никак нельзя, то прежде чем на допросе ответить, досчитаю мысленно до десяти. Не слушаем мы советов опытных людей. С какой стати я проявляю инициативу? Тактик! Лишняя информация в досье, и больше ничего. Я же прекрасно понимаю, что им нужно от меня. Пусть теперь спрашивают, а я буду посылать их в голубую даль. Вопрос и... раз, два, три... девять, десять.

А может, я и прав, получил передышку, адаптировался. Огляделся. Я — нормальный советский журналист. Нептерпимый, нервный, почти психопат — так довели же! Оскорбленное самолюбие, затронута честь. Все так. Никаких агентурных данных «Иваныч» мне не выложил. «Из-под глыб» — это, конечно, серьезный намек. Но — намек, хотя и красноречивый. Не хотелось бы нам соорудить такой же сборник? Хотелось бы! Ох, как хотелось бы, дорогой ты мой следопыт зоркий. Только где ты нас засек, на чем? Это пока неясно. Как, впрочем, и не уверен — засек ли? Не на понт ли берешь?

В очередной раз меня проводили в комнату напротив, в компанию к «клетчатому», белобрысому господину, хотя причислить его к команде Воланда значило бы нанести ей чудовищное оскорбление. Кто он, в каком звании — не рядовой, понятно, не зря колымил в молодости, наколымил себе центральный аппарат. Сыск, он вечен, при всех режимах.

Но внешне вежливо, этого не отнимешь.

Я подошел к окну, отдернул занавеску — надо же, не запротестовал.

Отошел: выбрал стул в дальнем углу. Ладно, посидим, подумаем.

5

Был один вопрос, на который я не смог бы ответить, задай мне его хоть «Иваныч-Николаич», хоть бы и сам Александр Исаич, наш гуру: почему я — это я? Разве мама любила такого?.. Именно такого?

Почему я не Чикин, например? Почему вокруг него своя команда, а вокруг меня — своя?

Мама, мамочка, друг мой на Ваганьковском кладбище, участок тридцать пять. Ты счастливая, ты увидела «по-

луседого и всезнающего, как змея», а я не увидел таким моего «сороковой армии сержанта», участок девятнадцать, он остался в памяти темноволосым, доверчивым, двадцатилетним. Теперь я кочую между двумя вашими могилами. На одну Антон положил серую мраморную плиту, принесенную с Поклонной горы, разгромленной пострашнее, чем войной, осколок, подобранный у дороги; на другую — белый валун, ледниковый кварц с псковских озер, куда они, братья, собирались вдвоем, с рюкзаками, с заходом в Печоры, пешком мимо Пушкинских гор, лесами к озеру, где дождался этот белый красавец. Не дождался. Сам пришел.

Последний вечер судьба послала нам для прощания. Мы ходили кругами по ночному бульварчику вблизи дома, июльский шелест листьев, и запахи, и шум проспекта, и рейды фокстерьера, и наши споры-разговоры вокруг новой журналистики, торопливой и неразборчивой, перепутанной с коммерцией, мне непонятной и настораживающей, и его защитные выпады каратиста, пугавшие фокстерьера, попытки рассказать о свободных людях свободной прессы, и призыв критически взглянуть на себя, на «шестидесятников», не заморочили ли мы себе головы своим идеализмом, себе и другим, не лишили ли себя здравого смысла и не превратились ли в таких же догматиков, как и те, с кем боролись, а в ответ — мои непростительно-запрещенные приемы боя: о, эти «постфактумы», «коммерсанты» с пижонским твердым знаком, эти агентства и газеты, где ты теперь спецкор, это замечательное братство, — все это профессиональная бойня современных «коммандос», никаких идей, сынок, ни-ка-ких, а зарабатывание «бабок», только и всего, мы их не зарабатывали, учти.

Он сказал с грустью: «Если тебе хочется так думать — думай».

И это были последние его слова, которые он сказал мне. Через двадцать четыре часа, следующей ночью, его убили, вызвав из дома для «разбора».

Почему у меня все так несуразно, нелепо? Почему именно мой ушел в Афганистан есть концентрат на «точке», перекачивать горючку по трубе среди пустынных холмов у Герата, сидеть год с пятью «чижиками» в жару и в холод, давить скорпионов на глинобитной стене и почему именно мой «сержант сороковой» закрыл им кран, когда в первую же ночь пришел грузовой «мерседес» моджахедов с двадцатью бочками, и один из «чижиков» покорно пошел его, этот кран, открывать? Нормально, сказал командир, нормально, всегда так было до тебя, охране надо жить, прапорщику из полка, лейтенанту, кому там еще, не знаю, не мое дело, мое дело — открывать кран, сливать солярку, получать афганы, сигареты, жратву, наркотики, оставлять немного себе, остальное отдавать, всегда так было, сержант, зря ты хватаешь автомат, иди к охране, они тебя зовут на «разбор», только их там двенадцать, а Герат далеко, твоих выстрелов в воздух не услышат, а в них ты стрелять не будешь, в человека стрелять из-за горючки может только псих, а ты вроде нормальный. И он, накрутив потуже портянки, пошел в их бункер.

Он мало рассказывал о войне. Перечитывать его письма я не могу. Еще невыносимее рассыпать по столу упакованную пачку его листов, тетрадей с записями, которые никто еще не прочитал. И я пока не прочитал, не пришло время. И не знаю, как происходил тот «разбор», окончившийся для него удачно. Но только больше «мерседес» с той стороны не приходил тоскливыми афганскими ночами, и лишь однажды, признался он, кран был

еще раз открыт: когда узбек Рахмат готовился к дембелю, а дома мать и куча братишек с сестренками.

Еще он рассказал, что порядки в том гарнизоне были суровые, горючку продавали по-наглomu, воюя днем, а ночью торгую. К трубе запросто, среди дня, подходил старик с ведром из соседнего кишлака, пробивал ее ломом, наливал ведро и уходил, и хорошо, если просто вытекало за час тонн двадцать в песок и не горело. До него было все ясно, как небо над головой. Был другой сержант, другой узбек, регулярно открывавший кран, и была хорошая жратва, американские сигареты. Но «система» сломалась сама, объяснял ему Рахмат, еще до тебя, не думай, успокаивал Рахмат, что это ты ее сломал, они бы тебя уделали, будь уверен, ее сломал не ты, а тот зверь-сержант, твой предшественник, когда избил такого же, как я, узбека — тут все меняется, новый русский сержант, новый узбек — собирать с земли окурки, и тот, мой предшественник, спрятал из-за шухера пачку афганы в сусличью норку, а утром всем гарнизоном не могли найти, и сержант хрипел: «Сволочь, себе на дембель жал!» — а узбек, предыдущий Рахмат, дрожал и клялся, клялся и дрожал, и правда ведь, все норки одинаковые, но сержант не поверил, и через два дня узбек, такой же, как я, что был передо мной, застрелился из карабина вон в том туалете, и сержанта убрали, а кран открывали уже не так часто, поэтому не думай, что ты такой смелый, сломал «систему», она сама сломалась, устала, наверное, будем теперь жрать один концентрат.

Почему мне выпал этот жребий? Почему я провожал сына в роковом августе восемьдесят пятого, стоя на перроне Казанского вокзала, среди равнодушных пассажиров, тащивших арбузы? Почему именно я, не написавший ни строчки в защиту этой бойни, отдал его в ее жернова?

Нелепые вопросы. Мазохизм. Жизнь катит по колее, и все, что в той колее, — все твое, под твоим колесом. Как мина под «КамАЗом» второго Рахмата, выбросившая его из кабины накануне самого дембеля.

Ни о чем об этом я не знал еще, сидя в крошечной ячейке, в самом ее уголке, посреди гигантского куба, Большого Дома Москвы. Не знал, что он вернется с войны живым, чтобы погибнуть в ста метрах от дома, а если бы знал, то лучше бы меня там оставили, завербовали в стукачи, я согласен. Я был еще свободен и нагл, один мой сын лежал в тот вечер в углу своей комнаты в объятиях огромной овчарки, а другой писал мне детской рукой гордое письмо из Свердловска, из крапивинской «Каравеллы», — повесть о поединке на шпагах. И до последней прогулки с ним и с фокстерьером было еще далеко. Еще и прежний пес не прожил всю свою богатую событиями собачью жизнь, но мина все равно уже лежала в колее на пути к озерцу, откуда они брали воду.

И поэтому я — не Чикин. И только поэтому, и никакой моей заслуги в том нет.

6

Все начиналось так банально. И зловещей тенью Нины Андреевой мог стать не Чикин, а я. И не его inferнальная роковая поступь вызвала бы судорогу омерзения у журналистов страны, а моя, мой шаг. Почему бы и нет? Камера, плывущая мимо его тяжелого, обрюзгшего лица, когда-то не лишнего привлекательности, показывала его крупным планом в зале среди российских депутатов, и мы ужасались: вот наш могильщик, который отточенной, как бритва, малой пехотной лопаткой снимет нам скальп.

Меня бил озноб. Не от вида его, не от воспоминаний о годах, когда мы дышали воздухом одного коридора, а оттого, что вместо его лица на экране могло быть мое лицо. И я молился, обращаясь к Божьей Матери, просил спасти его и благодарил судьбу, что я — это я, а не он.

Все начиналось банально в родильном отделении «кремлевки», за год до тридцать седьмого. Рядом на койке мучилась сноха Ворошилова и разрешилась Климом. Домой, в пятикомнатную на Арбате, в Мерзляковский, меня отвезла отцовская персональная «эмочка», и шесть домработниц, сменяя одна другую, безжалостно увольняемые деревенские девки, стирали мои пеленки, и только одну, рязанскую, я запомнил, когда под грохот первых ночных налетов ползал под одеялом по ее мягкому телу, не ведая страха, а испытывая страннейшее наслаждение. И разразился ревом, когда мать, в ту пору ровесница моего «сержанта», оторвала меня от складок-ущелий необъятного бабьего живота, проминаемого моими кулаками. Набросила кротовую шубку и унесла меня в утробу бомбоубежища.

Банальной была и гувернантка-французенка, за кусок хлеба учившая меня с помощью игральные карты и песенок птичьему языку своей страны. Песенки запомнились, прорвались, как НЛО, сквозь толщу световых лет войны, голодной юности, сибирских походов, журналистских кочевий, приобретений и потерь, и я нет-нет да напою себе старинный мотивчик со словами, смысла которых не понимаю: «Пан кес ке ля сэ, палишенель, мамзеле, пан кес ке ля сэ, палишенель кивля...» Что за «кивля» с ударением на втором слоге?

Банальной была и распроданная той рязанской толстухой вся наша московская квартира, в которой мы, возвратившись из эвакуации, обнаружили почти голые стены. И моя грусть по скакуну на деревянных колесиках, пошедшему, как видно, на растопку, ничем не выделялась из прочих банальных сюжетов и не могла предначертать приближающихся сумерек и вечера, который мне предстояло встретить в угрюмом здании Комитета госбезопасности, под охраной постаревшего костолома. Казалось бы, наоборот. Но почему-то утрата всех этих благ, как и утрата теплого деревенского тела моей няньки, не вызвала желаний вернуть, обладать. И я, большевистский наследник по крови, неистребимый, по замыслу вождя, нарушил их генетический код. Вмешался дух, и все пошло вразнос, встраяску, в отрицание, в брезгливый плевок в мерцающий телеэкран, где маячит обрезанная по шею голова Чикина, или его партийного патрона Ивана Кузьмича, или новоявленного генерал-губернатора государственного телевидения — а иного и нет — Леонида Кравченко, этого магната, главы кончерна по устройству вставных мозгов.

Я знал Кравченко в ту пору, о которой пишу, — пору «привода в ГБ». Это был мягкий, интеллигентный аппаратчик, направленный из ЦК возглавлять «Строительную газету», заполненную тогда старыми госстроевскими тараканами. И как тот Кравченко, который взял меня, меченого, на работу, переродился в этого, мне неизвестно. Пятнадцать лет — немалый срок, а чужая судьба — потемки. Лишь однажды, в смутную минуту, я еще раз обратился к нему, уже всесильному, стремительно взлетавшему на мрачный олимп тоталитаризма, но второй раз он мне не помог. Уберег Бог, было бы совестно осознавать, от кого принял милость.

И так вот размышляя, неумолимо оказываешься перед вопросом: почему все то, что могло во мне реализоваться в чикиноподобное кравченконизированное существ-

во, не реализовалось?

В пятьдесят четвертом, как во сне, я пошел во Внешторг, элитный институт, мне чуждый, зная, что мать смотрит мне в спину счастливыми глазами. Я поступил, обманутый моей мамой, которая познакомила меня с очаровательной третьекурсницей Витой Ложкиной. Это была ее единственная интрига, увенчавшаяся успехом. Все ее безумные проекты, поклонники — прокуроры и даже один мичман, снимавшийся в массовке фильма «Иван Никулин, русский матрос», наши поездки на год то в Крым, то в Самарканд, обмены квартир, в результате которых мы, пережив войну и послевоенные годы, оказались, после смерти отца, вместо пятикомнатной — в проходной десятиметровке, — все это не привиднуло меня ни на сантиметр к большевистскому наследству, а лишь отдалило.

Мы жили, как многие, почти как все. С керосинками, авоськами, с карточками, а потом без них, с ожиданием весны человечества и снижения цен. И все-таки я выучил китайский язык, получил диплом и место в доме на Смоленской площади. И когда тень номенклатурного большевика, шахтера-забойщика, бомбардира-наводчика первой империалистической, героя гражданской войны, а затем коммюниста-парижанина, вычислявшего на крахмальных манжетках валютную эффективность экспорта советского угля, когда светлая тень моего отца, родившегося, уму непостижимо, в конце прошлого века, казалось бы, коснулась крылом нашей захудалой комнатухи с ее беднейшим бытом, скудным scarбом, печью-голландкой, где из мебели был только шкаф, за которым размещалась моя первая в жизни овчарка, и внешторговская судьба зримо замаячила впереди, — я совершил нелогичный, просто дикий, с точки зрения двадцати шести жильцов коммуналки, проступок: я бросил Смоленскую площадь.

Я бросил Смоленскую площадь, несмотря на прекрасный вид из окна на возводимый в ту пору магазин «Руслан», и — выклянчив комсомольскую путевку — уехал в Сибирь. Именно туда, а не в одну из стран бассейна Индийского океана, как прочил мне наш кадровик, предлагая, в качестве условия, поскорее жениться.

Я уехал в расцвете карьеры. Потому что был уже в предназначенной мне «колее». И заколесил по ее изгибам, получая вдогонку смелые материнскими слезами письма и продуктовые посылки.

Но перед тем я сделал еще одну отчаянную попытку выбраться из «колеи». По блату, по какому-то трехступенчатому знакомству — чтобы спасти меня от безразсудства — мать свела меня с заместителем главного редактора тогдашней «Комсомолки». В надежде, что такой авторитетный человек вправит мне мозги и я вернусь в свою бухгалтерию. Я приехал в редакцию к назначенному часу, не сумев даже удивиться, почему этот час — полночь. Борис Панкин, а это был он, хмуро взял у меня специально изготовленный для такой встречи опус, не глядя сунул его в нижний ящик стола — после чего я ту рукопись не видел и до сих пор не знаю, не помню, что же я там написал, — и сказал, что он, конечно, принял бы меня в редакцию, будь я поопытней, знай я жизнь. И даже намекнул на способности. Но отфутболил, неосторожно обмолвившись, что жизнь узнают на комсомольских стройках. А для примера, как ее знаток, упомянул один адресок в Кемеровской области. Точно рассчитав, что внешторговский графоман никогда по тому адресу не поедет, а если, дай Бог, такое и случится, что само по себе невероятно, то уж оттуда к нему, к Бо-

рису Панкину, не вернется.

Но я вернулся.

«Колея», сделав трансконтинентальный виток, замкнула петлю и по принципу бумеранга привела в тот же кабинет. Борис ошибся еще и в сроках. Он бездумно бросил: «Поезжай месяцев на пять. Возвращайся, возьмем».

И я вернулся, правда, через пять с половиной лет, и моему «сержанту» шел уже четвертый год.

Панкин встретил меня в коридоре «Комсомольской правды» зимой шестьдесят пятого. Посмотрел, соразмерил сдвиг во времени и бодро сказал: «А-а... ты вернулся? Ну, заходи!» — а когда я зашел, он, повздыхав по поводу превратностей судьбы и выслушав мой короткий отчет о приключениях, предложил: «Давай к нам!» Но я уже был у них, в их «колее», не покидая и своей. Вторую неделю я уже работал в редакции. Борис просто отсутствовал.

Я смотрел на юных стажеров и надменных дочек-секретарш, среди которых мне предстояло по рангу вращаться, как на детей. И даже молодой Виталий Игнатенко, любимец престарелых редакционных примадонн, делавший в ту пору свои первые успехи в раскованной манере письма и угодном поведении, не смущал меня. Я смотрел на него сквозь прорезь в броне моих сибирских походов, храня в душе память о «нашей республике», как мы называли Запсиб, возникшей и умершей, и мне, писавшему по полтысяче строчек в день, ничего не было страшно. Да и молодой Чикин не пугал, когда кривил губы в улыбке, высчитывая, кто голосовал против него на выборах партбюро. Бедный сталинист-отличник, оставленный женой ради — вот ирония судьбы! — другого сталиниста, международного Кривошалева, посланного в шестьдесят восьмом в Прагу. Тогда Володя Кривошеев, собкор «Известий», едва ли не единственный, плюнул всем им в лицо, всей тысячетонной танковой рати, отказавшись врать, писать о том, что братья-чехи позвали эту рать на помощь, и на смену ему скоропостижно направили нашего недавнего счастливого жениха, чикинского соперника по амурным делам, нашего везунчика. Кривошеева заменили на Кривошалева, получив иное качество. И мы тогда искренне жалели Валу Чикина, считая, что Кривошалов — подонки, а наш Валентин — обыкновенный карьерист, все-таки есть разница.

Лен Карпинский, помню, маниакально твердил тогда на каждом перекрестке о личной ответственности журналистов, а Кривошалов слал из Праги свои репортажи полхлестче невзоровских. Да и только ли он?

Быть может, это было самое чистое время для Чикина, ему видней. Время его потери! После он, по-моему, только приобрел. Сперва «Россию», саврасушку, потом... Но Бог ему, марксисту-ленинцу, судья. Не о нем здесь речь, и не он мой герой.

Коснувшись темы «колеи», вернемся в колею повествования.

7

Редакционное словоблудие конца 60-х и в 70-е нынешнему поколению журналистов трудно себе вообразить. Я как-то сделал доклад, уже в «Молодом коммунисте», — о галерее человеческих портретов, которые отразили бы суть НТР, доклад, как тогда было принято, на партсобрании, что вызвало почти скандал. Поройков сухоотреагировал: «Партсобрание не есть дискуссионное собрание». Меня обвинили: предлагаю героя, который ставит тысячу вопросов. А кто будет отвечать? Жажда-

ли твердой точки зрения, персонажа, который во всем убежден. И тогда наш Скорупа, мастер стола, тамада и опытный партийный интриган, человек в общем-то добрый и всеми любимый, сказал гениальную фразу: «Надо глотовские тезисы опартиить!»

На том и порешили, отправившись узким кругом на базар за чесноком и черемшой, а остальное в ту пору было рядом, под боком, в любом ассортименте, от рислинга до «трех звезд» за четыре двенадцать. Сказка! Один наблюдательный человек сказал мне недавно: «Мы коммунизм-то, не заметив, проскочили».

Кроме моих тезисов, страна обсуждала «тезисы» очередного Пленума, исключительно с большой буквы. И какие слова находили! «Нельзя рассматривать «тезисы», как большой предъюбилейный молитвенник, — учили нас старшие товарищи. — Мы не всегда делаем «тезисы» своим рабочим инструментом».

И приводили в пример «Правду», которая делает дело менее броско, даже серо, повседневно, буднично, но очень принципиально. Ленинский юбилей! Портреты из жердочек, спектакли, спектакли... «Пошлости нет, можно и написать» — призывали нас. И предостерегали, чтобы в суматохе каждодневности не атрофировали бы подход. Вот уже и «ленинская эволюция на примере десятиперых рыб», и шарик раскрашенный на улице с ленинской символикой, получается: ленинский юбилей лопается!

«Чехословакия» закутила нам гайки, и все носились по поводу полной ерунды, силы были брошены на «все хорошо». Из тех лет «Комсомольской правды» запомнились и вечный ее мандраж, и хитрые ходы.

Мы все были очень разные, но как-то жили вместе и даже дружно. И все вместе предали Анатолия Стреляного, который держался особняком, почти каждый месяц клал на стол начальству очередной бескомпромиссный очерк. Его не печатали. И когда он положил десятый или одиннадцатый за год, триумфировал в составе Панкина, Чикина и Оганова вызвал его и объявил ему, может быть, даже хором: «Ты нам чуждый человек».

Я тогда пребывал в возрасте Христа. И потерял одну из своих иллюзий насчет особой атмосферы «Комсомольской правды», ее «удивительного стиля» — когда все написано как бы одной рукой — и начал постигать, какие же мы пакостные существа. В почете было: писать для нашей газеты «на грани правды», как метко выразился кто-то. И я осваивал ремесло.

Надо было что-то предпринимать. Но что? Я поехал в Сибирь, в Академгородок, к Бурштейну, в его «Интеграл». В тот раз из Москвы прилетел философ Щедровицкий, интеллектуальная машина высокой мощности. Дискуссия шла, как обычно, за столиками кафе, с демократическими позами и академиком Александровым в свитере, безумным Бурштейном, ртутеподобным Яблонским, хорошенькими интеллектуалочками и жесткой схваткой по поводу вакуума нравственного воспитания.

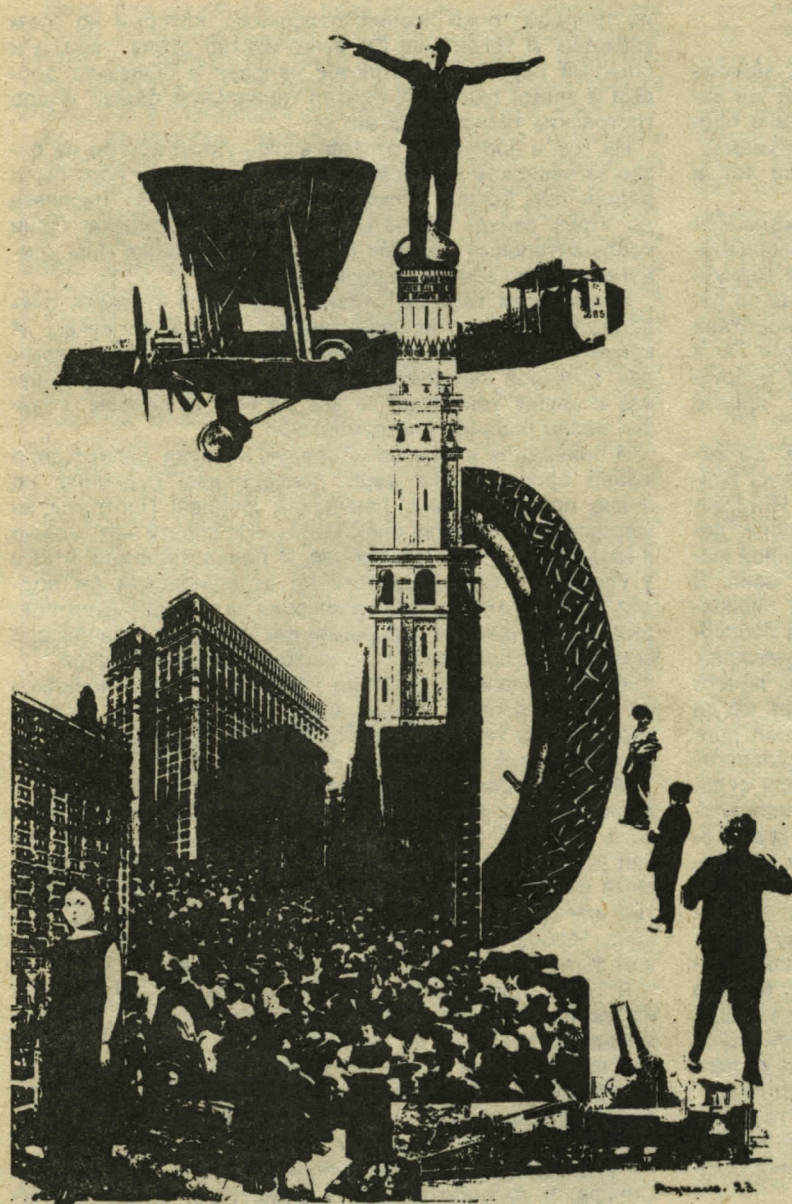
Тогда мне нравилась мысль, кем-то выраженная с отчетливостью. Не Щедровицкий ли? Зрелый человек — это человек, который решает все ситуации без наставника, который руководствуется в жизни не моральными прописями, а моральной теорией. Нужны убеждения, основанные на понимании законов развития общества.

И, конечно, активность.

Ну, этого, думал я, у меня навалом.

Толя Бурштейн, президент «Интеграла», и познакомил меня с Леном Карпинским, с этого все началось.

(Окончание в следующем номере)

А.Родченко. Фотомонтаж к поэме В.Маяковского «Про это». 1923 г.

Никола САМОНОВ

РАСТВОРЕНИЕ ПЛОСКОСТИ

Заметки с выставки

А.Родченко и В.Степановой

Двадцатые годы, время после-революционной разрухи, становится нам ближе. Так думаешь, штурмуя подступы к музею на Волхонке, биясь в закрытые двери: объявили выставку Родченко и Степановой, но тут же вышел срок починять сортиры, и в печальном безмолвии музей затворился на декаду. Все долгое лето приглашали отправить нужду в какой-то салон-вагон на улице рядом — и ничего. Ан хватить — зима на носу, Декабрьские вечера, рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали, публика валом повалит, алкая духа, веровать в рыдающие звуки, просить последний трикотаж, посаживать последние талонные карамельки, шаркать нечищеными бутинками, думать про мясо, масло, Брамса и яйца. Посмотришь вправо — посмотришь влево: живописи повешано. Родченко со Степановой. Ретро. Ставшее современностью ретро — как в машине времени.

...Летнее закатное солнце спокойно освещает мастерскую. Плакаты. Фотографии. Все выверенно-стильное. Женщина, остриженная каре, в эту авангардистскую скобку, и мужчина, бритый наголо. Выдающиеся конструкторы своего времени, они будут призваны эпохой найти и разработать новый, ей соответствующий стиль, определить лицо. То романтическое лицо, в которое мы плюнули.

Милая толстоватая женщина и ее муж блистательно исполняют свою роль. Придумают тип плаката, замечательный только в их исполнении, но распространившийся на всю агитпродукцию социализма. Придумают тот рубленый шрифт, что еще долго будет белеть на транспарантах в ночных кошмарах. Придумают украшенную лишь машинной строчкой одежду, которую мы станем носить подолгу и с удовольствием. Придумают мебель и прообраз «стенки», где можно хранить книги, крупу, белье, мыло и варенье. Однут женщин в платья, испещренные прямыми, расходящимися, ломаными линиями, с концентрическими окружностями и темными квадратами. Утвердят свое «кредо»: все должно быть подчинено жесткой функции. Эстетика умерла. Работаем только для будущего. Слава потоку! Слава серии! И каждая новая их вещь, исполненная завидной эстетической завершенности, капризно грубая и элегантно простая, окажется лучшим опровержением провозгла-

шенного лозунга. Природу не переделаешь. И самые утонченные богатые женщины, что отыщутся в тогдашнем эсэсэре, выберут именно эти платья, обзаведутся этой мебелью и кинутся читать модные книги в обложках с этим рубленным шрифтом.

Шрифт часто будет пересыпан окрошкой из фотографий. Рассвет над рекой будет соседствовать с чайным блюдцем, футбольное поле почти перекроет половина женского лица, откуда-нибудь высунется ледачок, птицы грустным клином потянутся к югу, колхозник широким размахом рассыплет зерно, и появятся новые всходы. Бабы соберут урожай, пролетит самолет, спортсмен кинется с вышки и поставит рекорд в прыжке, Чарли станцует шимми, свежий ветерок станет пересчиты-

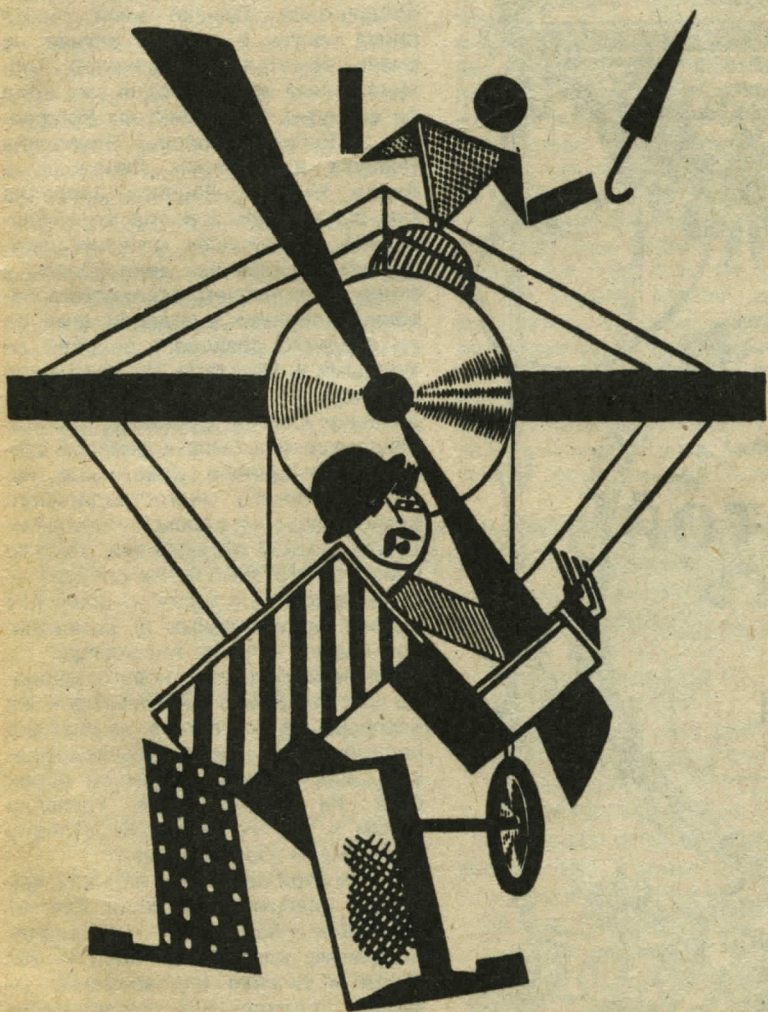
вать косы счастливой узбечки, а воздух будет разграфлен тонкой аккуратной клеткой.

Придуманные рабочие начнут работать — работать за крутящимися-вертящимися, чисто, маслом блестящими станками. Весело запойют шестеренки, загудят приводы, свет радостно зальет каждый цех, мое, твое рабочее место, нашу удобную униформу. А когда мы устанем, мы пойдем в душевые, и свежие струи снимут нашу усталость, и дребезги капель будут как многие радуги на наших здоровых телах.

Со временем авангардистская дробность постепенно начнет собираться, создавая новый, невиданный художественный мир одной цели, одного любимого ракурса — снизу вверх. И вот усталая валькирия

А.Родченко. Проект эмблемы для акционерного общества «Добролет». 1923 г.

В.Степанова. Из серии гравюр к статье А.Родченко о Чаплине. 1922 г.

германских сумерек Лени Рифеншталь воспоет триумф воли — съезд национал-социалистической партии в Нюрнберге, властно представив стертые лица штурмовиков и картофельно-бледные колени гитлерюгендцев как развернутый фриз античных героев. А Вера Игнатьевна Мухина создаст свой сверхчеловеческий шедевр, воплощенный триумф идеи. Но это будет позже. А пока — ясная концепция фотографий Родченко, с ее гипертрофированной выразительностью и художественным напором, подготовит философию эпохи «перевернем и заживем», пронзенную тоской о будущем. Сейчас пролетит прыгун. Варвара посмотрит туда и сюда. Изменится освещение. Переместится тень. Растворится плоскость. День пройдет. Девушка встанет. Выйдет из кадра Маяковский. И будет лучше. Будет лучше. Щедро потечет электричество по проводам. В дальние уголки страны. Веселей побегут трамваи. Мама поправится. Построим звездолет. Всем хватит сахара. Каждому — по потребности. По труду. По потребности...

— Прими влево, товарищ! Очисти путь!

И гора человекообразного железа вздрогнет, двинется, в одной подъятой руке зажавши серп, другой потрясая молотом, третьей и четвертой расталкивая воздух, пойдет-пойдет, сметая все на пути, бешено разовьет ускорение и взлетит, сияя, распарывая мглу вечной космической ночи.

Золотая пора конца века

Помимо регулярно повторяющихся ожиданий конца света, конец века всегда радует и чем-то новеньким. Как листья и плоды осенью, одни писатели в эту пору бронзовеют, другие — золотеют. Золотеют обычно те, кто помоложе. Бронзовеют, конечно же, кто постарше. А зрелость и тех, и других подчеркивает вечнозеленая молодежь. В 1991 году, то есть в самом начале конца века, появилось немало новых изданий разных оттенков, но их изобилие не смогло оставить в тени появление отечественного полиграфического чуда под названием «Золотой век». Рецензент популярной газеты, совместив, по-видимому, примерную стоимость одного его экземпляра (сто рублей) с ценами на колбасу, назвал это издание «пощечиной общественному вкусу». Имея в виду наши гастрономические неурядицы, можно к этой оценке присоединиться. Однако иной смысл слова «вкус» в данном случае не очень вяжется с пощечиной: «общественный вкус» сегодня уже вряд ли возмутит проза Виктора Ерофеева и Евгения Попова, Вячеслава Пьецуха и «Эдички» Лимонова, а Андре Жида и Лоренса Даррелла тем более. Весь хоровод этих «нарциссов» и «манонов», «русских педофилов» и «идиотов» декорирован в стиле то ли раннего сталинского барокко с серпами и подсолнухами, то ли позднего совкового рокайля со звездами и фруктами. По признанию замечательного и остроумного художника Сергея Семенова, оформление журнала было в немалой степени вдохновлено денежными купюрами нашего многострадального отечества — от царской «катеньки» до сталинской сторублевки. Так что удивляться стоимости не следует — цена «красная», а тираж — всего две тысячи нумерованных (!) экземпляров. Выпуск — раз в три месяца.

Главный редактор нового журнала поэт Владимир САЛИМОН все же напрасно, на мой взгляд, не снабдил первый номер неким предупреждением для читателя. Этим он обрек себя на многократные терзания одним и тем же вопросом: «Почему же все-таки «Золотой век»?

— Золотой век — это великая, как писали классики, и ложная, как утверждали классики марксизма-ленинизма, идея. Такая идея — великая и ложная одновременно — вполне подходит для современного литературного журнала, потому что золотой век надо искать не в прош-

лом и не в будущем, а в вечно живой среде искусства. Я говорю о красоте, которая «спасет мир»...

— Вы ведь это не всерьез?

— Почему? Хотя, безусловно, слова «золотой век» в сегодняшнем контексте выглядят как кич. Но что, собственно, иное могла бы выдумать та «золотая рота» (я это не для того, чтобы кого-то обидеть говорю), которой в основном и является мое поколение, кроме собственного «Золотого века»? Ведь кич — один из стилиобразующих признаков искусства нашего времени.

— Значит, в основу первого номера положен именно такой принцип?

— Нет. Все-таки кич — это не совсем правильное слово. Основной идеей было создание нового литературно-художественного пространства, в котором произведения, разные по жанру и по эстетике, преобретут некое единство. По нашему замыслу, это и есть «золотой век», в котором, что ни окажись, все золотом становится. Нас не заботят ни социальная подоплека, ни личные взаимоотношения, ни политические амбиции. Здесь не важна даже литературная иерархия, потому что нет установки бежать наперегонки.

— Эта идея мирного сосуществования в культуре напомнила мне, что журнал должен был стать изданием Европейского культурного клуба. Почему этого не произошло?

— ЕКК — это организация типа ПЕН-клуба, но без политических задач, это некая попытка создания гуманитарной основы общеевропейского дома. Прошлой осенью проходил его конгресс, участником ко-

торого был и я. Тогда же было подписано соглашение, что ЕКК обеспечивает издательско-полиграфическую часть работ по выпуску журнала. Но в дальнейшем эти обязательства по неясным для меня причинам не были выполнены.

— Вам пришлось снова искать издателя?

— И мы его нашли. Им стал редакционно-издательский комплекс «Культура». Он взял на себя все производственные заботы, а мы только предъявляли завышенные по советским меркам требования к качеству исполнения.

— С их стороны это было благотворительной акцией?

— Вначале и мы, и они предполагали, что коммерческий результат будет нулевым. Но поскольку наши завышенные требования были во всем выполнены и журнал получился таким, как вы видите, то дело обещает стать довольно прибыльным. «Золотой век» был уже выставлен на книжных ярмарках во Франкфурте и Антверпене, сейчас им заинтересовались американские книгопродавцы. Часть тиража закупают финны, так как они тоже участвовали в выпуске журнала.

— Вы сами довольны результатом?

— Да. Это костюм, который мы сшили для себя, а не на заказ. Это не тот «чужой» журнал, в который приходишь с улицы. Большинство литературных журналов у нас существует несколько десятков лет. На мой взгляд, сегодня они являются анахронизмом: социально-культурная функция, которая была продиктована временем их появления и

расцвета, себя исчерпала. Выросло новое поколение — и не одно! — писателей и художников, которые мало общего имеют и с «Новым миром», и с «Юностью».

— Разве можно назвать авторов вашего журнала новым поколением?

— Конечно, это не очень молодое поколение, но оно практически не имело раньше возможности о себе заявить. Да и для того, чтобы заниматься изданием профессионального литературного журнала, надо немножечко пожить на свете.

— При поиске новых имен вы пользуетесь как путеводителем самиздатом?

— Журнал наш открыт для всех. Но если иметь в виду самиздат андерграунда, то, на мой взгляд, эти тексты и печатный станок — вещи несовместимые. Андерграунд интересен именно как записки из подполья, а не как бомонд, имеющий доступ к изобретению Гутенберга. Для нас интереснее напечатать в «Золотом веке» то, что читает весь мир, но не знают у нас. Это, например, часть романа Захера Мазоха «Венера в мехах», эссе Стефана Малларме, посвященные Верлену, Рембо, философская публицистика Айрис Мэрдок, известной у нас столько романами.

— А как же текущий литературный процесс?

— Тут, я думаю, у меня как у главного редактора могут возникнуть сложности. Процесс, конечно, течет, но тонкими струйками. Было бы хорошо, если бы все они сливались в «Золотой век».

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

ВНИМАНИЮ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРЕДПРИЯТИЙ И СПЕЦИАЛИСТОВ!

Совместное предприятие РОС-МАРКЕТИНГ проводит набор слушателей в ШКОЛУ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ.

В ПРОГРАММЕ ШКОЛЫ:

— ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОВЫХ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ СТРУКТУР (ассоциации, концерны, акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью, малые и арендные предприятия).

— НОВОЕ НАЛОГОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

— ПРИВАТИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ.

— МАРКЕТИНГ И МЕНЕДЖМЕНТ.

— ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ.

— СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВМЕСТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ.

— ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ.

— ТРАНСПОРТНЫЕ ОПЕРАЦИИ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ.

— ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТАМОЖЕННЫЙ КОНТРОЛЬ.

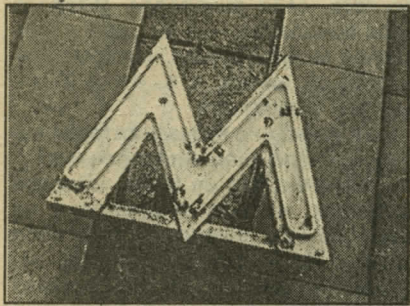
— ЭТИКА ДЕЛОВЫХ КОНТАКТОВ И ПСИХОЛОГИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ДЕЛОВЫХ ПАРТНЕРОВ.

— КОМПЬЮТЕР НА РАБОЧЕМ СТОЛЕ ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА.

— ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК (английский, немецкий, французский, испанский или итальянский — по выбору слушателей).

Занятия в ШКОЛЕ проводят высококвалифицированные преподаватели самых престижных вузов Москвы, а также ведущие специалисты крупнейших научно-исследовательских центров столицы.

АДРЕС ШКОЛЫ: 123242, Москва, Б.Грузинская ул., 3, строение 1, комната 41. ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 254-65-67.

«СТАНЦИЯ- МОНАСТЫРЬ»

Ура-ура!

Прошлись по Рождественке, свернули в Театральный проезд, оттуда Охотным рядом до Моховой — и в метро «Александровский сад».

А комиссия Моссовета по наименованиям подготовила новый проект переименований подземных станций и в «Вечерке» за 13 ноября предложила его обсудить.

Ура-ура?

Посмотрим.

К счастью, любезные депутаты добрались, наконец, до зловредной путаницы со станциями-дубликатами «Арбатская» и «Смоленская», располагающимися на разных ветках и никак не связанными друг с другом. Теперь одна из них станет называться «Воздвиженкой», а другая — «Новинской». Что ж, весьма симпатично.

Намереваются убрать наименования, появившиеся непонятно откуда, притом что тезки-улицы и прочие наземные ориентиры находятся довольно далеко. Это — «Нагатинская», «Красногвардейская», «Водный стадион» и «Молодежная». И они перестанут заманивать пассажиров в противоположные концы города.

Схема метрополитена обещает

облагородиться новыми красивыми именами. Они сменяют политические и военизированные конструкции. «Пролетарская» превратится в «Крутицкое подворье», «Улица 1905 года» — в «Трехгорку». «Октябрьская» (радиальная) станет «Якиманкой», а «Краснопресненская» — просто «Пресней». Поуменьшится дедушка Ленина — вместо «Площади Ильича» явится «Рогожская», а вместо «Ленинских гор» — «Воробьевы горы». Пострадают Петр Алексеевич — «Кропоткинскую» заменят на «Пречистенку», Михаил Васильевич — «Фрунзенскую» заменят на «Хамовники» и даже сам дедушка Карл — «Марксистскую» заменят на «Воронцовскую». Вместо языколомной «Библиотеки имени Ленина» будет «Моховая», вместо скучной «Спортивной» — «Лужники», вместо веселенького «Шоссе Энтузиастов» — «Владимирка», а вместо нудной «ВДНХ» — просто «Выставочная».

Но существует, видимо, некий закон сохранения глупости. Вместе с благозвучиями москвичи получают массу нелепиц. «Измайловский парк», например, переигрывается на «Измайлово», а «Измайловская» — на «Парковую». «Калужская» — так та и вовсе перетаскивается на шесть перегонов и встает на месте нынешней «Октябрьской» (кольцевой), а старая «Калужская» обзывается «Обручевской». Ни много ни мало потому, что рядом находится никому не известная улица Обручева.

Вспомним, что радиальная «Октябрьская» в отличие от кольцевой станет называться «Якиманкой». И привычное, удобное сходство станций пересечения радиусов с кольцами нарушится во всех случаях, кроме узлов, нареченных по вокзалам. «Парк культуры» разойдется на «Остоженку» (радиальная) и «Крымскую» (кольцевая), «Проспект Мира» — на «Олимпийскую» (радиальная) и «Мещанскую слободу» (кольцевая), а «Таганская-радиальная» превратится в «Каменщики» (в честь улиц, а не кабачка), при том, что сама ветка будет называться Таганско-Пресненской.

К сожалению, список загадочных переименований не ограничивается «Обручевской». «Водный стадион» превращается в «Головино», «Красногвардейская» — в «Зябликово», «Филевский парк» — в «Сеславинскую», «Октябрьское поле» — в «Ходынское поле», а «Пионерская» — в «Мазилово». Никого не обижавший «Волгоградский проспект» стано-

вится «Калитниками». Мemento more.

Случаются и совсем уж анекдотичные предложения. Заменить, например, «Улицу Подбельского» на «Северо-Восточную», в противовес «Юго-Западной», «Тульскую» сделать «Даниловым монастырем», а зелененькую Горьковско-Замоскворецкую линию — Петербургско-Замоскворецкой.

Бывает, что комиссия пренебрегает правилами, в создании и пропаганде которых сама год назад принимала участие. Избегать, например, в названиях фамилий разных знаменитостей. Новый проект предлагает не только «Обручевскую» и «Сеславинскую», но еще и «Гагаринскую».

Или, дабы не вводить пассажиров в заблуждение, не нарекать станции по так называемым «протяженным» объектам. От «Проспекта Мира» и «Нахимовского проспекта» избавились, зато «Молодежную» назвали «Рублевской», в честь соответствующего шоссе. Хотя она проходит ближе к «Кунцевской».

В проекте старательно изживаются «стилистически безграмотные» словесные конструкции «станция-улица», но при этом вводится оборот «станция-монастырь».

И множество совсем уж привередливых замен, вроде «Тушинской» на «Тушино» и «Петровско-Разумовская» — на «Петровско-Разумовское», при том, что появляются «Рублевская», а не «Рублево», «Выставочная», а не «Выставка». А ведь эта невинная депутатская шалость потребует немалых денег.

Кстати, в конце гигантского проекта приведен для справки список десяти станций, уже переименованных. Среди них «Калининская» — в «Александровский сад», «Кировская» — в «Чистые пруды» и «Щербаковская» — в «Алексеевскую». Но в той же «Вечерке», только за 30 мая, они выглядели иначе — «Воздвиженка», «Мясницкая» и «Ново-Алексеевская». И то был не проект, а факт уже свершившийся. Поэтому можно не слишком волноваться — сейчас одно примут, затем — на другое переиграют. Правда, иллюстрированные путеводители по метрополитену поднимутся в цене — пользоваться ими можно будет, лишь сверяя интерьеры станций с аннотированными образцами.

Алексей МИТРОФАНОВ

Фото Э.Кудрявицкого

В общем шуме и плаче о гибнущей державе, о распродаже национальных богатств даже и нечуткое ухо услышит стон об исходе из страны музыкальных талантов. Когда речь идет об экономике, торговле, находятся люди, готовые возразить люмпен-радетелям за державные интересы. Но на музыкальную тему все разговоры в унисон: воспользовавшись нашими трудностями и беспечностью властей, не ко времени предоставивших некоторую свободу людям из творческих цехов, Запад беззастенчиво нас обирает...

УЕЗЖАЮТ...

Доказательства? Уехали Кондрашин, Баршай, Ростропович, Ашкенази, Кремер, Волконский, Фельцман, Грубер, Беркович, Афанасьев, Муллова, Бунин, Бейлина, Давидович, Ситковецкий, Львов... Хоть и сохранили советское гражданство, но по долгосрочным договорам работают за рубежом Слободяник, Алексеев, Китаенко,

Третьяков, Ересько, Виардо, Крыса, Жислин. Законтрактовались надолго целые оркестры — с семьями. Грузинский камерный Лианы Исакадзе — в Германии, Юрий Башмет с ансамблем — во Франции, «Виртуозы Москвы», оставив безутешными поклонников, — в Испании под патронажем принца то ли Андалузского, то ли Анжуйского. В Изра-

ильском симфоническом оркестре играет наполовину наш народ. Анекдот не из новых — эмигранты выходят из самолета в Тель-Авиве: если у новоприбывшего нет скрипки в руках, значит — пианист.

Нет, пожалуй, в мире известного музыкального коллектива, где бы не участвовали наши исполнители. Играл Питсбургский оркестр в

Московской консерватории, первая скрипка — негр. Удивленный шепот в зале: что, наших не хватает?

По границам — лучшие музыкальные педагоги, некоторые из них, как, например, Захар Брон, увозят с собой и лучших учеников. Страну покинули целые музыкальные школы: скрипичная, фортепианная, мало что осталось от оркестровой. Уехали тысячи и тысячи музыкантов.

Нет, я не согласен с отбывшим за рубеж шестнадцать лет назад блестящим пианистом Валерием Афанасьевым, который говорил мне: «То, что уезжают исполнители, никакой роли для культуры не играет. Они, конечно, нужны, чтобы поместить бесконечную музыку в пространство и время. Но они не пишут историю человеческого мозга, а лишь расцветивают разными способами уже готовые картинки. Но это не творчество. То, что при Сталине были великолепные исполнители, подтверждает, что они не выражают духовную сущность времени. Вот композиторы, писатели, художники невероятно нужны для культуры страны».

Я не согласен, потому что у каждого времени, у каждого мгновения бытия свой Бах, свой Моцарт и Чайковский, сущность которых вскрывают и делают нужными людям именно исполнители. И потому их исход для духовной культуры страны — безусловно утрата.

Сегодня главная задача в том, чтобы на родине тоже смогли наслаждаться искусством тех, кто нашел свое место за рубежом. Ведь не то что валютные гонорары звездам по мировым расценкам — транспорт и гостиницу обеспечить при нашей тотальной разрухе немисливо сложно. А наши в большинстве неприхотливы, и родные консерваторские стены, куда их долгие годы не допускали, для них ностальгически привлекательны.

Праздником похорон, цитируя Бальмонта, назвала газета «Культура» недавний Международный день музыки. Если иметь в виду партийно-государственную систему управления музыкальной культурой — все правильно. Но ведь речь ведут о другом: о том, что государство и отцы нации дают на культуру три копейки из рубля. А надо бы побольше, чтобы не разбежались последние музыканты. Но вдумайтесь: ведь вконец обнищавшей державе больше и сэкономить не на ком и не на чем. Бюджет одного оркестра

Ростроповича больше, чем у всего союзного министерства культуры. Инструменты для симфонического оркестра современного класса стоят два-три миллиона долларов. Заработки у музыкантов, — по видимому, чтобы думали о высоком и трепетном, а не о фарцовке, — у каждого такие, как у нас на весь коллектив. И слава Богу, что и некоторые наши артисты теперь получили такие условия.

Неужели лучше было в те времена, когда, отправляясь на гастроли за рубеж, брали музыканты с собой гаечные ключи: снять где-нибудь с «Мерседеса» выхлопную трубу, свинтить колесные диски и «толкнуть» на родине — это же годовая зарплата в Москонцерте. Стыдно, но «вертеться» так или иначе приходилось.

Положение, конечно, изменилось, кстати, еще и потому, что музыканты больше не крепостные и уж если допечет — могут переменить судьбу.

Хотя в целом картина все равно удручающая. Такими спонсорами, каких нашли новые оркестры Плетнева и Дударовой, каждую филармонию не осчастливишь. Нынешние Мамонтовы, Третьяковы и Морозовы предпочитают давать деньги на конкурсы красоты, Хиндемитом и Шнитке их привлечь пока трудно. Да и времена такие, что если есть охота замолить грехи — лучше пожертвовать на богадельню.

Надежда — на наших процветающих соседей по планете, которые не давали и, думаю, не дадут окончательно загубить то, что не востребовано, не сбережено, что нам в обузу, в непосильные хлопоты.

Подход к тонкому слою духовной элиты должен быть таким же, как к чернобыльским детям, — главное, чтобы выжили. Не стоит тащить всех в общую могилу, тем более что рафинированный эстет в нашем жестоком беспределе — первый кандидат на вымирание. Спасибо нужно сказать тому, кто даст ему хлеб, кров и возможность сохранить дар божий. Убережет от злости, безысходности, ненужности, чтобы не спился, не ушел в шоу-бизнес. Ведь в отличие от писателя, композитора, художника исполнитель живет «здесь и теперь», его творение не отложишь, как рукопись, в стол, как картину — в запасник. Его талант погибнет невостребованным.

В последнее время от чужого достатка и нам кое-что перепадает.

Ростропович, Ашкенази, Кремер, Афанасьев, Фельцман выходят на московские сцены чаще, чем когда они в родной стране жили. И ничего ни у Горбачева, ни у Ельцина не требуют, напротив, щедро благодетельствуют.

Нет оснований страшиться и космополитизации, обезличивания национального искусства. Русская музыка, как и немецкая, итальянская, испанская, живет независимо от штампа о прописке. А люди, прошедшие наши университеты, и за рубежом остаются русскими, сохраняют свой дух и традиции. Всегда узнаваемы сила и самобытность людей, выдержавших испытания нашими обстоятельствами, — в запретной исповедальной обнаженности чувств, страстей, в неразделенности света и тьмы в их творчестве.

Многосложность, противоречивость нашего бытия, истории только, может быть, музыке и подвластна. Не потому ли не иссякает поток музыкальных талантов на русской земле, который не был пресечен ни первой волной послеоктябрьской эмиграции, ни последующими репрессиями, ни перестройкой? Не формировала ли музыкальных гениев века — Прокофьева, Шостаковича, Шнитке, Ростроповича, Ойстраха, Рихтера — среда обитания в не меньшей степени, чем гены и педагоги? Не помогли ли превратить весь мир в планетарный зал российских музыкантов те, кто вынудил тысячи исполнителей покинуть страну? Воистину нужно было уйти, чтобы остаться, явить себя своей родине и всему миру.

Не похороны ждут нашу музыкальную культуру. Нет, глобальная экспансия и вселенское торжество русской музыки.

Леонид ГОЛЬДИН,
доктор философских наук

На фото:
Пианисты Владимир Вярдо и
Владимир Фельцман,
дирижер Лев Маркиз (в центре).
Фото В.Плотникова

СНЕЛИ

ЧЕЛИ

СЕМЬ ДНЕЙ В НЕДЕЛЮ И 24 ЧАСА В СУТКИ

наши брокеры работают для Вас
на РСТСБ, ВБН, Росавтобирже,
Московской региональной бирже приватизации

Сырье, товары, ценные бумаги

Телефон (095) 255-98-45

Факс (095) 255-93-07, (095) 292-65-11 СНЕЛИ

Телекс 411700 СНЕЛИ SU

123022 Москва, Большая Декабрьская, 7.

«ОБЕРЕГ» — ЗНАЧИТ ОБЕРЕГАТЬ

ФИРМА «АСКАР и К»: тел: 426-76-37, 315-37-06.
МЕДИЦИНСКИЕ УСЛУГИ: тел: 496-63-01 } «ЮЖНЫЙ»
Москва — 497-90-94 }
490-50-65 «ТОМРИ»
Иркутск: (0172) 36-20-27
Караганда: (3210) 55-61-46
Алма-Ата: (3272) 61-57-83
Киев: (044) 442-16-95

*«Наш девиз: Бизнес —
на помощь милосердию»*

А.Ахметов — президент медико-социального хозрасчетного центра «ОБЕРЕГ»

В.Богоявленский — вице-президент центра «ОБЕРЕГ», руководитель социальных программ

С.Жерлицын — генеральный директор фирмы «АСКАР и К».

А.АХМЕТОВ: Совсем недавно медико-социальный центр «ОБЕРЕГ» отметил свой первый юбилей — год с момента образования. Вся деятельность «ОБЕРЕГА», созданного по инициативе Советского фонда милосердия, направлена на осуществление благотворительных программ и, прежде всего, это помощь инвалидам. Но, как известно, любая благотворительность требует немалых средств. Учрежденная центром «ОБЕРЕГ» фирма «АСКАР и К» как независимая коммерческая структура призвана финансировать эти программы милосердия. Мы заинтересованы в успехе нашей фирмы, ведь часть ее прибыли поступает на благотворительные счета «ОБЕРЕГА» и в конечном счете оборачивается конкретной помощью нашим подопечным.

За год своего существования «ОБЕРЕГ» совместно с «АСКАР и К» создал сеть лечебно-оздоровительных центров широкого профиля. Большой популярностью у москвичей пользуются ИИ «Южный» и «Томри», оказывающие такие эффективные медицинские услуги, как безоперационное лечение варикозного расширения вен, табакокурения, алкоголизма и др. Группа фирм «Томри» известна также в Караганде, Минске, Киеве, Крыму, Алма-Ате. Для инвалидов плата за мед. услуги в наших центрах сокращена вдвое, в будущем же планируем лечить таких пациентов бесплатно.

С.ЖЕРЛИЦЫН: Фирма «АСКАР и К», так же как и лечебно-оздоровительные центры, созданные при ее участии, напрямую связывает свою деятельность с благотворительными программами «ОБЕРЕГА», отчисляя часть своего дохода на их осуществление. Замечу, кстати, что мы стараемся предоставлять работу в наших подразделениях прежде всего инвалидам, больным людям, лишенным возможности передвигаться. Они охотно выполняют на дому обязанности диспетчеров, референтов, делают основную техническую работу.

«АСКАР и К» — это универсальная фирма с основными направлениями деятельности: брокерской, дилерской, издательской и т.д.

Тесная связь со всеми регионами нашей страны, низкие брокерские проценты — слагаемые престижа нашей молодой фирмы.

Большим успехом у наших заказчиков пользуется реализуемая фирмой специализированная компьютерная программа «АТЛ», помогающая вести делопроизводство на двух языках — русском и национальном. В ближайшее время «АСКАР и К» откроет информационно-коммерческий центр «ДИЛБРОК», где будет осуществляться компьютерная обработка всей входящей коммерческой информации, а квалифицированные экономисты-аналитики будут принимать решения по реализации той или иной

сделки. Оперативная связь соединит наш центр с региональными биржами. Кроме того, в данный момент ведутся переговоры в Китае относительно создания совместного предприятия по выпуску медицинских препаратов на основе трав. Мы планируем также организовать при наших мед.центрах китайские автоки и привлечь к лечению китайских специалистов.

В.БОГОЯВЛЕНСКИЙ: В эти предновогодние дни мы начинаем благотворительную акцию, рассчитанную на несколько месяцев. Цель ее — помочь самым нежизненным из наших сограждан-москвичей пережить эту нелегкую голодную зиму. Наша инициативная группа при содействии префектур выбрала 500 человек с самым минимальным доходом, в основном это старики и инвалиды. Мы постараемся помочь им выжить в экстремальных условиях нашей действительности. Ежедневное бесплатное питание, организованное нами в специальных столовых по месту их жительства, будет, надеемся, им хорошей поддержкой.

*Хотим пожелать
всем людям
здоровья и
благополучия.
Будем же добрее
и милосерднее!*

ИММДЖ
РЕКЛАМА

Аэрофлот предлагает
новую международную авиалинию

МОСКВА— ГЕТЕБОРГ

По этому маршруту самолет Аэрофлота
ТУ-134 летает один раз в неделю.

SU 213 Воскресенье		Аэропорт		SU 214 Воскресенье
09.40	о.	Москва	п.	17.30
11.15	п.	Копенгаген		
12.15	о.			
13.00	п.	Гетеборг	о.	14.00

Время указано местное.

ПОДРОБНУЮ ИНФОРМАЦИЮ О ПОЛЕТАХ ВЫ МОЖЕТЕ ПОЛУЧИТЬ В
ЛЮБОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ АЭРОФЛОТА, А ТАКЖЕ В МЕЖДУНАРОДНОЙ
СПРАВОЧНОЙ АЭРОФЛОТА В МОСКВЕ ПО ТЕЛЕФОНУ: 156-80-19.

АЭРОФЛОТ

Soviet airlines

21-3-198

Фирма «ГРАФИКА-М» + фирма «TRODAT»

индекс 73746

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ
ФИРМЫ **trodat** В СССР

Графика-М

Москва, 109004, Б. Коммунистическая, 23

272-00-69 ← ☎ → 272-14-87

271-10-05

Самокрасящиеся
штампы и печати
Наборные
минитипографии
Нумераторы
и многое другое